

УДК 902.6

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2017 г. А.А. Чижевский

В статье даны результаты исследования позднего периода ананьинской культурно-исторической области (АКИО), очерчен круг памятников этого времени и произведено обоснование их хронологической позиции. На основании данных радиоуглеродного анализа, предметов-хроноиндикаторов и керамических комплексов определены границы позднего периода АКИО – конец V–III/II вв. до н.э. Предметы импорта, на которых во многом строится хронология, поступали на территорию АКИО со Среднего Дона, Южного Приуралья, Поволжья и Западной Сибири. Наличие в разных регионах ананьинского мира одинаковых украшений, выполненных в зверином стиле, предметов вооружения и импортных изделий из одних и тех же территорий свидетельствует о наличии внутренних связей между культурами и регионами позднего периода АКИО и сохранении единого культурного пространства вплоть до конца существования АКИО.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Среднее Поволжье, Прикамье, хронология, поздний период, ананьинская культурно-историческая область.

Протяженность позднего периода ананьинской культурно-исторической области (АКИО) около 200 лет. В материальной культуре в это время происходят существенные изменения по сравнению со средним периодом АКИО: начинается проникновение импортов из ареала обитания среднедонских скифов, савроматские изделия и их подражания замещаются раннесарматскими. На рубеже V и IV вв. до н.э. происходит трансформация ананьинского очага металлургии, исчезают характерные для АКИО предметы вооружения из бронзы, такие как кельты, наконечники копий и чеканы (Кузьминых, 1981, с. 180).

В среднем течении р. Белой и, частично, на Нижней Каме и Средней Волге эти процессы были усугублены проникновением кочевников с последующей «сарматизацией» материальной культуры ананьинского населения р. Белой (Пшеничнюк, 1967, с. 164–166; Савельев, 2008, с. 70; Ашихмина, 2014, рис. 50: 5, 6, 8; Галимова, 2017; Морозов, 2017, с. 9, рис. 20: 12). Закономерно, что этот процесс привел к трансформации АКИО. В III/II вв. до н.э. ананьинский мир распадается, и на его основе вырастают образования второй фазы раннего железного века, материальная и отчасти духовная культура которых отлична от АКИО (Чижевский, 2013, с. 80–81).

Исследователи, обращавшиеся к позднеананьинской тематике, освещают в основном региональные проблемы, до настоящего времени отсутствует общая характеристика позднеананьинских памятников на всей территории распространения ананьинского мира, а также обоснование хронологической позиции

позднего периода АКИО. В данной работе я постарался заполнить эту лакуну, уделяя особое внимание хронологии.

К сожалению, поздний период АКИО в меньшей степени, чем предшествующие, обеспечен датирующими материалами,ковыми являются даты ^{14}C и хроноиндикаторы¹. Кроме хроноиндикаторов, время существования которых подтверждено источниками вне ананьинского мира, имеются предметы, которые датируются с опорой на стратиграфию и закрытые комплексы памятников АКИО. Их можно назвать хроноиндикаторами второго порядка, которые диагностируют хронологию менее надежно, но все же используются для датирования в регионах, где они получили достоверную атрибуцию и привязку к стратиграфической и хронологической шкале. Таковыми для позднего периода АКИО являются псалии концеворского типа, глиняные ритуальные фигурки и керамические комплексы.

Псалии концеворского типа встречаются исключительно на позднеананьинских памятниках, и поэтому их хронологическая позиция как хроноиндикатора позднего периода АКИО безупречна, сложнее дело обстоит с глиняными ритуальными фигурками, близкие типы которых имеются как на позднеананьинских, так и пьяноборских памятниках (Иванов, 1976, с. 312; Голдина и др., 2013, с. 58–65). В этом случае отнесение памятника к позднему периоду АКИО возможно только тогда, когда глиняные фигурки сочетаются внутри одного

¹ Подробнее о хроноиндикаторах см. Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 101.

объекта или слоя с керамикой позднеананьинского времени.

Для определения хронологической позиции керамических комплексов, как правило, привлекаются орнаментация и форма сосудов, которые на протяжении всего времени существования АКИО менялись. Хроноиндикаторами второго порядка для керамических комплексов АКИО позднего периода являются три типа керамики: конецгорский, ныргындинский и белогорский, названные так по эпонимным памятникам.

Хронологическая позиция конецгорского типа керамики, распространенного на севере АКИО, обоснована А.В. Збруевой на материалах Конецгорского селища (Збруева, 1952, с. 216–260). Ныргындинская стадия и, соответственно, тип керамики, бытующий в центральных регионах АКИО и на юге, выделен Л.И. Ашихминой на серии памятников Средней и Нижней Камы (Ашихмина, 2014, с. 73, 74). Белогорский тип, распространенный преимущественно на юге АКИО, но встречающийся и в центральных регионах, выделен В.В. Гольмстен, обоснование хронологической позиции выполнено А.А. Чижевским (Гольмстен, 1924, 1925; Чижевский, 2014).

Количество дат, полученных по ^{14}C , для позднеананьинского периода невелико, в настоящее время мы располагаем лишь шестью такими датами для четырех памятников. 67 памятников отнесены к позднему периоду АКИО на основании присутствия в их коллекциях предметов хроноиндикаторов, принадлежность 125 определена по керамике. Общее количество объектов позднеананьинского времени составляет 192, с учетом дублирования датировок некоторых памятников как с помощью хроноиндикаторов, так и дат по радиоуглероду. Конечно же, это не окончательные цифры, это та информация, которую удалось получить из публикаций, археологических карт и постановлений регионов РФ о постановке на гос. учет памятников истории и культуры.

Ареал распространения памятников позднего этапа АКИО включает семь географических регионов: 1. Европейский Северо-Восток, 2. Верхняя Кама (до устья р. Вишера), 3. Средняя Кама (до устья р. Белой), 4. Нижняя Кама (до устья р. Кама), 5. бассейн р. Белой, 6. бассейн рр. Ветлуга и Вятка, 7. Средняя Волга (ниже устья р. Сура до Самарской Луки). Это огромная территория, некоторое представление о которой дают следующие данные. Расстояние между самым северным и самым

южным памятниками с севера на юг составляет 1938 км, между самым западным и самым восточным – 931 км (рис. 1).

Присутствуют позднеананьинские древности и к западу от бассейна Камы и Средней Волги, но состояние изученности этих памятников в настоящее время не позволяет с точностью их диагностировать.

Памятники позднего периода АКИО распределены в пределах ананьинского ареала очень неравномерно. Если смотреть на территорию АКИО с севера на юг по основным водным артериям, эта картина будет выглядеть следующим образом.

1. Регион Европейский Северо-Восток

В пределах Европейского Северо-Востока (ЕСВ) выделено 20 памятников, которые отнесены к позднему периоду АКИО.

Наиболее обоснованным выглядит отнесение сюда **Шиховского могильника (13)**², датировка которого основывается на двух датах по ^{14}C , полученных по углю, некалиброванные значения которых укладываются в рамки IV–II вв. до н.э. (погр. 26 – 2080±49 **ЛЕ5597**; погр. 27 – 2370±60 **ЛЕ6294**), а калиброванные имеют широкий диапазон от VIII–IV/III вв. до н.э. до II в. до н.э.–I в. н. э. (погр. 26 – 160–38 BC и 184 BC–6 AD; погр. 27 – 755–385 BC (одна сигма), 761–235 BC (вторая сигма)) (Васкул, 2002, с. 15).

Второй опорой датировок Шиховского могильника являются хроноиндикаторы³. Самым ярким элементом среди предметов-хроноиндикаторов являются зеркала (всего их 5 экз.), которые происходят из погр. 7, 13, 16, 18, 26 (Васкул, 2002, рис. 14: 23, 16: 1, 2, 4, 5), фрагмент подобного зеркала был найден и на **пос. Вис II (151)** (Буров, 1967, с. 127, табл. XXI: 9).

Зеркала подразделяются на плоские (погр. 13, 16, 18, 26 Шиховской могильник) (рис. 2: 13, 15, 17) и с утолщенным валиком по краю (погр. 7 Шиховской могильник, пос. Вис II) (рис. 2: 14, 16). В погр. 7, 13, 18 выявлены фрагменты, в погр. 16 и 26 отмечены целые зеркала.

Зеркало из погр. 16 (рис. 2: 17) имело боковую ручку, отлитую одновременно с диском. Ручка отделена от диска зеркала двумя

² В скобках дан порядковый номер памятника, совпадающий с номером на карте.

³ Обоснование времени существования предметов-хроноиндикаторов осуществляется по их первому упоминанию в тексте, а в дальнейшем происходит лишь ссылка на это обоснование без повторного обоснования хронологических рамок.

наклонными резными линиями. У остальных фрагментированных зеркал ручка отсутствует, видимо, утраченная при поломке. Ряд зеркал мог иметь ручку, прикрепляющуюся к нему уже после отливки с помощью специальных гвоздиков или штифтов, об этом свидетельствуют отверстия на краях дисков из погр. 13 и 26 (рис. 2: 15), впрочем, эти отверстия могут быть следами от крепления костяной или деревянной оправы.

Оборотная сторона зеркал из погр. 7, 13, 16, 18 Шиховского могильника и зеркала из пос. Вис II украшена орнаментом из концентрических окружностей. Кроме того, на зеркалах из погр. 16, 26 Шиховского могильника и пос. Вис II процарапаны изображения (рис. 2: 15, 17). В первом случае это медведь в профиль, стоящий на задних ногах, во втором – сложная сцена из четырех зооантропоморфных фигур (видимо, людей в масках), трое из которых стоят на нижних конечностях, а четвертая расположена в ногах стоящих фигур и лежит или стоит на четырех конечностях. В центральной части зеркала из пос. Вис II также было прочерчено изображение, однако из-за утраты его значительной части восстановить характер изображения не представляется возможным.

Вещевой комплекс большей части погребений с зеркалами Шиховского могильника не имеет датирующего значения, погр. 7 и 16 других находок, кроме зеркал, не имеют, погр. 13 содержит развал глиняного сосуда типа Перный (Васкул, 2002, рис. 18: 3).

В погр. 26 Шиховского могильника кроме зеркала имелись также: развал глиняного сосуда типа Перный, фрагменты железной гривны, круглопроволочные кольца с трубицей-спиралью, бронзовая бусина и пронизи, набор многозвеньевых литых обойм, овальная бляха с центральным отверстием для крепления к основе, плоская крестовидная бляха из бронзы, полые зооморфные подвески с изображениями медведя и бобра, плоская фигурка быка с ушком на спине для подвешивания, профильное изображение хищной птицы с петлей на оборотной стороне, изображение в фас хищной птицы с раскрытыми крыльями (рис. 2: 1–12; 4: 1) (Васкул, 2002, рис. 14: 14, 18, 20, 24, 15: 2, 5, 9, 11, 14, 17: 2, 18: 8).

К сожалению, большая часть этого обширного вещевого комплекса не имеет датирующего значения, исключением здесь является крестовидная бляха.

Бляха из погр. 26 (рис. 2: 1) относится к т. н. крестовидным, подобная находка извест-

на из впускного погребения в Чурачикском кургане ананьинского времени в Чувашии (Каховский, 1963, с. 172, рис. 3: 13; 1964, с. 75, рис. 13: 14), на Южном Урале в одиночном кургане Яковлевка II, погр. 5 (вторая пол. IV – рубеж IV/III вв. до н.э.) (Сиротин, Трейстер, 2014, с. 214, рис. 2: 4). Однако наиболее широко подобные бляхи представлены на Среднем Дону. Они известны в двух вариантах: 1) с выпуклой поверхностью (курган №17 Русская Тростянка, датирован по железным удилам IV в. до н.э.; кург. №4 (конец V–IV вв. до н.э.), кург. №8 и 10 (первая пол. IV в. до н.э.) у с. Колбино; кург. №11 группы Частые курганы, датирован по железным удилам IV в. до н.э.) и 2) с уплощенной поверхностью (кург. №2 у хут. Дубовой (начало/первая четверть IV в. до н.э.), датируются эти бляхи концом V–IV в. до н.э. (Либеров, 1965, табл. IX; Березуцкий, Разуваев, 2004, с. 67, рис. 4: 1–5; Савченко, 2001, с. 56; 2009, с. 241, 279, 280, рис. 16: 4–10, 12–16).

Нашивные бляхи подобной формы встречены в кургане IV в. до н.э. Денисова могила у г. Орджоникидзе (Мозолевский, 1980, с. 71, рис. 68: 3). Известны крестовидные бляхи также в материалах IV/III–II/I вв. до н.э. большебереченской и V–III вв. до н.э. новочекинской культур Сибири (Полосьмак, 1987, табл. IX; Троицкая, Бородовский, 1994, табл. LII: 170; Васкул, 2002, с. 15; Савченко, 2009, рис. 16: 4–7). Здесь стоит отметить определенное своеобразие находки из погр. 26. Она плоская, в отличие от выпуклых сибирских и I типа среднедонских аналогов. Следуя среднедонским аналогиям, датировку крестовидной бляхи из погр. 26 Шиховского могильника можно определить в рамках IV в. до н.э., остальные аналогии только подкрепляют эту дату.

Аналогии зеркалам из Шиховского могильника прослеживаются в погребальных комплексах прохоровской культуры. Изделия с утолщенным валиком по краю из погр. 7 Шиховского могильника и пос. Вис II (рис. 2: 14, 16) находят свои аналогии среди зеркал III–V типов по классификации А.М. Хазанова, время бытования которых определено в границах конца V–III/II вв. до н.э. (Хазанов, 1963, с. 62). III–II вв. до н.э. датирует зеркала с выступом, украшенные резным концентрическим орнаментом, М.Г. Мошкова (1963, с. 41, табл. 28: 20). Остальные зеркала Шиховского могильника – плоские, аналогии им прослеживаются среди прохоровских зеркал I типа по М.Г. Мошковой (IV–II вв. до н.э.), причем зеркала с орнаментом из концентри-

ческих резных линий (погр. 13, 16, 18) датированы III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 41, табл. 27: 8, 9).

Аналогии зеркалу из погр. 26 Шиховского могильника более широкие, такие зеркала встречались на протяжении всего времени существования прохоровской культуры в IV–II вв. до н.э., однако, учитывая наличие здесь крестовой бляхи, дату этого комплекса можно определить в пределах IV–III вв. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 41, табл. 27: 1–7).

Прочерченные изображения на зеркалах из погр. 16 и 26 (рис. 2: 15, 17) имеют интересные параллели в Западной Сибири на зеркалах, найденных на реках Казым и Ляпин. На них были начерчены одиночные изображения медведей, стоящих на задних конечностях, как в фас, так и в профиль, а также многофигурные композиции, изображающие людей в масках или же зооантропоморфов с лежащими или стоящими на четырех конечностях у них в ногах животными (Чернецов, 1953, табл. XIII: 1–4, XIV: 4). В.И. Чернецов относил эти находки к усть-полуйской культуре IV в. до н.э. – I в. н.э. (Чернецов, 1953, с. 150; 1953а, с. 227). Некоторое сходство в орнаменте обнаруживается у зеркала из пос. Вис II (рис. 2: 14) с более поздними зеркалами пьяноборского времени, в центральной части которых присутствует розетка в окружении concentрических кругов (Красноперов, 2006, с. 145, рис. 1: 1, 7). Однако в сарматских памятниках подобные зеркала датируются с рубежа IV/III по I вв. до н.э. (Скрипкин, 1990, с. 95, рис. 44). К тому же оформление висского зеркала более грубое, орнамент читается плохо, и утверждать однозначно, что в центральной части его присутствует лепестковая розетка, нельзя; плоская, а не выпуклая поверхность скорее свидетельствует в пользу более раннего – ананьинского времени изготовления данного предмета.

Таким образом, по аналогиям и другим датирующим предметам зеркала из погребений Шиховского могильника и пос. Вис II датируются IV–III/II вв. до н.э.

В погр. 1 и 23 (рис. 3: 4, 27) отмечены подчетырехугольные бляхи с длинным щитком, покрытым двурядным орнаментом из треугольников и двумя петлями для крепления на обратной стороне (Васкул, 2002, рис. 14: 2, 3).

В то время как набор предметов из погр. 23 не имеет датирующего значения (рис. 3: 5–10; 4: 12), в погр. 1 Шиховского мог. интерес представляет бронзовая зооморфная рукоять с головой хищника (медведя или волка) (рис. 3:

24) (Васкул, 2002, рис. 13: 12), подобная рукоять, но меньших размеров происходит и из погр. 28 (рис. 3: 25) (Васкул, 2002, рис. 13: 10). Прямых аналогий им нет, некоторая близость по орнаменту и форме присутствует с бронзовыми навершиями с изображением головы верблюда из межкурганного пространства (кург. 1) Филипповского мог., датированного второй пол./концом V – IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2012, с. 87 – 89, рис. 39: 1–3; Яблонский, 2013, с. 15, рис. 13).

Не имеет датирующего значения большая часть находок из погр. 28, среди которых навершие кинжала в виде хищной птицы с ухом, смотрящим вниз, фрагменты железных кинжалов и керамики типа Перный (рис. 3: 21–23, 4: 7) (Васкул, 2002, рис. 13: 10, 11, 13, 17: 7, 18: 2).

Исключением здесь выглядит бляха в виде хищного животного с массивными лапами и ухом в виде спирали. Верхняя часть бляхи имеет трапециевидное расширение, на конце которого отмечен двурядный орнамент из треугольных вдавлений (рис. 3: 26) (Васкул, 2002, рис. 15: 3). Этот орнамент и две петли на обороте бляхи заставляют сделать предположение о том, что данная бляха должна датироваться в тех же рамках, что и остальные бляхи с двурядным орнаментом из треугольников на длинном щитке и двумя петлями для крепления на обратной стороне. Подобная бляха известна и в материалах Ананьинского могильника (Карпелан, Уйно, 2009, с. 23, рис. В).

Более ранние – однопетельчатые аналоги подчетырехугольным бляхам с длинным щитком, покрытым двурядным орнаментом из треугольников и двумя петлями для крепления на обратной стороне, отмечены в погр. 663, 920 Старшего Ахмыловского могильника и сборах на территории Ананьинского некрополя (Збруева, 1952, табл. XVII: 2; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 126: 9а). Судя по датировке погр. 663 и времени существования Старшего Ахмыловского могильника в целом, однопетельчатые бляхи датируются с середины VII и не позднее рубежа VI/V–V вв. до н.э. Наиболее ранняя двупетельчатая бляха с длинным овальным щитком, покрытым двурядным орнаментом из округлых выпуклостей, известна по находке из погр. 2 кург. 9 мог. Мечет-Сай, она датируется V в. до н.э. (Смирнов, 1964, рис. 22: 8).

Датировка подчетырехугольных блях с двурядным орнаментом из треугольников на длинном щитке и двумя петлями для крепления на обратной стороне по аналогиям в ранне-

кара-абызских и прохоровских (Ленинск, кург. №3, погр. 15) памятниках – IV–III вв. до н.э., гороховских древностях (Кадыровский VI могильник, кург. №4, с сардониковой подвеской) – IV в. до н.э., может быть определена в рамках IV–III вв. до н.э. (Мошкова, 1963, табл. 32: 8; Пшеничнюк, 1973, с. 183, рис. 6: 112; Васкул, 2002, с. 14).

В постананьинскую эпоху традиция изготовления прямоугольных двупетельчатых блях переживает свой расцвет, в погребальных комплексах пьяноборской культуры насчитывается около 400 подобных изделий. Они известны в Афонинском, Ново-Сасыкульском, Нырғындинском I и II, Пьяноборском, Тойгузинском I (сборы Н. М. Капленко 1998 года), Чегандинском II и др. могильниках (Генинг, 1971, табл. III: 11, XIX: 9; Агеев, 1992: с. 43, 116, табл. 8: 19, 21; Голдина, Краноперов, 2012, табл. 239: 11).

Таким образом, датировка двупетельчатых блях с треугольным двурядным орнаментом на длинном подчетырёхугольном щитке из погр. 1 и 23 Шиховского могильника может быть ограничена IV–III или же IV–II вв. до н.э., учитывая пьяноборские аналогии.

Еще одним хроноиндикатором, выявленным в погр. 22 Шиховского могильника, является бусина синего стекла с глазками, расположенными по линии максимального диаметра (Васкул, 2002, с. 10, рис. 14: 10), датируется она IV–III вв. до н.э. по античным аналогиям – тип 100 (Алексеева, 1975, с. 70, табл. 16: 29).

Большой интерес представляет погр. 36 Шиховского могильника, которое содержало большое количество инвентаря, в том числе керамику типа Перный (рис. 4: 3), обломки неопределенных бронзовых и железных предметов, бронзовые стержневидную булавку и макет лыж (рис. 3: 18–20) (Васкул, 2002, рис. 13: 14, 15: 1, 7, 17: 8, 18: 4). Однако, единственным хроноиндикатором в инвентаре данного погребения является бронзовый зооморфный крючок типа 1.1.1⁴. (рис. 3: 17) со скульптурным изображением волкообразных со сдвоенными головами, общей пастью на щитке и крючком в виде головы грифона или хищной птицы.

Ближайшие аналогии крючкам данного типа прослежены на Среднем Дону (кург. №3, 10 группы «Частые курганы», кург. №11/16, 32/32 (2 экз.) у с. Мастюгино) (Замятнин, 1946, рис. 10: 1, 27: 3, Либеров, 1965, табл. 32: 2, 3, 6, 16; Гуляев, 1969, с. 121, рис. 3, 4, 5; Пузикова, 2001, с. 66–68, рис. 41: 6, 7;

⁴ Типология зооморфных крючков дана по Васильеву, 2002.

Савченко, 2004, с. 235, 236, рис. 28: 1–5). Судя по датировке наиболее репрезентативных погребений, зооморфные крючки подобного типа на Среднем Дону датируются серединой – второй половиной IV в. до н.э. (Савченко, 2004, с. 234).

Более ранним временем – V, может быть началом IV в. до н.э., по комплексу предметов датирован зооморфный крючок из савроматского кургана №25 Сладковского могильника на Нижнем Дону (Максименко, 1983, с. 30, 31, рис. 14: 7), который, как отмечает Е.И. Савченко, выглядит архаичнее среднедонских и, соответственно, ананьинских образцов (Савченко, 2004, с. 236).

Таким образом, группу крючков АКЮ со сдвоенным изображением волкообразных с общей пастью на щитке и стилизованным грифоном (птицей) на крючке (1.1.1.) по среднедонским аналогиям, можно датировать серединой – второй половиной IV в. до н.э., а учитывая нижнедонскую аналогию – концом V–IV в. до н.э.

В погр. 32 выявлен невыразительный набор находок, среди которых интерес представляет литая бронзовая ложечка, видимо, подвеска (рис. 3: 1–3) (Васкул, 2002, с. 12, рис. 14: 25, 26, 15: 15). Датируется она по многочисленным аналогиям на памятниках второй пол. V–II вв. до н.э., которые представлены костяными ложечками, иногда украшенными зооморфным завершением рукояти (Смирнов, 1964, рис. 14: 4, 32: 26, 36; 1984, рис. 25: 1; 1989, табл. 66: 45, 50, 57, 69: 60, 61, 74, 75; Берлизов, 2011, табл. 56, отдел 2, тип 1, 2; Пшеничнюк, 2012, рис. 79: 1, 97: 2, 5, 112: 6; Яблонский, 2013, с. 93, №352, с. 116, №1249, с. 160, №1973). Почти полный аналог ложечке из погр. 32 составляет бронзовая ложечка из Табынского гор. кара-кабызской культуры, датированного IV–III вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1983, с. 103, рис. 17: 2).

К сожалению, окончание подвески в виде колокольчика из погр. 27 Шиховского могильника не сохранилось (Васкул, 2002, рис. 14: 17), подвески такого типа встречены как в раннеананьинских, так и в позднеананьинских памятниках, но, судя по наличию прорези характерной формы, время её существования сближается с находками из Скородумского клада (см. ниже), и данная подвеска может быть датирована – IV–III вв. до н.э.

Кроме Шиховского могильника и пос. Вис, II хроноиндикаторы известны в **Канинской пещере (81)**. Это крупные, до 11 см, трехлопастные наконечники стрел (2 экз.) типа С-54

(рис. 3: 11, 12) с внутренней втулкой, треугольным и башнеобразным вытянутым пером (Канивец, 1964, рис. 30: 1, 2). Форма пера у данных наконечников имеет вогнуто-выпуклые очертания, лопасти сильно опущены относительно среза втулки и оканчиваются заостренными шипами.

Аналогии наконечникам типа С-54 прослежены в древностях кулайской культуры (городище Барсов городок I/20, Барсовский могильник, гора Кулайка, Мурлинский клад, Степановское городище, поселения Каменный мыс и Степановское I) (Чернецов, 1953, Табл. XI: 1; Чиндина, 1984, рис. 12: 6–11; Чемякин, 2008, рис. 79: 38, 39, 83: 22, 23). По кулайским аналогиям наконечники стрел типа С-54 датируются IV–II вв. до н.э. (Чернецов, 1953, с. 226–229; Чиндина, 1984, с. 35). Кроме того, наконечники данного типа встречены на поселении Абатское саргатской культуры, где датированы III–II вв. до н.э. (Могильников, 1992, табл. 122: 31).

Из Канинской пещеры происходят также 3 экз. трехлопастных наконечников стрел типа С-50 (рис. 3: 13–15) со сводчатым и треугольным пером и с шипами, опущенными ниже среза втулки (Канивец, 1964, рис. 30: 3, 4, 7). Аналоги данного типа наконечников известны у савроматов, реже встречаются в Скифии. Судя по находкам подобных наконечников стрел в кург. 423 Журовского могильника (Мелюкова, 1964, табл. II), распространение данного типа наконечников началось уже в середине – второй половине VII в. до н.э. (Дараган, 2011, с. 596–598), находки в Ольвийском некрополе погр. 52/1911, 66/1911 свидетельствуют об их существовании и в VI в. до н.э. (Скуднева, 1988, с. 79, 80). Они чрезвычайно распространены на савроматских памятниках VI–V вв. до н.э., в IV–III вв. до н.э. встречаются существенно реже, кроме того в позднее время они имеют небольшие размеры и более грубо изготовлены, чем ранние (Смирнов, 1961, с. 50), именно такие грубо изготовленные наконечники мы встречаем в коллекции Канинской пещеры.

Трехгранный наконечник стрелы типа С-94 (рис. 3: 16) с головкой треугольной формы и внутренней втулкой, грани пера гладкие, дуговидные с опущенными вниз шипами, происходит из поселения Шойнаты III (149) (Королев, 1988, рис. 1: 5). Аналогии наконечникам данного типа присутствуют в раннесарматских древностях, это наконечники стрел типа XVI по К.Ф. Смирнову и М. Г. Мошковой (кург. 11, 4 у с. Луговое), которые датированы

IV – началом III вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 57, табл. V, Г: 13–16). Близкие наконечники выявлены в материальной культуре скифов (курган №6 в Башмачках, Гайманова могила, Краснокутский курган, Козёл, Огуз, Солоха и др.), в которых они датируются IV–III вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 9, А: 2, 3; Б: 4, 5; В: 4, И: 2, 3, К: 5, 6, О: 9, П: 7; 1981, рис. 18: 3; Бидзиля, Полин, 2012, рис. 527: 3, 4; 645: 12). Исходя из приведенных аналогий, наконечники стрел типа С-94 по скифским и раннесарматским аналогиям можно датировать в пределах IV–III вв. до н.э.

Возраст остальных памятников ЕСВ опирается на керамические комплексы, наиболее ярким хронологическим репером здесь является керамика с орнаментом конецгорского типа, который представляет собой короткий наклонный двузубый или трехзубый штамп (Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016, с. 50). Основой для датировки этого типа орнамента является Конецгорское селище, обоснование хронологии которого дано ниже, в разделе – регион Средняя Кама.

Керамика с элементами конецгорского орнамента в регионе ЕСВ присутствует на сосудах типа Перный. Эти сосуды выявлены и в датированных по ¹⁴C и предметам-хроноиндикаторам памятниках: Шиховском могильнике (погр. 6, 13, 26, 28, 36 и в межмогильном пространстве) (рис. 4: 1, 3, 6, 7, 9, 12), пос. Вис II, пос. Шойнаты III (рис. 4: 4, 5), а также еще 16 поселениях – Палью IV ст. (26) (рис. 4: 8), Перный пос. (66), Ягу яр пос. (67), Сынявом пос. (68), Сотчемьель пос. (86), Себьяг I пос. (146), Руччой I пос. (147), Дресва-Шор пос. (148) (рис. 4: 2), Шойнаты II пос. (150) (рис. 4: 11), Вис III пос. (152), Топыд-Нюр I пос. (153), Питюяг I пос. (154), Мьелдинская ст. (155), Веслянская I ст. (156), Ус I пос. (157), Джуджидьяг (169) (Буров, 1967, табл. XXVIII: 9; Лузгин, 1972, рис. 24: 21; Канивец, 1974, рис. 45, 46: 4–6, 47: 1, 6, 7, 48: 1–4, 49: 1, 2, 50: 4, 58, 60, 61; Ашихмина, 1977, рис. 3: 5, 8, Королев, 1988, рис. 1: 8, 9; 1997, рис. 12: 2, 13: 2, 18: 5, 9; Ашихмина, Васкул, 1997, с. 329, рис. 9: 1, 10: 13, 14: 3; и др.). В Канинской пещере отмечена керамика ныргындинского типа (рис. 4: 10).

2. Регион Верхняя Кама (до устья р. Вишера)

В пределах данного региона известен только один памятник позднего периода АКИО – стоянка Усть-Уролка I (145), которая отнесена к этому периоду по керамическому комплексу (О государственном, 2000, №1126). Отсутствие других памятников позднего пери-

ода в регионе объясняется слабой изученностью территории и отсутствием развернутых публикаций.

3. Регион Средняя Кама (до устья р. Белой)

Это самый крупный по количеству позднеананьинских памятников регион, всего здесь насчитывается 89 объектов позднего периода АКИО, в том числе и три могильника.

Датировки по радиоуглероду в регионе Средней Камы отсутствуют. По предметам-хроноиндикаторам к данному периоду отнесено 30 памятников: Заюрчимское I сел. (10), Скородумский клад (11), Алтен-Тау гор. (12), Конецгорское сел. (18), Гремячанское сел. (19), Гляденовское костище (20), Юго-Камское костище (21), Заосиновское I пос. (61), Ермаши гор. (63), Половинное I пос. (65), Висимская дача местонах. (73), Юг, пос. (74), Малая Чеганда местонах. (Чегандинское I городище?) (77), Усть-Качка пос. (79), Галкинское гор. (80), Каракулинский мог. (84), Степановское гор. (92), Болгары IX (114), Тарасовское святил. (162), Бор I (170), Турбинский клад (171), Чегандинское I гор. (176), Быргындинское IV пос. (177), Быргындинское II (Каменный Лог) гор. (178), Мало-Никольское I гор. (179), Момылёвское гор. (180), Усть-Сарапульское гор. (181), Яромаское гор. (182), Субботинское I гор. (183), Усть-Нечкинские I, II гор. (187).

Наибольшее количество предметов-хроноиндикаторов выявлено на городище Алтен-Тау, Заюрчимском I и Конецгорском селищах.

Основанием для отнесения **Заюрчимского I селища (10)** к позднему периоду АКИО служат наконечник стрелы С-52, два бронзовых зооморфных крючка, железная уздечная подвеска и глиняные ритуальные фигурки.

С Заюрчимского I селища происходит крупный, длиной около 6 см, трехлопастной наконечник стрелы типа С-52 (рис. 5: 1) (Вечтомов, 1967, табл. 1: 97; Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 19). Он имеет башнеобразной формы перо, лопасти вогнуты и образуют дугу с западиной в средней части. Шипы длинные, опущенные, изогнуты к втулке таким образом, что образуют полукруг. Втулка внутренняя, небольшая. Полные аналогии ему неизвестны, однако по деталям оформления (башнеобразная головка; дуговидные лопасти; опущенные, длинные приостренные шипы; крупные размеры) тип С-52 можно сопоставить с наконечниками стрел кулайской культуры, происходящих из Мурлинского клада, Степановского городища, горы Кулайка, поселений Степановского I, Камен-

ный мыс и др. (Чернецов, 1953, табл. XI: 1–4; Косарев, 1969, рис. 23: 7; Чемякин, 2008, рис. 79: 29, 37–39, 41, 83: 22, 23). Основное отличие рассматриваемого наконечника от кулайских – более широкое основание пера и больший изгиб дуги лопасти. Некоторое сходство у данного наконечника имеется и с отдельными тагарскими экземплярами (Членова, 1967, табл. 12: 44). Датировка наконечника типа С-52, по аналогиям с кулайскими, определена в рамках IV–III/II вв. до н.э. (Чернецов, 1953, с. 226–229; Чиндина, 1984, с. 35).

Вторым хроноиндикатором, который позволяет отнести Заюрчимское I селище к позднеананьинскому времени, является железная уздечная подвеска (рис. 5: 2), т. н. «стилизированный налобник» (по Е.И. Савченко), которая была атрибутирована А.Д. Вечтомовым во время публикации как псалий (Вечтомов, 1967, с. 142, табл. I: 99; Васильев, 2002, с. 218, рис. 8). В средней части находки присутствует крупное круглое отверстие. Один из концов стержня подвески приострен и слабо отогнут, второй изогнут почти в виде знака вопроса в противоположную сторону и заканчивается изображением головы хищной птицы с выделенным изогнутым клювом и округлыми глазами.

Близкие к заюрчимской подвески с изображением головки птицы на длинной шее, изготовленные из бронзы и железа, известны на Среднем Дону, где они присутствуют в уздечных наборах кург. №1 могильника «Частые курганы» и кург. №1 мог. Дуровка (конец V – третья четверть IV в. до н.э.) (Замятнин, 1946, рис. 6: 1; Савченко, 2009, с. 259, рис. 10: 1, 2). Конструктивно к заюрчимской близка также подвеска из клада, найденного на территории Бельтинского II могильника в Чеченской Республике, но здесь загнутый конец стержня оформлен в виде головки травоядного животного (Виноградов, 1986, рис. 5). Подвески из железа со стилизованной головкой птицы, в виде шишечки, конусовидной или каплевидной формы широко распространены на Среднем Дону, где они датируются с конца V по IV в. до н.э., иногда верхняя часть подвески закольцована (Савченко, 2009, с. 259, 260, рис. 10: 3–23). Железные «стилизированные налобники» известны по материалам Каменского городища, погр. 2, кург. 2 Хомина Могила, кург. №10 у с. Владимировка, погребению коня №3, находке на ритуальной дорожке кургана Огуз и др. (Граков, 1954, с. 138, табл. XIX: 6; Мозолевский, 1973, рис. 34: 9; Фіалко, 1996, рис. 3: 1–12; Савченко, 2008, с. 260).

Наибольший интерес среди этих комплексов представляют Хомина Могила и курган Огуз, возраст которых определен соответственно концом IV – началом III в. до н.э. и 330–325 гг. до н.э. (Мозолевский, 1973, с. 234; Фіалко, 1996, с. 96; Алексеев, 2003, с. 269, 297).

Встречены железные «стилизированные налобники» и у ранних сарматов – кург. №2, погр. 2 мог. Мечет-Сай (Смирнов, 1961, рис. 56: 7), здесь они датируются несколько раньше – первой половиной V/V вв. до н.э. (Берлизов, 2011, с. 184). В Филипповском курганном могильнике они встречены в погр. 1 кург. №11, еще одна подвеска найдена в 150–160 м к западу от кургана №1, датировка некрополя определена в рамках конца V–IV вв. до н.э. (Яблонский, 2013, кат. 1543, 1544, 1547, 3144).

А.Д. Вечтомов относил свою находку к V–IV вв. до н.э. (Вечтомов, 1967, табл. I: 99), однако, учитывая время существования подобных предметов у кочевников, необходимо сделать некоторую корректировку и датировать «стилизированный налобник» в пределах конца V–IV вв. до н.э., на что указывает большая часть аналогий.

Подкрепляют позднеананьинскую позицию времени существования Заюрчимского I селища бронзовый зооморфный крючок из сборов 1977 г. С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука, который относится к группе 2.1.1. – волкообразные (рис. 5: 5). На этом крючке, на щитке, присутствует изображение волкообразного хищника со сдвоенной головой и общей пастью, непосредственно сам крючок без украшений – простой, на обороте петля для крепления на ремень (Васильев, 2002, с. 77–78). Подобные крючки известны в коллекциях Ананьинского могильника, в том числе и 1 экз., изготовленный из железа. Крючки данной группы, вероятно, являются упрощенной версией крючков группы 1.1.1., в основе композиции которых находятся волкообразные и грифон. Аналогии группе 2.1.1. прослежены на Среднем Дону. Это железный крючок из кург. №11/16 у с. Мастюгино с сильно стилизованным изображением волкообразного хищника, дата его по железным наконечникам стрел, набору золотых бляшек и другим предметам определена IV в. до н.э. (Либеров, 1965, с. 27, табл. 32: 1; Гуляев, 1969, рис. 6; 2016, рис. 36; Савченко, 2004, с. 238, рис. 27: 6). В соответствии с датировкой мастюгинской находки зооморфные крючки группы 2.1.1. АКЮ датированы IV в. до н.э.

Еще одной категорией предметов, которые можно рассматривать в качестве датирующих, являются глиняные статуэтки, которые встречаются лишь на памятниках позднего периода АКЮ и в постананьинское время на поселениях пьяноборской культуры (Иванов, 1976, с. 308–312). Датировку всей этой серии предметов, антропоморфных, зооморфных и геометрических, можно ограничить пределами позднего периода АКЮ – IV–III вв. до н.э. (Вечтомов, 1967, с. 137, рис. 187, 189; Иванов, 1976, с. 312; Голдина и др., 2013, с. 81, 83).

В коллекции Заюрчимского I селища присутствуют шесть изделий, выполненных в глиняной пластике (Голдина и др., 2013, с. 61, табл. Ж: 24), датировать которые следует в пределах IV–III вв. до н.э.

На основании приведенных выше данных, датировка позднеананьинского слоя Заюрчимского I селища может быть определена в границах конца V–III/II вв. до н.э.

На **Концегорском селище (18)** также отмечен ряд хроноиндикаторов. Это наконечники стрел типа С-54 и С-92, стеклянная глазчатая бусина, псалии концегорского типа и глиняные ритуальные фигурки.

Крупные, до 11 см, трехлопастные наконечники стрел типа С-54 с треугольным и башнеобразным вытянутым пером и внутренней втулкой. Известны два наконечника этого типа, первый происходит из Концегорского селища (рис. 5: 27) (Збруева, 1952, табл. 42: 5), второй со стоянки **Бор I (170)** (Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 18, 20). Форма пера наконечника из Концегорского селища имеет вогнуто-выпуклые очертания, лопасти сильно опущены относительно среза втулки и оканчиваются заостренными шипами, шипы наконечника из стоянки Бор I утрачены. Аналогии наконечнику из Концегорского селища прослежены в древностях кулайской культуры (городище Барсов городок I/20, Барсовский могильник, гора Кулайка, Мурлинский клад, Степановское городище, поселения Каменный мыс и Степановское I) (Чернецов, 1953, табл. XI: 1; Чиндина, 1984: рис. 12: 6–11; Чемякин, 2008, рис. 79: 38, 39, 83: 22, 23). В кулайских материалах отмечены аналогии и для борского наконечника с пером треугольной формы (гора Кулайка, Степановское I поселение, Саровка) (Чиндина, 1984, рис. 12, 6–11).

По кулайским аналогиям наконечники стрел типа С-54 датируются IV–II вв. до н.э. (Чернецов, 1953, с. 226–229; Чиндина, 1984, с. 35).

Трехгранные с внутренней втулкой сводчатые наконечники второго варианта типа С-92 с дуговидным вырезом базы в количестве 3 экз. (рис. 5: 21) присутствуют в коллекциях Конецгорского селища (Збруева, 1952, с. 237, табл. 42: 4; Кузьминых, 1983, табл. XLVIII: 3). Аналогии им имеются в скифских древностях среди наконечников 9 типа V–IV вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 24, табл. III), в том числе кург. 2 Семибратней курганной группы, время существования которой определено в рамках V–IV вв. до н.э. (Мелюкова, 1989, с. 113), или 460–425 гг. до н.э. (старшая группа) и 425–375 гг. до н.э. (младшая группа) (Алексеев, 2003, с. 296); в Казахстане в слое V в. до н.э. пос. Дингельдже (Медведская, 1972, табл. 2) и коллекциях тасмолинской культуры, датируемых V–III вв. до н.э. (Кадырбаев, 1966, рис. 66: 19). В раннесарматских памятниках такие наконечники датируются, в основном, IV вв. до н.э. (Мошкова, 1962, табл. 30). Исходя из принципа территориальной близости, наконечники стрел типа С-92 по раннесарматским аналогиям правомерно датировать IV или же IV–III вв. до н.э.

Из раскопок А.В. Збруевой на Конецгорском селище происходит крупная цилиндрическая бусина низких пропорций из синего стекла, украшенная глазками, в глазках синий диск окружен белым кольцом, подобная бусина известна в коллекции предметов из **Турбинского клада (171)** (Прокошев, 1940, рис. 3: 2). Наиболее близкие аналоги глазчатым бусинам из Турбина и Конецгора относятся к типу 78а (по Алексеевой) античных бус, судя по наличию в глазках следов керамической основы, на которой формировалось ядро; они относятся к ранним экземплярам, датируемым V–III вв. до н.э. (Алексеева, 1975, с. 68, табл. 15: 11).

Четвертым критерием отнесения Конецгорского селища к позднему периоду АКЮ служат псалии (3 экз.) (очаг №9 и др.) т. н. «конецгорского» типа (рис. 5: 24), стержневые одно или двудырчатые, которые чаще всего изготавливались из костей стоп медведя и трубчатых костей. Их объединяет оформление одного или обоих окончаний в виде головы медведя (?), расположенной поперек длинной оси псалия. Второй конец иногда оставался необработанным, сохраняя форму эпифиза (Вечтомов, 1967, с. 142). Эта категория находок встречена только на позднеананьинских памятниках и может служить в качестве дополнительного подтверждения позднего возраста памятника.

Аналогии концегорским псалиям вне ананьинского мира немногочисленны. Наиболее ранние из изображений головы медведя на псалиях отмечены в скифских древностях Посулья в кург. 505 у с. Броварки, который датирован V в. до н.э. (Ильинская, 1957, с. 238; 1968, с. 132, 153 Галанина, 1977, с. 60, табл. 29: 19). Второй четвертью V в. до н.э. датированы двудырчатые стержневидные псалии из Хошеутова с изображением головы хищника, расположенной поперек длинной оси на одном конце (на втором – изображение головы верблюда) и двух окончаний (Очир-Горяева, 2012, рис. 208: 4, 5, 211: 9, 10). Здесь же присутствуют псалии с головками травоядных, также расположенных поперек длинной оси (Очир-Горяева, 2012, рис. 209: 6, 7, 210: 8). Близки к концегорским скульптурные головки хищников на железных двудырчатых псалиях из кургана №491 у г. Макеевка, датировка которых по греческой керамике и колчанному набору определена первой половиной V в. до н.э. (Галанина, 1977, с. 29, табл. 13: 5). Сходство контура головы животного на псалиях концегорского типа и роговых псалиях кургана «Черная Гора» VI в. до н.э. у с. Абрамовка отмечает К. И. Корепанов (1981, с. 131), но, на мой взгляд, это изображение не имеет к медведю никакого отношения (Смирнов, 1964, с. 234, рис. 9: 2Г).

Непонятна ситуация с находкой костяной скульптурки, по форме аналогичной псалиям концегорского типа (но без отверстия), на стоянке рязанской неолитической культуры Черная Гора (Цветкова, 1970, с. 150, рис. 26: 7). Возможно, он попал в слой стоянки эпохи неолита в результате позднего перекопа.

Зооморфные изображения на окончаниях двудырчатых псалий в скифском искусстве распространены, в основном, в V в. до н.э. Немногочисленные находки подобных изделий в лесостепной Скифии связаны с началом – серединой IV в. до н.э., в степной Скифии они почти не известны (Петренко, 1967, с. 37; Алексеева, Булатович, 1990, с. 38, рис. 1: 14; Скорий, 1997, с. 40–41; Полидович, 2004, с. 153–161; Бабенко, 2005, с. 160, 164, рис. 4: 5, 20: 10, 11; Махортих, 2006, с. 63, рис. 11: 11–12; Махортых, 2012, с. 154, рис. 12: 11–12; Савченко, 2009, с. 234, 235, рис. 4: 17; Берлизов, 2011, с. 184; Бидзиля, Полин, 2012, с. 218, 219).

Лишь единичные экземпляры изображений на псалиях начала – середины IV в. до н.э. относятся к хищникам с головой, расположенной поперек длинной оси псалия. Тако-

вы бронзовые двудырчатые S-видные псалии из тризны (комплект №5) Гаймановой могилы (380 г. до н.э.), абрис головы хищников на которых близок к форме головы «медведей» на концегорских псалиях (Бидзиля, Полин, 2012, с. 218, 219, рис. 313: 2, 314: 1–3). Подобным образом оформлены бронзовые двудырчатые псалии с восьмерковидным расширением в центральной части из кургана №13 у с. Русская Тростянка на Среднем Дону (Савченко, 2009, с. 234, рис. 2: 13). Изображения на окончаниях псалиев в последнем случае атрибутированы как головы «лошадки», но круглая форма ушей заставляет усомниться в этом определении. Датируется данное погребение концом V – первой половиной IV в. до н.э. (Савченко, 2009, с. 234).

Изображения хищников на окончаниях псалиев отмечены также в кургане №5 у аула Уляп, датированного концом V–IV вв. до н.э. (Масленицина, 1992, рис. 3: 16), а также среди находок из с. Мамайка в Ставрополье и из Осетии (Крупнов, 1960, табл. XIII: 6, 8).

Отдельную группу аналогий образуют двудырчатые и однодырчатые псалии из рога. Конструктивно очень схожа с «конецгорскими» псалиями находка из среднего слоя (VI–V вв. до н.э.) Пекшеевского городища на Среднем Дону. Это стержневой однодырчатый псалий, верхнюю часть которого украшает скульптурное изображение головки травоядного животного, расположенное поперек длинной оси (Медведев, 1998, рис. 9: 8; Полидович, 2004, рис. 5: 10). Некоторое сходство по конструкции с «конецгорским» имеют двудырчатые псалии, увенчанные с одной или двух сторон головкой грифона, размещенной поперек длинной оси – они отмечены в окрестностях г. Бийска, кург. №1 мог. Красный Яр на Алтае – и находке из окрестностей Кисловодска (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 48, рис. 3; Полидович, 2004, с. 153, рис. 5: 4).

Таким образом, основное количество аналогий изображению хищника с головой, расположенной поперек длинной оси двудырчатого псалия, в скифском искусстве приходится на V–IV в. до н.э.

Псалии данного типа, происходящие из коллекции Конецгорского селища, можно датировать по находкам из слоя этого памятника других предметов-хроноиндикаторов и по аналогиям в рамках V/IV–III вв. до н.э.

Коллекция Конецгорского селища, кроме того, насчитывает 17 экз. предметов глиняной пластики (рис. 6: 2, 3) (Голдина и др., 2013, с. 59, табл. Ж: 30), время существования кото-

рых определено в рамках IV–III вв. до н.э. В этих же пределах, возможно, с захватом V в. до н.э., можно датировать и позднееананьинский слой Конецгорского селища.

Керамика, полученная А.В. Збруевой в результате раскопок на Конецгорском селище, имеет такие характерные черты глиняной посуды АКЮ, как круглодонность, примеси раковины в глиняном тесте, наличие шнуровой орнаментации, присутствие здесь сложношнурового орнамента позволяет отнести часть керамического комплекса памятника к среднему периоду АКЮ (Збруева, 1952, с. 254, табл. I: 5, 6, рис. 33). В то же время, значительный массив керамики представлен воротничкой и безворотничкой посудой с небогатой орнаментацией, основным элементом которой является раздельный двух и трехзубый штамп (рис. 7: 10, 12–15) (Збруева, 1952, табл. L: 6–8, табл. LI: 7). К сожалению, точных данных о количестве керамики с этим типом орнамента нет, но, по информации А.В. Збруевой, фрагменты с гребенчатыми оттисками составляли около 40% от всего массива глиняной посуды (Збруева, 1952, с. 256). Опираясь на время существования Конецгорского селища, установленное по предметам-хроноиндикаторам, коллекцию керамики, происходящую из культурного слоя Конецгорского селища, следуют датировать в рамках IV–III вв. до н.э., возможно, с захватом V в. до н.э.

Возраст материалов позднего периода АКЮ на **городище Алтен-Тау (12)** определен по следующим категориям предметов-хроноиндикаторов: бронзовым наконечникам стрел С-41, С-50, С-66, С-94, С-98, костяному зооморфному крючку, проволочным кольцевидным подвескам с конусовидным завершением, псалиям «конецгорского» типа и предметам глиняной пластики (Черных, 1959; Борзунов, 1997; 1997а).

Трехлопастные наконечники стрел С-41 (рис. 5: 6) с треугольным пером, выступающей втулкой, доходящей до конца пера и заостренными концами лопастей, известны в пределах АКЮ по находкам на городище Алтен-Тау и Юго-Камском костище (Поляков, 1967, с. 210; Борзунов, 1997, рис. 5: 20; 1997а, с. 207). Ближайшие аналогии данным наконечникам прослежены в колчаных наборах раннесарматских могильников среди наконечников стрел типа IXB, датируемых IV–II вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 49, табл. IIIГ). Они встречаются в позднескифских царских курганах, таких как Краснокутский, Огуз, Чертомлык и др., которые датируются IV – началом III вв.

до н.э. (Смирнов, 1961, с. 49; Мелюкова, 1981, рис. 18: б, е; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, рис. 64: 9). В пределах данных аналогий IV–III вв. до н.э., видимо, следует датировать и наконечники стрел типа С-41.

Наконечник С-50 датируется в рамках IV–III вв. до н.э. (подробнее см. выше) (Черных, 1959, рис. 7: 8).

Трехгранный наконечник С-66 (рис. 5: 20) с треугольной головкой и выступающей втулкой происходит из раскопок городища Алтын-Тау (1 экз.) (Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 35). Аналогии ему прослежены в раннесарматских древностях, причем наиболее близок он IV типу прохоровских наконечников стрел (по К.Ф. Смирнову и М.Г. Мошковой), которые появились еще в конце VII – первой половине VI вв. до н.э. Однако мелкие экземпляры (Алебастрова гора, кург. 3; Бажиган и др.), подобные позднеананьинским наконечникам и в том числе наконечнику из Алтен-Тау, датируются IV–II вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 52; 1964, рис. 40: 4, 50: 16). У скифов данные наконечники представлены 1 вариантом типа 3, отдела 3 (по А.И. Мелюковой) (кург. 6 группы Частых курганов, кург. 3 у с. Мастюгино, кург. 2/23 у с. Мастюгино, Кара-Меркит, Волчанск I курган 8 погр. 3 и др.), где они датированы V–IV вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 8: К, 1, Т, 1–3; Полин, Кубышев, 1997, с. 40, рис. 10: 8; Савченко, 2004, с. 188, рис. 11: 1, 22). Исходя из приведенных аналогий, мелкие наконечники типа С-66 можно датировать по скифским и прохоровским аналогиям V–III/II вв. до н.э.

Трехгранный наконечник типа С-94 (рис. 5: 4) с головкой треугольной формы и внутренней втулкой, грани пера гладкие, дуговидные с опущенными вниз шипами, также был выявлен на городище Алтен-Тау (Борзунов, 1997, рис. 5: 21; 1997а, с. 207). Аналогии наконечникам данного типа присутствуют в раннесарматских древностях, это наконечники стрел типа XVI по К.Ф. Смирнову и М.Г. Мошковой (кург. 11, 4 у с. Луговое), которые датированы IV – началом III вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 57, табл. V, Г: 13 – 16). Близкие наконечники выявлены в материальной культуре скифов (кург. №6 в Башмачках, Гайманова могила, Краснокутский курган, Козёл, Огуз, Солоха и др.), в которых они датируются IV–III вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 9, А: 2, 3; Б, 4, 5; В: 4, И: 2, 3, К: 5, 6, О: 9, П: 7; 1981, рис. 18: з; Бидзиля, Полин, 2012, рис. 527: 3, 4; 645: 12). Таким образом, наконечники стрел типа С-94

по скифским и раннесарматским аналогиям можно датировать в пределах IV–III вв. до н.э.

На городище Алтен-Тау, выявлен и один наконечник стрелы типа С-98 (рис. 5: 7) (Борзунов, 1997, рис. 5: 22; 1997а, с. 207). Он трехгранный, с узкой пирамидальной головкой и внутренней втулкой, грани наконечника гладкие, заточенные, база ровная с небольшими выступами-шипами. Аналогии ему происходят из раннесарматских комплексов IV в. до н.э. (станция Павловская, кург. 2/1888, 4/1888) (Смирнов, 1961, рис. 34: 1, 3, 4; Мошкова, 1963, табл. 15, 16). Данный наконечник также соотносится с четвертой хронологической группой скифских наконечников стрел по А.И. Мелюковой, подобные наконечники отмечены в Гаймановой могиле (первая пол. IV в. до н.э.), кург. 3, Владимировка, кург. 5, погр. 5 Кут, кург. 2, погр. 3 Никопольского могильника, кург. 14, погр. 2 Солоха и др., датированных, в основном, IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 9, Д: 3, 3: 10, И: 5, М: 2; Полин, Кубышев, 1997, с. 40, рис. 3: 2, 8: 2, 10: 10, 21: 12; Бидзиля, Полин, 2012, с. 515, рис. 527: 5, 6). С учетом приведенных аналогий, датировка наконечников стрел типа С-98 определена рамками IV в. до н.э.

Костяной орнитоморфный крючок из коллекции городища Алтен-Тау относится к группе 5.1.1 (рис. 5: 11) (Борзунов, 1997а, рис. 6: 1). Это многочисленная группа крючков АКЮ, широко представленная на памятниках АКЮ как в кости, так и в бронзе. По распространенному мнению исследователей, прототипом для изготовления крючков этого типа АКЮ (костяных и бронзовых) считаются крючки с изображением «летающих грифонов с распростертыми крыльями» из Среднего Подонья (Васильев, 2002, с. 80). Существует и альтернативная точка зрения, рассматривающая крючки группы 5.1.1 как результат более раннего местного развития и утверждающая заимствование этой категории предметов среднедонскими скифами (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, с. 61). Действительно, такие крючки из бронзы и железа широко распространены в скифской культуре Среднего Дона: кург. №5 Колбино (первая половина IV в. до н.э.); кург. №29/21 (№2, 1906 г.) (IV в. до н.э.), 15/11 (конец V в. до н.э.), 47/30 (середина IV в. до н.э.) Мастюгино; кург. №4 (середина IV в. до н.э.) Русская Тростянка (Либеров, 1965, с. 27, табл. 32: 4, 5; Пузикова, 2001, с. 53, 61, 67, 86, рис. 13: 1, с. 105, рис. 32: 13,

с.148, рис. 7: 1; Савченко, 2001, с. 56, рис. 26: 12; 2004, с. 233–235, рис. 27: 1 – 4).⁵

На Нижней Волге орнитоморфный крючок с изображением птицы с распахнутыми крыльями известен по случайной находке у с. Кише, который отнесен В.С. Ольховским к крючкам с фигурно-пластинчатыми замками, датированными им IV в. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 35, рис. 10: 1; Ольховский, 1999, с. 185, рис. II: 8; Савченко, 2004, с. 235).

Таким образом, все аналогии орнитоморфным крючкам группы 5.1.1. относятся к концу V–IV вв. до н.э., в этих же пределах, вероятно, датируются и крючки АКЮ, как металлические, так и костяные.

Височная проволочная кольцевидная подвеска с конусовидным завершением из закрученной спиралью конца проволоки, раскопанной в плоскую ленту (рис. 5: 8), найденная на городище Алтен-Тау в результате раскопок 1980–1982 гг., также может рассматриваться как хроноиндикатор (Борзунов, 1997, с. 177, рис. 5: 19). Такие подвески зафиксированы на ряде памятников финала АКЮ (подобная, но с сомкнутым проволочным кольцом подвеска выявлена в погр. 26 Шиховского могильника), известны такие подвески и в материалах Уфимского мог. (Збруева, 1952, с. 43, прим. 2, табл. VI: 6; Васкул, 2002, рис. 14: 14).

Аналогии данным изделиям отмечены в белореченской культуре, где они известны в погр. №5, кург. 1 могильника Милованово 2, относящегося к березовскому этапу (IV/III–II/I вв. до н.э.) (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXVIII: 3, 4, ЛП: 185). В рамках V–III вв. до н.э. датируются височные подвески с конусовидным завершением на Саяно-Алтае (могильник Новотроицкое I) (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 122: 17, 19). Аналогичные подвески известны в Китае в материалах культуры Яньбулакэ в Синьцзяне второй половины VI–III вв. до н.э., причем большая часть этих находок относится к IV–III вв. до н.э. (Шульга, 2010, с. 105, рис. 53: 11, 84: 14).

Близкие височные подвески зафиксированы в пьяноборских могильниках Нижнего Прикамья: Нырғындынском II (погр. 3/1898, 1, 7, 11, 17, 18, 27 – 1954 г.), Уяндык (погр. 4, 17), Чегандинском II (погр. 5, 14–16, 19, 25, 31, 39, 62, 64, 68, 88, 92, 94, 99, 110, 113, 120, 122, 139, 159, 172, 175, 179, 184, 189, 192, 209, 212, 213) и др., где они датируются III в. до

н.э. – II в. н.э. (Худяков, 1933, с. 18, табл. IX: 28; Генинг, 1970, с. 91, рис. 20: 22, табл. I: 1, 2; 1971, рис. 44: 1, табл. I: 1, 2; Голдина, 2004, рис. 101: 9).

Судя по массовым находкам подобных изделий в пьяноборских некрополях, распространение проволочных кольцевидных подвесок с конусовидным завершением приходится, в основном, на постананьинское время, а наличие этих подвесок в единичных случаях на ананьинских памятниках свидетельствует об их поздней дате, вплотную смыкающейся с самым финалом АКЮ. Данному факту не противоречат и аналогии, большая часть которых приходится на IV–III вв. до н.э., подтверждает эту дату комплекс погр. 26 Шиховского мог. с зеркалом прохоровского типа, датированный IV–II вв. до н.э.

Поздняя хронологическая позиция городища Алтен-Тау опирается также на находки псалиев конецгорского типа (3 экз.) – V/IV–III вв. до н.э. (рис. 5: 22, 23) и предметов глиняной пластики (3 экз.) – IV–III вв. до н.э. (Борзунов, 1997а, рис. 6: 2–4; Голдина и др., 2013, с. 60, табл. Ж: 27).

По представленным выше аналогиям дату формирования позднеананьинского слоя городища Алтен-Тау можно определить в границах конца V–III вв. до н.э.

Одним из эталонных памятников позднеананьинского периода является **Гляденовское городище (костище) (20)**, которое отнесено к этому времени по наличию в его материалах бронзовых наконечников стрел типа С-44, С-46, бронзовой подвески с изображением медведя и предметов глиняной пластики.

Наконечник стрелы С-44 (рис. 5: 26) трехлопастной, длинный, с вытянутым, треугольной формы пером, заточенным бойком, лопасти которого заканчиваются приостренными шипами, длинная втулка далеко выступает за пределы пера. Фрагмент литейной формы для отливки наконечников С-44 найден здесь же, на Гляденовском костище (Спицын, 1901, Табл. XII: 34; Новокрещенных, 1914, с. 63, табл. XII: 30; Кузьминых, 1983, табл. XLVI: 58). Аналогии наконечникам С-44 известны на Нижней Оби на пос. Усть-Полуй, Айдашинской пещере, а также среди случайных находок на р. Печоре и в Западной Сибири на памятниках кулайской культуры (гор. Барсов городок I/20, пос. Каменный Мыс, Шеркалинский могильник, погр.11) (Чернецов, 1953, с. 126, 127, табл. II: 1, 3, 5, 6, XXIV: 4; Чиндина, 1984, с. 34, рис. 12: 5, 22: 7; Чемякин, 2008, рис. 79: 40). На основании находки подоб-

⁵ За основу датировки среднедонских курганов взяты определения Е.И. Савченко.

ного наконечника в Айдашинской пещере, комплекс которой датируется IV в. до н.э., общей датой существования усть полуйской культуры (IV в. до н.э. – I в. н. э.) (Чернецов, 1953а, с. 226, 227), датировкой находки из гор. Барсов городок I/20, которая найдена в колчанном наборе с двумя наконечниками стрел типа С-54 (IV–II вв. до н.э.) (Чемякин, 2008, с. 86, рис. 79: 38, 39), датой комплекса погр. 11 Шеркалинского могильника (II в. до н.э. – II вв. н.э.) (Чиндина, 1984, табл. 4), а также общей датировкой кулайской культуры (IV в. до н.э. – III в. н. э.) (Чемякин, 2008, с. 86, 92), наконечник типа С-44 в АКИО следует датировать не ранее IV в. до н.э. и не позднее II вв. до н.э., времени прекращения существования ананьинской КИО.

В единственном экземпляре известен в АКИО и наконечник стрелы типа С-46 (рис. 5: 10), он также происходит из Гляденовского костища (Спицын, 1901, табл. XII: 23; Кузьминых, 1983, табл. XLVI: 59). Трехлопастной наконечник типа С-46 имеет четко выраженные башнеобразные очертания пера и прямые лопасти, которые заканчиваются острыми опущенными шипами. Втулка выступает ниже шипов пера, ее длина немногим более чем 1/3 от общей длины наконечника стрелы. В средней части втулки отмечены три поперечных валика.

Подобные наконечники известны по находкам в Западной Сибири. Они выявлены в сборах и материалах, полученных в результате раскопок пос. Усть-Полуй В.С. Адриановым в 1935 – 1936 гг. (Мошинская, 1953, с. 72; Чернецов, 1953, с. 126, табл. II: 9, 10). Датируются усть-полуйские находки IV в. до н.э. – I в. н.э. (Чернецов, 1953, с. 227). Наконечник стрелы типа С-46 АКИО в свете этих аналогий правомерно датировать IV–III вв. до н.э., может быть, с охватом начала II в. до н.э., т.е. времени трансформации АКИО в культуры постананьинского времени.

В коллекции городища также присутствует бронзовая подвеска с изображением медведя, стоящего на вытянутых лапах с мощными когтистыми стопами, верхняя часть передних и задних ног украшена спиралями, на спине имеется небольшая петля (рис. 6: 4). По предположению Ст.А. Васильева, данная находка происходит из раскопок Н.Н. Новокрещенных (Васильев, 2002, с. 93, 299), но в публикации 1914 г. она отсутствует. Наиболее близкие аналоги данному изображению имеются на крючках группы 4.1.1. АКИО – IV в. до н.э. (см. ниже) и Новомордовской находке крючка

или булавки – IV–III вв. до н.э. (см. ниже). В пределах IV–III вв. до н.э. можно датировать и гляденовскую подвеску.

В составе находок Гляденовского городища (костища) представлены три глиняных ритуальных фигурки (рис. 6: 1) (Голдина и др., 2013, с. 60, табл. Ж: 27), время бытования которых определено IV–III вв. до н.э.

Время формирования позднеананьинского слоя на Гляденовском костище по представленным выше хроноиндикаторам укладывается в рамки IV–III/II вв. до н.э.

Позднеананьинский возраст **Гремячанского I селища (19)** установлен по наличию наконечника стрелы типа С-98 (рис. 5: 9), который датируется IV в. до н.э. (подробнее см. выше), псалям концгорского типа (33 экз.) – V/IV–III вв. до н.э. (рис. 5: 16, 25) и глиняным ритуальным фигуркам (33 экз.) – IV–III вв. до н.э. Авторы полевых работ и исследований отдельных категорий предметов определили время существования памятника в рамках конца V/IV–II вв. до н.э. (Вечтомов, 1962, с. 87; 1967, с. 142, табл. I: 87, 153; Кузьминых, 1983: табл. XLVIII: 11; Мельничук, Оборин, 1989, с. 78; Коренюк и др., 2014; Голдина и др., 2013, с. 60, табл. Ж: 4), с нижней границей этой датировки следует согласиться, но верхний рубеж нуждается в дополнительном обосновании, и пока его можно определить III в. до н.э. На памятнике выявлена значительная коллекция позднеананьинской керамики (рис. 7: 1–5).

Хроноиндикаторами, позволяющими отнести **Тарасовское святилище (162)** к позднему периоду АКИО, являются наконечники стрел типа С-50 (1 экз.) – IV–III в. до н.э. (рис. 5: 18), С-66 (1 экз.) – V–III/II вв. до н.э., С-92 (2 экз.) – IV–III вв. до н.э. (рис. 5: 12) и бляшка с изображением животного (лягушки) (рис. 6: 5), которая также может быть датирована IV–III вв. до н.э. (Голдина и др., 2013, табл. 22: 4–6, 24: 1).

Бронзовая бляха выполнена в виде животного с округлой спиной и мощными когтистыми полусогнутыми лапами. Вытянутая голова с закругленной в верхней части пастью, без выделенных ноздрей и глаз, выполненный в виде восьмерковидного украшения с выпуклым шаром глазницы, характерное положение передних ног, а также отсутствие хвоста определяют её сходство с лягушкой. В то же время манера изображения частей тела тарасовской лягушки сближает её с изображениями частей тела медведей позднего периода АКИО, таких как мощные когтистые лапы,

украшение частей тела выпуклыми шаровидными и восьмерковидными изображениями, выпуклая спина. Соответственно и датировка бляшки с изображением лягушки должна лежать в таких же пределах, как и датировка бляшек и фигурок медведя IV–III/II вв. до н.э. Эту дату подтверждают и другие предметно-хроноиндикаторы из культурного слоя Тарасовского святилища.

Кроме того, в коллекции Тарасовского святилища представлено 77 глиняных ритуальных фигурок – IV–III вв. до н.э. (рис. 6: 11, 12) (Голдина и др., 2013, с. 63, табл. Ж: 1).

В пределах конца V–III вв. до н.э. датируют Тарасовское святилище и авторы полевых исследований (Голдина и др., 2013, с. 47).

Скородумский клад (11) является собранием предметов, найденных как археологами, так и местными жителями на размываемой части Скородумского селища. К позднему периоду АКЮ Скородумское селище и клад позволяют относить находки бронзового зооморфного крючка, орнитоморфной бляхи и подвесок в виде колокольчика (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 2: 2, 3: 87–90, 93, 94, 4: 1).

Представленный в составе клада крючок типа 6.1.1. (рис. 5: 17) «волкообразный + грифон» (с несколькими «зеркальными» головами животных на щитке) происходит из сборов А.Д. Вечтомова в 1979 г. (Васильев, 2002, с. 81; Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 4: 1). Щиток изделия содержит симметричные изображения голов хищников, соприкасающихся нижними челюстями, из шей хищников вырастают изображения голов хищных птиц, также симметричных и соприкасающихся клювами, на шеях хищников присутствуют полосы орнамента с небольшими выступающими квадратами, стержень крючка плоский, простой. Близких аналогий среди зооморфных крючков АКЮ и Среднего Дона нет. По оформлению запора и крепления в виде петли данный крючок аналогичен крючкам группы 2.1.1. (IV в. до н.э.).

Крючок со щитком округлой формы и простым стержнем запорного окончания известен по вещевому набору из кург. №1 погр. 1 Шиповского могильника кара-абызской культуры, датированному IV–III вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1976, с. 72, рис. 7: 4).

Стилистические особенности, и в частности раздвоенность головы хищника с распавшейся пастью и размещение головок птицы ближе к запору, позволяют соотнести скородумский крючок с зооморфными крючками типа 1.1.1. (конец V–IV в. до н.э.) и большей

частью 2.1.1. (IV в. до н.э.). Видимо, в рамках IV–III вв. до н.э. следует датировать и крючок из Скородумского клада.

В составе клада выявлено 7 колоколовидных подвесок, четыре из них, конусовидной формы, с выделенной петлей для подвешивания, имеют прорези в виде завитков (рис. 5: 14, 15), три цельнолитые без прорезей, шлемовидной формы (рис. 5: 13) (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 3: 87–89, 93, 94).

Шлемовидные подвески имеют аналогии в материалах скифских и памирских памятников IV в. до н.э. в Волковцах, Солохе и др., крепление для подвешивания может быть выполнено в виде круглой петли или узкого ушка (Литвинский, 1972, табл. 24: 27; Ильинская, 1973, рис. 4: 20, 21; Мозолевский, 1979, рис. 21: 7, 100: 1, 2; Мелюкова, 1981, рис. 14, 18–21; Манцевич, 1987, с. 108, Кат.100, С.111, Кат.113, С.113, Кат.123, С.114, Кат.131; Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 106: 8; Ковпаненко и др., 1989, с. 125, рис. 39: 16–18).

Аналогии подвескам с прорезями характерной формы в виде завитка или волны имеется в погр. 2, кург. 9 I группы курганов Шиповского могильника, которые датируются IV–III вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1976, с. 74, рис. 6, 9).

Кроме того, в составе клада отмечена объемная фигурка бобра (?) (рис. 6: 10), близкая фигурке из погр. 26 Шиховского могильника, которое датировано IV–III/II вв. до н.э. (см. выше).

Наиболее близкие аналоги орнитоморфной бляхе из Скородумского клада (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 2: 2) присутствуют среди погребального инвентаря погр. 6 Котловского мог. (см. ниже), который датируется IV – началом III вв. до н.э. Вторая орнитоморфная бляха с изображением трехголовой птицы (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 2: 4) относится, по всей вероятности, к постананьинскому времени.

Две бронзовые бляхи в виде женских рельефных фигурок из этого клада и изображения на двух бронзовых трапециевидных подвесках авторы публикации клада отнесли к V–III и IV вв. до н.э. по аналогии с изображением на зеркале из погр. 26 Шиховского могильника (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 1: 2, 4). Это сопоставление, на мой взгляд, неубедительно и не может быть принято без комментариев и дополнительных аналогий.

Юго-Камское костыще (21) отнесено к позднему периоду АКЮ согласно следующим категориям предметов: наконечнику стрелы типа С-41 – IV–III вв. до н.э. (рис. 5:

3) и глиняной ритуальной фигурке – IV–III вв. до н.э. (Поляков, 1967, с. 210; Голдина и др., 2013, с. 61, табл. 41: 9).

На **городище Ермаши (63)** имеются две категории предметов, которые встречаются лишь в поздний период АКИО, это псалии концеворского типа (5 экз.) – V/IV–III вв. до н.э. и глиняные ритуальные фигурки (12 экз.) – IV–III вв. до н.э. (Мокрушин, 2009, с. 99–101).

Известным памятником является **Галкинское городище (80)**, датировка позднеананьинского слоя на нем базируется на наконечнике стрелы типа С-50, время бытования которого определено IV–III в. до н.э. (подробнее см. выше) (Збруева, 1940, рис. 7: 1, 19; 1952, Табл. XXVI: 13).

Подкрепляет эту дату бляшка со стилизованным изображением опустившего голову медведя с округлой спиной, стоящего на согнутых передних ногах (рис. 6: 9). Статичность позы животного, в противоположность динамичным ранним изображениям, в ананьинском искусстве свидетельствует о том, что это изделие изготовили не ранее рубежа V–IV вв. до н.э. (Чижевский, Шаталов, 2012, с. 34). Подобная бляшка известна из Уфимского могильника (погр. 1, раскопки В.В. Гольмстен) (Васильев, 2002, с. 202, №45), время существования которого А.В. Збруева относил к переходному периоду от ананьинской эпохи к пьяноборской (IV–III вв. до н.э.) (Збруева, 1952, с. 43; АКБ, 1976, №1021). По своему облику бляшка из Галкинского городища вплотную приближается к бляшкам из Шиповского курганного могильника карабызской культуры, который датируется IV–II вв. до н.э. (Овсянников, 2013, рис. 2: 20), но в отличие от этих бляшек она не имеет дополнительных спиральных элементов в оформлении (АКБ, 1976, №1187). Близка к галкинской по стилистике, позе, выгнутой спине и мощным когтистым лапам бляшка с изображением лягушки (?) из Тарасовского святилища, датированного IV–III вв. до н.э. (Голдина и др., 2013, с. 43, 47, табл. 24: 1).

В пределах региона Средней Камы насчитывается 15 памятников, в составе коллекций которых присутствует лишь по одному хроноиндикатору.

В **Заосиновском I поселении (61)** это подвеска в форме лука с наложенной на него стрелой и круглой петлей для подвешивания в средней части тетивы (рис. 5: 19). Сам автор исследования памятника датировал слой, в котором была найдена подвеска, по керамике

с орнаментом концеворского типа – IV–III вв. до н.э. (Мокрушин, 1989, с. 82). Это не очень типичное для АКИО изображение лука, так как остальные три из Аргыжского и Буйского городищ и находка из Омар имеют большую детализацию. Обзор известных им украшений с изображением лука делали М.А. Дэвлет (Дэвлет, 1966, с. 70, 71), а затем С.Э. Зубов (Зубов, 2003, с. 12, рис. 1: 7, 10, 13), последний разделил их на две группы: луки в горите и луки с наложенной стрелой.

Наиболее близка по технике изготовления – штамповкой без лишних деталей – накладка из могильника Аймырлыг позднего этапа уюкской культуры в Туве V–III вв. до н.э., однако здесь лук помещен в налуч и не имеет наложенной на него стрелы (Мандельштам, 1992, с. 185, 196, табл. 75: 43).

Украшение в виде натянутого лука без петли для подвешивания происходит из погр. 37 мог. Старая Алейка большереченской культуры, датированного V–III вв. до н.э. (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 15, табл. XVI: 3; Могильников, 1997, с. 53, рис. 41: 3). Идентична по композиции подвеска в виде лука с наложенной на него стрелой и петлей для подвешивания из раннесарматского кург. 1, группы VI у пос. Благодословенский (Смирнов, 1964, рис. 37: 1ж), она выполнена техникой литья, но является именно подвеской, её датировку – IV в. до н.э. – правомерно использовать и в нашем случае.

Большой интерес представляет дореволуционная находка на **Висимской даче (73)** в Пермской губернии кинжала (рис. 6: 14), навершие которого украшено стилизованным дуальным изображением голов животных (волков, медведей?), обращенных затылком друг к другу. Рукоять кинжала рамчатого типа, боковые части рукоятки рифленые, центральная – покрыта стилизованным орнаментом, перекрестие дуговидное (изогнутое брусковидное) с намеченным переломом в центре (Спицын, 1902, с. 21, табл. XXVII: 8; Збруева, 1952, табл. XXI: 19).

Мечи и кинжалы с перекрестиями подобной формы относятся к мечам т. н. переходного типа и встречаются в раннепрохоровских древностях, где они датированы IV в. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 33, табл. 18: 5, 6, 9, 10, 15; Клепиков, 2007, с. 54, рис. 1: 16–26, 28).

Значительно реже встречается оформление навершия в виде дуальных изображений хищных животных. Небольшая серия мечей с подобным изображением, но узким бабочковидным или крыловидным перекрестием

была найдена в Башкирии (Белебей; совхоз «Дёма») и Казахстане (Башкуль), всю эту серию Р.Б. Исмагилов датирует второй пол. V – началом IV вв. до н.э. (Горбунов, Исмагилов, 1976, рис. 1: 6, 12; Имагилов, 1980, с. 227, рис. 2: 1–4). Однако отличие в форме перекрестия заставляют предположить более позднюю хронологическую позицию кинжала из Висимской дачи, который ближе к кинжалам переходного типа, чем к кинжалам с узким бабочковидным перекрестием.

Видимо, кинжал из Висимской дачи следует датировать IV в. до н.э. в рамках времени бытования кинжалов переходного типа.

Второй кинжал или же короткий меч с разнонаправленными изображениями голов животных (рис. 6: 16) обнаружен случайно в поселке **Юг (74)** Пермского района Пермской области (Коренюк, Денисов, 2003, с. 39, рис. 1, 1а). Рукоять рамчатая или псевдорамчатая, в углублении держака с обеих сторон отмечены стилизованные латеральные изображения припавших к земле животных (волков?) по три с каждой стороны. Перекрестие узкое, бабочковидное.

Мечи с изображением противостоящих голов животных на навершии известны по находке в Самарской области у с. Петровка, в Барабинской лесостепи у с. Новотроицкое Новосибирской области, с. Ильинское в Оренбуржье, Минусинской котловине (коллекция И.П. Товостина) (Tallgren, 1917, Pl. III; Исмагилов, Скарбовенко, 1977, с. 90, рис. 3: 4; Соловьев, Мартынов, Тербило, 1987, рис. 1: 1, 4, 5; Денисов, Мышкин, 2008, рис. 3: 8). Они изображают как хищных животных, так и травоядных (телят). Все эти аналогии датируются в пределах V–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 15, рис. 1: 11; Соловьев, Мартынов, Тербило, 1987, с. 136).

Очень близки по профилю изображения разнонаправленных головок быков на плакированной золотой фольгой рукояти кинжала из кургана Чертомлык, который предположительно был изготовлен в V в. до н.э., а помещен в могилу в IV в. до н.э. (350/340 – 320 гг. до н.э.) (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 102, 130, 131, рис. 67, кат. 192; Алексеев, 2003, с. 297). Фактически навершие меча из пос. Юг является редуцированным и, видимо, более поздним подражанием чертомлыкскому изделию.

Аналогии изображениям на рамке держака кинжала из пос. Юг также широко представлены в степном мире. Многофигурные изображения хищных «припавших к земле»

животных на рукоятках кинжалов известны в Среднем Подонье (кург. №3 ур. «Частые курганы», кург. №7 Колбино) – IV в. до н.э. (Либеров, 1965, рис. 2: 31, табл. 17: 1, 2; Савченко, 2004, рис. 2: 1, 3), Северном Причерноморье (Чертомлык (325–300 гг. до н.э.); кург. №8 из группы «Пять братьев» (350–320 гг. до н.э.); случайная находка из Дубновского района Ровенской обл. Украины) (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 222, кат. 184; Махортых, Иевлев, 2001, рис. 2: 2; Алексеев, 2003, с. 297; Гуляев, 2004, рис. 6), Южном Приуралье (Новая Богдановка, Петропаловка) – IV в. до н.э. (Смирнов, 1961, рис. 4: 5; 1976, рис. 1: 11; Исмагилов, 1978, с. 238, рис. 3), Северном Казахстане (Башкуль, случайная находка) – вторая пол. V – начало IV вв. до н.э. (Имагилов, 1980, с. 227, рис. 2: 3).

Таким образом, датировка меча из пос. Юг определяется датами его аналогов – IV в. до н.э., V в. до н.э. необходимо исключить, так как все находки непосредственно из погребальных комплексов датированы IV в. до н.э.

Случайные находки железных мечей из урочища **Малая Чеганда** (Чегандинское I городище?) (77) (рис. 6: 17) и пос. **Усть-Качка** (79) (рис. 6: 15) представлены изделиями с навершием в виде лап хищных птиц, соединенных поперечной переключиной (Тальгрэн, 1917, рис. 2, 3; Збруева, 1952, табл. XXI: 21; Коренюк, Денисов, 2000, с. 40, рис. 2). В основании навершия располагаются два кружка, навершие – узкое, бабочковидное, рукоять псевдорамчатая. Навершия такого типа иногда называют когтевидными. На хорошо сохранившемся экземпляре из урочища Малая Чеганда на рукоятке отмечено рифление боковых сторон и ряды вертикальных углубленных линий в ложбинке держака. Такие углубленные (гравированные?) линии, заштрихованные короткими поперечными чертами, на чегандинском мече окаймляют по периметру перекрестие, а внутри этого периметра койланогрифом переданы два завитка. Подобными горизонтальными линиями выделена также центральная часть клинка меча.

Ближайшие аналогии мечам с когтевидным навершием встречены в позднесавроматских и прохоровских древностях: в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане (кург. №11 мог. Кара-Оба; ур. Исикай Астраханской области), Среднем Поволжье (случайная находка с. Безречье), Южном Приуралье (случайные находки из сс. Акназарово, Воскресенское, Вязовка, Дададановка, Новая Богдановка, Ивановка, Талачево, Тляумбетово, кург. №18

Новокумакского могильника), где они датированы по колчанному набору из кург. №18 Новокумакского могильника IV в. до н.э. (Ростовцев, 1918, табл. VII: 14, 15; Синицын, 1952, рис. 27: 1; Смирнов, 1961, с. 21–22, рис. 4: 3–7; Горбунов, Исмагилов, 1976, с. 241, рис. 1: 9, 10; Исмагилов, 1978, рис. 1: 1–4; Денисов, Мышкин, 2008, с. 65, рис. 4: 6, 8, 10). Известны они также в Зауралье (погр. 1, 4 кург. №V Воробьевский I могильник) (Стоянов, Фролов, 1961, с. 61, рис. 30: 1, 2).

Однако опорными для датировки мечей с когтевидным навершием следует считать памятники скифского круга, которые датированы по греческому керамическому импорту. Мечи подобного типа встречены во впускном погребении кургана Солоха (400–375 гг. до н.э.), кург. №2 у с. Аксютинцы, кург. №3, погр. 2 Перещеино, кург. №2 Волковцы, кург. №4 в Оснягах, кург. №1 погр. 1 Елизаветовского могильника, погребении на пос. у с. Жаботин, ур. Стайкин верх и других, вся эта группа находок датирована концом V–IV вв. до н.э. (Миллер, 1910, с. 115, табл. V: 23а, 23б; Мерперт, 1948, с. 78, 79, рис. 22: 4; Смирнов, 1961, с. 21; Мелюкова, 1964, с. 58, табл. 20: 6, 8, 9; Манцевич, 1987, кат.48; Ковпаненко, и др., 1989, с. 121, рис. 38: 5; Алексеев, 2003, с. 36, 296; Махортых, 2012, рис. 10: 1, 4).

Исходя из этих аналогий, всю серию мечей и кинжалов с когтевидным навершием с территории АКЮ следует датировать в пределах конца V–IV вв. до н.э.

Медалевидное зеркало из **Каракулинского могильника (84)** (рис. 6: 13) получено из дореволюционных раскопок И.Н. Смирнова (1895, с. 264, 265; Збруева, 1952, табл. XVII: 22). Зеркало представляет собой плоский диск, к которому отдельно прилита небольшая ручка подчетыреугольной формы, согнутой в петлю. Остальные предметы из данного погребения (глиняный сосуд, бронзовый наконечник копья и два предмета неопределенного назначения) не имеют датирующего значения. Близкое по форме зеркало, выявленное в погр. 194 Старшего Ахмыловского могильника АКЮ (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 33: 1б), датируется не позднее V в. до н.э., ввиду прекращения существования некрополя в это время.

«Медалевидный» тип зеркал массово распространен на Алтае (Кубарев, 1987, с. 92, рис. 34: 4, 7, 8; 1991, с. 98, 99, рис. 25; 1992, с. 90, рис. 27), в Забайкалье (Диков, 1958, табл. 1–12), Монголии (Волков, 1967, с. 129, рис. 16: 2, 3, 5), Казахстане, Ордосе и Туве

(подробные ссылки Кубарев, 1991, с. 98–100), зеркало из Каракулинского могильника сопоставимо с третьим типом алтайских зеркал по В.Д. Кубареву, датированным V–II вв. до н.э. В тагарских древностях возраст таких зеркал определен более поздним временем III–I вв. до н.э. (Мартынов, 1979, с. 83, табл. 16; Курочкин, 1988, с. 21, рис. 15: 11, 12).

С учетом этих аналогий датировка зеркала из Каракулинского могильника может быть ограничена V–III вв. до н.э., где верхней границей является время прекращения существования АКЮ.

Хронологическую позицию **Степановского городища (92)** определяет находка трехлопастного наконечника стрелы типа С-40 с треугольным пером, выступающей втулкой и заостренными концами лопастей (Черных, 2000, с. 8, рис. 5: 8). По сравнению с аналогичными наконечниками С-40 среднего периода АКЮ, они имеют более крупные размеры. Судя по аналогиям в раннесарматских и сакских древностях, именно такие крупные наконечники, близкие к С-40, датируются IV–III вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 49; Акишев, 1963, с. 120, 121, табл. на с. 117, IV–III вв.; Кадырбаев, 1966, с. 380; Медведская, 1972, с. 89, табл. II, IX).

Позднеананьинское время существования стоянки **Бор I (170)** (Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 20) основывается на датировке, найденного здесь наконечника стрелы типа С-54, датированного IV–II вв. до н.э.

Турбинский клад (171), обнаруженный в 1926 г., представляет собой случайные сборы на Турбинском селище, часть из этих вещей относится к ананьинскому времени, часть к гляденовскому или ломоватовскому (Прокошев, 1940, 3: 2). Из предметов-хроноиндикаторов, которые относятся к позднему периоду АКЮ, можно отметить только синюю глазчатую бусину типа 78а по Алексеевой, время существования которой находится в границах V–III вв. до н.э. (подробнее см. выше).

Кроме того, в составе клада присутствует объемная фигурка медведя с опущенной головой (рис. 6: 7), близкая фигурка была выявлена в погр. 26 Шиховского мог., датированного IV–III/II вв. до н.э. (см. выше), и близкие к скородумским подвески в виде человеческих ног.

Поселение Половинное I (65) отнесено к позднему периоду АКЮ согласно наличию псалиев концеворского типа (4 экз.), время существования которых определено в рамках

V – III/II вв. до н.э., и глиняных ритуальных фигурок (4 экз.).

Усть-Нечкинские I, II городища (94) отнесены к позднему периоду АКЮ по находке в основании вала II наконечника стрелы типа С-50, время существования которого определено авторами раскопок в рамках V–III вв. до н.э., и керамикой ныргындинского типа (Перевозчикова, Черных, 2015, с. 129–131, рис. 6–8, 9: 2).

В составе коллекции предметов из селища **Болгары IX (114)** были найдены наконечники стрел типа С-50 (2 экз.), датируемые – IV–III вв. до н.э., и 12 ритуальных глиняных фигурок IV–III вв. до н.э., кроме того здесь отмечена керамика переходного от ананьинского к гляденовскому времени (Васильева, Коренюк, Перескоков, 2015).

Восемь памятников: Юшковское гор. (93) (рис. 6: 6, 8), Чегандинское I гор. (176), Быргындинское IV пос. (177), Мало-Никольское I гор. (179), Момылёвское гор. (180), Усть-Сарапульское гор. (181), Яромасское гор. (182), Субботинское I гор. (183) содержат в составе своих коллекций лишь хроноиндикаторы второго порядка: глиняные ритуальные фигурки и керамику, которые позволяют отнести их позднему периоду АКЮ.

Возраст остальных памятников региона Средняя Кама (всего 58) опирается на комплексы с керамикой концеворского и ныргындинского типа. Большая часть памятников отнесена к этому времени по определениям авторов раскопок и данных археологических карт: Протасы мог. (9) (рис. 7: 6–9, 11), Вятское (Мошкарское верхнее) гор. (70) (рис. 8: 1–6), Обуховское гор. (83), Гавриловское пос. (90), Кремлевское сел. (91), Усть-Нечкинское I пос. (95), Бардымское I гор. (96), Красноярское II сел. (97), Калиновка I гор. (98), Калиновский пруд I сел. (99), Толстик I пос. (100), Антоновцы I гор. (101), Абрамово II пос. (102), Горы III сел. (103), Верхний Ирряк II сел. (104), Устиново III сел. (105), Устиново II мог. (106), Вязники III сел. (107), Вязники IV сел. (108), Баш-Култаево II гор. (109), Болдино V сел. (110), Болгары IV сел. (111), Болгары V сел. (112), Болгары VIII сел. (113), Болгары X сел. (115), Гляденовское I сел. (116), Гляденовское II сел. (117), Городок пос. (118), Дворцовая Слудка I пос. (119), Дворцовая Слудка II сел. (120), Заозерье III пос. (121), Кичаново I сел. (122), Кичаново V сел. (123), Копылы I сел. (124), Косогоры I сел. (125), Малое Савино I сел. (126), Мокино I пос. (127), Мокино III сел. (128), Мокино IV сел. (129), Петровка IV

сел. (130), Половинное II сел. (131), Половинное III сел. (132), Половинное IV сел. (133), Полудово I сел. (134), Полудово II сел. (135), Чащевка I сел. (136), Шумки I сел. (137), Шумки II сел. (138), Волчья Грива I сел. (139), Крохово I пос. (140), Огурдино I пос. (141), Большая Головниха II пос. (142), Большая Головниха V пос. (143), Большая Головниха VII пос. (144), Ремзавод мог. (158), Юньга II гор. (159) (рис. 8: 7–10), Субботинское I городище (172), Мокино I, поселение-могильник (173) (О государственном, 2000; Казанцева, 2004; Перевозчикова, 2009; Голдина, Черных, 2011; Коренюк, 2012; Ашихмина, 2014).

4. Регион Нижняя Кама (до устья р. Кама)

В регионе Нижняя Кама насчитывается 23 позднеананьинских памятника, в том числе четыре могильника позднего периода АКЮ.

Для данного региона было получено четыре даты по ^{14}C , которые характеризуют время существования трех памятников: 1) **Зуевоключевского I гор. (25)** (по дереву из вала получено две даты: 2245 ± 25 (390–350 CalBC) **Ле-6493**; 2280 ± 30 (400–360 CalBC) **Ле-6494**) (Черных, 2009, табл.1, 2, 3); 2) **пос. Курган (3)** (по керамике получена одна дата: 2348 ± 70 (540–360 CalBC) **SPb-758** (рис. 12: 8); 3) погр.170 **Мурзихинского II мог. (1)** (по керамике получена одна дата: 2277 ± 120 (520–170 CalBC) **SPb-761** (рис. 12: 2).

По предметам хроноиндикаторам к позднему периоду АКЮ отнесено 14 памятников: Котловский мог. (3), Кырнышский мог. (4), Ананьинский мог. (6), Грахань гор. (7), Зуевский мог. (24), Зуевоключевское I гор. (25), Омарский починок мест. (62), Каменный Лог (Быргындинское II) гор. (69), Зуевоключевская I находка (85), Ныргындинское I гор. (87), Подгорно-Байларская III ст. (174), Татарско-Суксинское пос. (175), Танайское V сел. (184), Усть-Мензельское гор. (186).

Самый известный памятник АКЮ – **Ананьинский могильник (6)**, является одним из наиболее обеспеченных хроноиндикаторами памятников региона, все выявленные здесь предметы позднего периода относятся к случайным находкам.

В коллекции некрополя учтены три экз. трехгранных мелких наконечников стрел С-64 со сводчатой головкой и выступающей втулкой (рис. 9: 10–12) (Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 32–34). Они являются продолжением линии развития более ранних – крупных наконечников стрел С-64. Ближайшие аналогии, выявленные на памятниках савроматов и в Казахстане, соответствуют III типу

К.Ф. Смирнова. В Казахстане, Южном Приуралье и Поволжье они датированы IV–II вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 52; Медведская, 1972, табл. 2: III). На основании этих аналогий датировка мелких наконечников С-64 из памятников АКЮ может лежать в пределах IV–III/II вв. до н.э.

На территории могильника была найдена серия зооморфных металлических крючков. Вся серия была разбита на типы согласно типологии Ст.А. Васильева (2002).

Тип 2.1.1. Хищники, волкообразные (со сдвоенными головами животные с общей пастью на щитке и простым крючком). На территории Ананьинского могильника было найдено 3 экз. крючков данного типа (НМФ 1400-351, НМФ 1400-564, ГИМ) (рис. 9: 2, 6, 7). Большая часть крючков изготовлена из бронзы, и лишь один (НМФ 1400-564) железный (рис. 9: 6).

Аналогии данной группе крючков также прослежены на Среднем Дону; это железный крючок из кург. №11/16 у с. Мастюгино, дата которого по железным наконечникам стрел, набору золотых бляшек и др. определена IV в. до н.э. (Либеров, 1965, с. 27, табл. 32: 1; Гуляев, 1969, рис. 6; 2016, рис. 36; Савченко, 2004, с. 238, рис. 27: 6). В соответствии с датировкой мастюгинской находки, зооморфные крючки группы 2.1.1. АКЮ датированы IV в. до н.э.

Из сборов на территории Ананьинского могильника происходит один крючок из бронзы типа 3.1.1. (рис. 9: 5) с головой волкообразного животного на щитке и простым крючком (НМФ 1400-352).

Близкий ананьинскому крючок, изготовленный из железа, отмечен в кург. №7 у с. Русская Тростянка, по железному мечу он датируется концом V–IV в. до н.э. (Либеров, 1965, с. 27, табл. 32: 9; Пузикова, 2001, с. 128–130, рис. 10: 8; Савченко, 2004, с. 238, рис. 27: 7; Ворошилов, Медведев, 2007, с. 80, рис. 2: 8; Гуляев, 2016, рис. 35). В этих же пределах возможна и датировка крючка из Ананьинского могильника.

С территории Ананьинского могильника происходят случайные находки S-видных височных подвесок (МАЭ: №1300-I-48; НМФ: 1400-358) (рис. 9: 20, 21). Аналогии данным подвескам отмечены на Среднем Дону. Они известны в кург. №10 могильника Частые курганы, где найдено подобное изделие, выполненное из золота (Замятнин, 1946, рис. 26). В вещевой комплекс этого кургана также входил бронзовый крючок с головами волка, выполненный в стиле т.н. «симметрич-

ного удвоения» (Замятнин, 1946, рис. 27: 3), бытовавший в середине – второй половине IV в. до н.э. (Либеров, 1965, табл. 31: 4 – 8, 10, 12, 32: 2, 3, 6, 9, 16; Вольная, 2009, с. 268, рис. 5: 1–7; Савченко, 2004, с. 234). Близкое по форме железное изделие было выявлено и в кург. №20 могильника Дуровка, датированном по греческой амфоре первой пол. IV в. до н.э. (Пузикова, 2001, с. 200, рис. 57: 3).

В коллекциях могильников кара-абызской культуры: Охлебининском, Шиповском, Уфимском – бронзовые S-видные подвески были обнаружены в погребениях, которые датируются большинством исследователей IV–II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1968, рис. 6: 3; 1993, рис. 4: 2; Овсянников, Яминов, 2003, рис. 9: 4; Овсянников и др., 2007, рис. 26: 3; Воробьева, 2014, с. 314, рис. 5: 1, 2, 4; Красноперов, 2014, рис. 2: 1–4, 3: 1).

Аналогии S-видной височной подвеске известны также в материалах постананьинского времени, они встречены в могильниках икской стадии чегандинской (пьяноборской) культуры: Икском I, Чегандинском II (погр. 17), Нырғындинском I (уч.Г7, С9) (Генинг, 1970, рис. 20: 20, табл. I: 17; 1971, табл. I: 17; Голдина, 2004, рис. 101: 10). Более точную дату – II в. до н.э. по античным бусам типа 193д⁶ для ряда погребений Икского могильника (погр. 28, 31, 66), содержащих S-видные подвески, обосновал А. А. Красноперов (Красноперов, 2014, с.335, рис. 5: 3, 8–10).

Видимо, S-видные височные подвески, также как и проволочные кольцевидные с конусовидным завершением, относятся к самому финалу АКЮ и являются одним из тех типов материальной культуры, которые свидетельствуют о преемственности между АКЮ и пьяноборской общностью.

В коллекции Национального музея Финляндии имеется бляха из сборов на территории Ананьинского могильника (НМФ: 5381: 65) (рис. 9: 4), приобретенная А.М. Тальгреном в 1909 г. (Карпелан, Уйно, 2009, с. 23, рис. В). Бляха изготовлена в виде хищного животного (медведя?) с массивными лапами, в месте перехода передней лапы в туловище отмечен рельефный элемент, образованный выпуклым завитком, пасть животного оскалена, ухо круглое, верхняя часть бляхи имеет трапециевидное расширение, на конце которого отмечен двурядный орнамент из треугольных вдавлений. Близкая бляха выявлена в погр. 28 Шиховского мог., датируются такие

⁶ По Е.М. Алексеевой.

бляхи так же, как и простые подчетыреугольные длинные бляхи с двурядным орнаментом из треугольников на щитке и двумя петлями для крепления на обратной стороне – IV–III вв. до н.э. (см. выше).

Из сборов с территории Ананьинского могильника происходит бронзовая пряжка (ГЭ: №1749-42) из округлого прутка, на рамке овальной или деформированной округлой в плане формы, по бокам имеется запорное устройство в виде неподвижного изогнутого язычка или шипа, а с другой стороны присутствует грибообразный выступ, или «шишечка», для крепления к ремню (рис. 9: 22).

Массивные пряжки с шишечкой на рамке появляются у савроматов еще в VI–V в. до н.э., таковы подпружные кольцевые пряжки, изготовленные из бронзы, из мог. Пятимары I (кург. 8), Мечет-Сай (кург. 2) и кург. у пос. Черниговский (Смирнов, 1964, рис. 9: 16, 21: 26, 28: 11, 12, 14).

Значительно ближе по размерам, толщине прутка, а иногда и форме бронзовые и железные пряжки с одиночным грибообразным или стержневым фиксатором на рамке из скифских могильников Северного Причерноморья и Среднего Подонья IV в. до н.э.: мог. Ближнее Стояново (кург. 7), кург. Козел, мог. Колбино (кург. I-40), Мелитопольский кург., Толстая могила, Страшная могила, мог. Русская тростянка (кург. 7, 9, 10, 14, 17, 18, 40) и др. (Ильинская, 1973, рис. 1: 1, 2: 9, 11, 4: 8, 10, 5: 7, 8: 16, 18, 12: 1–7, 13; Алексеев и др., 1991, с. 87; Савченко, 2009, с. 246, рис. 7: 1–14; Шевченко, 2009, рис. 46: 13).

Известны пряжки и с тремя грибообразными фиксаторами, которые в Северном Причерноморье имеют более сложную форму, чем в Среднем Подонье: Днепрорудный (кург. 6), кург. Гайманова могила, мог. Носаки (кург. 4), кург. 8 у с. Редвинцы, мог. Русская тростянка (кург. 10, 14), Чмырева могила и т.д. (Савченко, 2009, рис. 7: 15–17; Бидзиля, Полин, 2012, с. 191–194, рис. 64: 1, 4, 54: 2, 3, 13, 80: 1, 282). С. В. Полин датирует всю эту группу пряжек концом V – первой пол. IV вв. до н.э.

Круглорамчатые пряжки со стержневым фиксатором известны и в раннесарматских древностях в могильниках: погр. 26 кург. 19, погр. 7 кург. 20 мог. Политотдельский, Кара-Оба, у г. Ленинск, Старые Киишки (кург. 11, 13, 14, 20), погр. 7 мог. Тулубай (Исянгильдино I), но здесь они датированы в широких пределах IV–II вв. до н.э. (Мошкова, 1960, рис. 1: 7, 8; Садыкова, 1962, табл. III: 8, 14, IV: 13, VII: 2, 19, IX: 19, XII: 4; Смирнов, 1989,

табл. 71: 48, 52, 53; Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 67, рис. 38: 2).

Интересны восьмерковидные бронзовые пряжки, на которых присутствует неподвижный изогнутый язычок и грибообразные выступы (от одного до трех) в центре и противоположном крае рамки из сарматских: кург. у дер. Ильтуганово, кург. 1, погр. 1 мог. Октябрьское I (по всей вероятности, II–I вв. до н.э. по кинжалу с кольцевым навершием), погр. 6 мог. Тулубай (Исянгильдино I) (сер. III – II вв. до н.э.) и кара-абызских Южного Урала: погр. Биктимировского, погр. 82 Охлебининского памятников, где они датированы III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1960, табл. 1, рис. 1: 1–4; Садыкова, 1962, табл. XIII: 1; Пшеничнюк, 1968, с. 87, рис. 16: 6, 7; 1973, с. 187; Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 40, 67, рис. 14: 6, 38: 4).

Поздним развитием этой традиции, вероятно, являются круглорамчатые пряжки с неподвижным язычком и тремя грибообразными выступами на противоположной стороне рамки из кара-абызских памятников (Овсянников и др., 2007, с. 70, 71, рис. 29: 3, 4, 30: 1, 4, 31: 11).

Однако наиболее близка к пряжке из Ананьинского могильника овальная пряжка из погр. 3, кург. 7 Быковского мог., датированного автором раскопок II–I вв. до н.э., хотя основания такого датирования неясны (Смирнов, 1960, с. 191, 255, рис. 9: 5; Мошкова, 1960, рис. 1: 6). Близкая по пропорциям пряжка с тремя шпеньками из погр. 26 кург. 19 мог. Политотдельское датирована III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1960, табл. 2, рис. 5).

Более поздние пьяноборские образцы (III в. до н.э. – II в. н.э.) имеют значительно более массивную круглую рамку и столь же массивный, с плоской головкой шпенек для крепления к ремню (Мошкова, 1960, рис. 3: 1, 2; Генинг, 1971, табл. VII: 1, 2; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 20: 8, 86: 1, 210: 1, 2, 15, 17, 18; Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 5, 9).

Таким образом, время бытования бронзовой пряжки с неподвижным запором из Ананьинского мог. ограничено аналогиями из погр. 3, кург. 7 Быковского мог. и погр. 26 кург. 19 мог. Политотдельское, конструктивные особенности запорной системы и крепления к ремню сближают её с восьмерковидными пряжками раннесарматского времени. Исходя из этих фактов, находку из Ананьинского мог. следует датировать III–II в. до н.э. По всей вероятности, данная пряжка является еще одним дополнительным свидетельством

преемственности между АКИО и пьяноборской общностью.

Не менее известным памятником, в коллекциях которого были выявлены хроноиндикаторы, является **Зуевский могильник (24)**.

В погр. 123, 155 этого могильника отмечены наконечники стрел типа С-34 (рис. 9: 14–16) в их грацильном варианте, который сменил более крупные, распространенные в более раннее время. Эти наконечники зафиксированы в материалах памятников позднего периода АКИО и в раннекарабызских могильниках (Пшеничнюк, 1976, рис. 5: 4–12; Кузьминых, 1983, с. 108, табл. XLIV: 2, 15, 20, 21, 31–38, 42–83). Аналогии им прослеживаются среди прохоровских наконечников стрел типа VII, которые по сравнению с ранним временем становятся более мелкими. Датируются эти «мелкие» наконечники стрел у ранних сарматов IV–III вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 47, табл. III: 97–107; Мошкова, 1962, рис. 27, V, А, Б; 1963, табл. 14, VI, А, Б; 1974, рис. 2: 12, 58).

Наконечники типа С-64 (рис. 9: 13) из погр. 212 Зуевского могильника датируются по аналогиям (см. выше) IV – III/II вв. до н.э.

Второй группой предметов-хроноиндикаторов, выявленных в Зуевском могильнике, являются кинжалы (2 экз.).

Железный кинжал из погр. 27 Зуевского могильника (рис. 10: 4) типа I,2 (по Халикову) с брусковидным или валикообразным навершием не имеет перекрестия (Худяков, 1933, с. 11, табл. II: 15). Наиболее близкие аналогии навершию брусковидной формы с полуовальной верхней частью встречены в материалах могильников Нижнего Поволжья, датируемых второй половиной V – первой половиной IV вв. до н.э. (Скрипкин, 2007, рис. 3: 1, 4–6, 7). На некоторых рукоятях этих мечей отмечена имитация рамчатой рукояти, известна она и на кинжалах с другими навершиями (Скрипкин, 2007, рис. 3: 1, 7, 8).

Железный кинжал из погр. 143 Зуевского могильника (рис. 10: 9) имеет узкий длинный клинок – 21,2 см при общей длине 31,4 см, рукоять плоская, с расширением в верхней части (в настоящее время верхняя часть рукояти утрачена), перекрестие бабочковидное, небольшое (Худяков, 1933, с. 13, табл. III: 6, 10; Збруева, 1952, табл. XXI: 10а; Кузьминых, 1983, с. 133, табл. LV: 1).

Кинжал помещен в литые с овальным устьем бронзовые ножны (тип НК-4), верхняя часть их трактована в виде бабочковидного расширения для размещения в нем перекре-

стия, нижняя часть ножен сужается по отношению к верхней.

Обе стороны ножен оформлены в разном стиле. На одной присутствует сквозной орнамент в виде ажурной решетки с геометрическими фигурами из прямоугольников в верхней части и треугольников в нижней, по центральной линии ножен проходит сплошная линия, разделяющая орнаментальное поле на две равные части. Расширение перекрестия оформлено в виде двух сквозных сегментов, разделенных пополам.

Вторая сторона ножен сплошная, и при первой публикации кинжала никаких изображений на ней не было отмечено. В дальнейшем, вероятно, после расчистки поверхности от окислов, были выявлены изображения, выполненные рельефными линиями. Верхняя часть ножен следует очертаниям перекрестия в виде бабочковидных выпуклостей, ниже отмечена волнистая линия, трактованная А.В. Збруевой как змея (Збруева, 1952, с. 102). Под волнистой линией отмечено изображение стоящего оленя, повернутого вправо, голова его поднята и смотрит прямо, большие (на всю длину тела) ветвистые рога откинута назад, под рогами отмечено опущенное вниз ухо с ямкой-углублением в нем. В нижней четверти ножен присутствует изображение второго оленя, оно также повернуто вправо. Олень стоит на прямых ногах, рога длинные, ветвистые, морда расположена прямо, ухо с ямкой-углублением смотрит вниз. А.В. Збруева отмечала открытый рот нижнего изображения оленя.

Традиция изображения оленя в скифском искусстве была распространена, в основном, в VII–V вв. до н.э., но стоящие олени присутствовали на раннем этапе в единичных экземплярах (Королькова, 2006, с. 38, 39; Канторович, 2009, с. 249). Образ оленя из погр. 143 Зуевского могильника по способу передачи, более грубому, чем скифское, статичной позе животного, особому вниманию к изображению рогов, ближе к более поздним савроматским и скифским аналогам.

Наибольшее количество изображений стоящего оленя в статичной позе с ветвистыми рогами выявлено в кург. 1 Филипповского могильника, датированного V–IV вв. до н.э. или же концом V – началом IV вв. до н.э. (Королькова, 2006, с. 40, табл. 2: 2–4, 3: 1, 3–5; 5: 1; 8: 1; Пшеничнюк, 2012, с. 87–89, рис. 11, 15: 2, 19, 20, 34, фото. 3, 4). Характерной особенностью филипповских оленей является именно статичность изображения, акцент

на рогах, сопоставимых или превышающих по размеру тело; многочисленны изображения оленя стоя, с прямо посаженной головой (Пшеничнюк, 2006, с. 28, 34, рис. 4–7).

Изображения т. н. «реалистического» типа стоящего оленя с огромными ветвистыми рогами отмечены на бляхах Биктимировского III, Охлебининского, Шиповского грунтового и курганного I могильников раннего этапа кара-абызской культуры, датирующихся IV–III вв. до н.э. (Королькова, 2006, табл. 8: 3–6; Овсянников, 2006, рис. 1: 1–10, 12; Савельев, 2008, с. 70, рис. 1: 7–13). Однако они более фантастичны, и опущенное вниз ухо с ямкой у них отсутствует. Передача уха ямкой–углублением является характерной чертой «алтайского» звериного стиля, который проникает на запад в V в. до н.э. и заимствуется носителями АКИО (Членова, 1967, с. 141, табл. 25: 21, 24, 34: 2, 6, 8, 9; Чижевский, Шаталов, 2012, с. 33), присутствует этот элемент и на синхронных изображениях оленей Европейской Скифии (Канторович, 2009, рис. 2, 3).

Подобные изображения стоящих оленей с большими раскидистыми рогами известны в скифских древностях, относящихся к т.н. «нимфейско-уляпскому» и «аксютинецко-волковецкому» типам, датированным V – концом IV вв. до н.э. и V–IV вв. до н.э. соответственно (Канторович, 2009, с. 247, рис. 2: 1, 2, 3: 1, 4). Скифские аналоги, по мнению А.Р. Канторовича, могут рассматриваться в качестве возможных прототипов филипповских оленей (Канторович, 2009, с. 252), которые, в свою очередь, являются прототипами для более поздних кара-абызских (Королькова, 2006, с. 41, 42; Савельев, 2008, с. 72; 2008а, с. 116–136; Канторович, 2009, с. 246).

Изображение оленя из погр. 143 Зуевского могильника ближе к более ранним скифским и филипповским аналогам. Уточняет датировку данного погребения форма перекрестия железного кинжала. Кинжалы с навершием, аналогичным зуевскому и с почковидной формой перекрестия, известны в Нижнем Поволжье в кург. 6 и 11 Аксеновского I могильника, датированных второй половиной V – началом IV вв. до н.э. (Скрипкин, 2007, с. 48, рис. 3: 10; Клепиков, 2007, рис. 1: 12). Верхняя граница времени существования мечей с таким перекрестием А.И. Мелюковой определена в границах конца V в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 60). Учитывая существующие аналогии, дату кинжала из погр. 143 Зуевского могильника можно определить в

рамках второй половины – конца V – начала IV вв. до н.э.

S-видные височные подвески из погр. 43, 185 Зуевского могильника (рис. 9: 24) близки подобным подвескам из Ананьинского могильника и могут быть датированы в пределах всего позднего периода АКИО – IV–III/II вв. до н.э.

По всей вероятности, на территории могильника была сделана и **Зуевоключевская I находка (85)** железного кинжала с сильно загнутыми раскованными волютами, рукоять его имеет углубление в средней части, перекрестие брусковидное, согнутое под тупым углом (рис. 10: 3) (Збруева, 1952, табл. XXI, 12). Подобные брусковидные, согнутые под тупым углом, перекрестия появляются еще на кинжалах с брусковидными навершиями Северного Кавказа (Луговой могильник) (Крупнов, 1960, с. 281, рис. 47: 1–3). Серия таких кинжалов с антенновидными навершиями также происходит с Северного Кавказа (Шалущинские, Николаевский и Мескер-Юртовский курганы) VI–V вв. до н.э. (Махортых, 1991, с. 58).

Подобным образом оформлялись перекрестия кинжалов переходного от савроматского к раннесарматскому типу, но форма навершия, слабоизогнутая, серповидная, резко отличает их от зуевского кинжала (Клепиков, 2007, рис. 1: 16, 18, 19; Пшеничнюк, 2012, с. 88, рис. 27: 1, 66, 127: 15).

Ближайшие аналогии данному кинжалу происходят из городецких (находка под Вольском) и савроматских (с. Осьмушкино на Бузулуке) древностей, датированных второй половиной V – первой половиной IV вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 19, рис. 3: 4; Скрипкин, 2007, рис. 4: 1). Судя по общей тенденции развития савроматского оружия, переход от бабочковидных перекрестий к брусковидным, перегнутым посередине, происходит во второй половине V в. до н.э. (Гуцалов, 2007, с. 13), на этот промежуток времени падает, вероятно, бытование кинжала из Зуевского могильника, с заходом в начало IV в. до н.э.

Зуевоключевское I городище (25) отнесено к позднему периоду АКИО по наличию следующих предметов хроноиндикаторов: наконечников стрел типа С-40, S-видной подвески, бронзовой бляшки и глиняных ритуальных фигурок (Черных, 2009, рис. 10: 2, 7–9; Голдина и др., 2013, с. 63, 64, табл. Г, табл. 31–34; Ашихмина, 2014, с. 74, рис. 51: 10, 54–56).

Трехлопастные крупные наконечники стрел типа С-40 с треугольным пером, выступающей втулкой и заостренными концами лопастей (Кузьминых, 1983, с. 108) датируются IV–III вв. до н.э. (анalogии см. выше).

Время существования S-видной подвески (рис. 9: 23) определяют аналогии на позднеананьинских, скифских и пьяноборских памятниках (см. выше), которые позволяют её датировать – IV–III/II вв. до н.э.

Редкой находкой является выявленная на Зуевоключевском I городище бляшка в виде двух соединенных клювами стилизованных головок хищных птиц, образующих S-видную фигуру (рис. 9: 9). Аналогии ей встречены на скифских памятниках Среднего Дона в кург. 8 мог. у дер. Дуровка, датированном по чернолаковому флакону IV в. до н.э., и в кург. 10 мог. Частые курганы, также датированном IV в. до н.э. (Замятнин, 1946, с. 37, 48, 49; Пузикова, 2001, с. 188, рис. 25: 14, 15; Савченко, 2004: с. 228, 229, рис. 25: 2, 12, 13). Необходимо отметить, что скифские аналогии отличаются большей схематизацией, чем зуевоключевские.

На Зуевоключевском I городище обнаружены многочисленные глиняные ритуальные фигурки (63 экз.) (рис. 10: 2, 5–7), время бытования которых определено в рамках IV–III вв. до н.э. (обоснование см. выше). С поздним этапом существования (IV–III вв. до н.э.) связаны также находки псаляя концеворского типа (рис. 10: 13) (Ашихмина, 2014, рис. 51: 10) и позднеананьинской керамики (рис. 12: 1, 6, 9, 12, 18).

Особое место среди памятников позднего периода АКЮ занимает погр. 6 **Котловского могильника (3)**, в составе погребального инвентаря которого присутствуют: глиняный сосуд, нож типа Н-26, восьмерковидное украшение, бляшка с изображением хищника, литой переходник для ремня с четырьмя отверстиями, две конусообразные височные подвески, бляшка в виде хищной птицы, бляшка с изображением животного, а также бляха с изображением человеческого лица (рис. 11: 1–8). Конусообразные височные подвески, переходник для ремня и керамика не имеют датирующего значения, остальные предметы позволяют определить хронологическую позицию данного вещевого комплекса.

Нож типа Н-26 (рис. 11: 7) с бронзовой рукоятью и железным лезвием из погр. 6 Котловского могильника (Нефедов, 1899, с. 57, рис. 14; Збруева, 1952, с. 63, 140, 161, табл. IV: 13; Кузьминых, 1983, с. 50, 51). На навершии отмечено изображение хищной птицы, ее

лапы и крылья располагаются на державке, а за глазом завитком передано ухо, место перехода к лезвию украшено волнистым выпуклым орнаментом. Ухо расположено наискосок по отношению к клюву, что является признаком птицы в скифском искусстве. Изображения ушастой птицы в скифо-сибирском искусстве датируются в Европейской части России V–IV вв. до н.э. (Канторович, 2010, с. 206; 2012, с. 122). К.И. Корепанов видит ближайшие аналогии изделию из погр. 6 Котловского могильника в «грифоне» на конском налобнике из кургана Чертомлык (Корепанов, 1987, с. 71; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 152, кат. 17), дата которого определена в рамках середины – второй половины IV в. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 297).

Проволочное украшение в виде восьмерковидной фигуры, перетянутой посередине тремя витками (рис. 11: 4). По внешней контуру предмета размещена наклонная насечка. Подобное восьмеркообразное изделие с разными по размеру кольцами из кург. 2 у с. Аксютинцы было атрибутировано как пряжка, оно датируется серединой V в. до н.э. по греческому чернолаковому килику (Ильинская, 1968, с. 76, Табл. XVI: 10). Второй половиной IV в. до н.э. датировано восьмеркообразное изделие из железа, выявленное в Краснокутском кургане, в этом случае, как и в подобном ему, из кургана 18 у с. Русская Тростянка оно атрибутировано как часть конской упряжи (Мелюкова, 1981, с. 63, рис. 17: 3; Савченко, 2009, с. 248, рис. 8: 10). Восьмеркообразное изделие из погр. 6 Котловского могильника более изящно и выглядит более декоративно, чем скифские аналогии, оно использовалось в составе женского костюма, а не конской упряжи. Тем не менее, очевидное сходство формы этого украшения и скифских уздечных пряжек заставляет предположить их одинаковую хронологическую позицию. Тем более что случаи использования элементов конской упряжи в женском костюме АКЮ нередки, взять хотя бы бронзовые круглые бляхи с петлей. Таким образом, опираясь на скифские параллели данного украшения, его дата может быть установлена в пределах середины V–IV вв. до н.э.

Изображение на бляхе из погр. 6 Котловского могильника относится к хищнику, вероятно, волку, но установить точно его видовую принадлежность не представляется возможным (рис. 11: 1). Контур пасти хищника обрамлен выпуклой спиралью, внутри которой присутствуют оскаленные клыки. Верхняя

часть бляхи аналогична нижней, это прием так называемого «симметричного удвоения» (Корепанов, 1987, с. 70), который сложился в скифском и савроматском искусстве и известен, в основном, по изображениям на колчаных крючках IV в. до н.э. (Либеров, 1965, табл. 31: 4–8, 10, 12, 32: 2, 3, 6, 9, 16; Вольная, 2009, с. 268, рис. 5, 1–7). На бляхах приём «симметричного удвоения» головы хищника известен по вещевым комплексам могильника у ст. Елизаветинская в Приазовье, Асиновском могильнике в Ингушетии, могильнике Кривая Лука в Нижнем Поволжье и находкам из Прикубанья (Переводчикова, 1994, табл. 40: 15; Вольная, 2002, рис. 7: 10; Полидович, 2009, рис. 2: 4–7). Несколько ранее датируются бляшки (конец VI – первая половина V вв. до н.э.) с использованием приема симметричного удвоения из могильника Кривая Лука III (кург. 5, погр. 16), однако они выполнены в более реалистической манере, чем котловская бляха (Очир-Горяева, 2012, с. 221, илл. 267: 3a–4d).

Образ хищника на бляхе настолько стилизован, что заставляет вспомнить о появлении в Европейской Скифии и Нижнем Поволжье в V–IV вв. до н.э. стилизованных изображений «хищников вообще» или недифференцированных хищников, когда до конца непонятна принадлежность изображения к тому или иному виду животных (Переводчикова, 1994, с. 45). К.И. Корепанов датирует бляху из погр. 6 Котловского могильника V в. до н.э., отмечая распространение мотива изображения фантастических хищников в АКЮ именно в это время (Корепанов, 1987, с. 70, рис. 4: 1). По аналогиям данную бляху можно датировать в пределах V–IV вв. до н.э.

Бляшка в виде хищной птицы с раскрытыми крыльями, массивным клювом, выделенными глазами и круглыми ушами за ними (рис. 11: 6), определяется исследователями как привозное изделие, выполненное в каноне скифского звериного стиля (Чемякин, Кузьминых, 2009, с. 217, рис. 1: 11). В АКЮ насчитывается девять орнитоморфных изделий, но наибольшее сходство отмечено с подобной находкой из Скородумского «клада» и случайной находкой из Бельского Шихана (см. ниже) (Чемякин, Кузьминых, 2009, рис. 1: 12; Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 2: 2; Мясников, 2017, рис. 2:2).

Распахнутые крылья и наличие над ними двух круглых углублений сближают изображение хищной птицы из погр. 6 Котловского могильника с изображениями на нахрапниках

т. н. «фракийского типа», на которых присутствуют фантастические существа. Такие нахрапники известны по находкам в курганах скифской аристократии, таких как Александропольский, Козел, Огуз, Толстая могила, Чертомлык, датированных серединой – второй половиной IV в. до н.э. (Мозолевский, 1979, рис. 25: 9; Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 155: 7; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 85, рис. 56: 2, 62; Гуляев, 2001, рис. 15: 2–6).

Близки по форме к орнитоморфной бляхе из погр. 6 Котловского могильника некоторые поясные крючки из Среднего Подонья (кург. №47/30, №2/1906 у с. Мастюгино, кург. 5 Колбинский I могильник) (Либеров, 1965, табл. 31: 14, 32: 4, 5; Гуляев, 2001, рис. 21: 1, 2; Савченко, 2001, рис. 26: 12). Сам крючок изображался в виде клюва хищной птицы, за ним располагались глаза и круглые уши, далее тело крючка переходит в раскрытые крылья, иногда с круглыми завитками, и хвост. Таким образом, основные части и даже форма котловской бляхи сближается с поясными крючками-застежками. Датируются эти крючки IV в. до н.э. (Савченко, 2001, с. 131). В пределах рассмотренных аналогий возможна датировка IV в. до н.э. и орнитоморфной бляхи из Котловского могильника.

Бляшка из тонкой медной пластины со шпеньками для крепления, с изображением стоящего животного с задраным вверх хвостом и согнутыми как будто перед прыжком ногами (рис. 11: 9, 11), найденная в районе пояса костяка из погр. 6 Котловского могильника, по стилю отдаленно напоминает средневековые изделия. Однако в отличие от литых блях VIII–XIII вв. н.э., она изготовлена из тонкой медной пластины, а изображение на ней передано тиснением, таким образом, по технике нанесения изображения данная бляха сопоставима с изделиями раннего железного века, когда этот способ работы с металлом был весьма распространен.

Накладки с изображениями стоящих животных – грифонов, хищников и травоядных с изогнутым хвостом и тонкими полусогнутыми ногами – распространяются в Европейской Скифии с IV в. до н.э. Они известны по вещевым комплексам курганов Гайманова могила, Куль-Оба, Толстая могила, Чертомлык, находкам у с. Верхний Рогачик, Желтокаменка, Мастюгино, Первомайка, некоторые из них имели крепления на обратной стороне, т.е. использовались как бляхи (Либеров, 1965, табл. 33: 3; Мозолевский, 1979, рис. 113: 2, 11, 114, 115; Евдокимов, Фридман, 1983, рис.

8: 3; Мелюкова, 1989, табл. 38: 29, 30, 36; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, рис. 75, кат. 212: 29, 76, с. 171, кат. 81; Журавлев, Новикова, 2012, рис. 3: 5).

Используются такие сюжеты и в обкладках, изготовленных из тонкой раскатанной пластины, рукоятей кинжалов (курган 3 могильника «Частые курганы» в комплексе рубежа IV–III вв. до н.э.), обкладках горитов и головных уборов типа калафа (Мелитопольский курган и Чертомлык), датированных серединой – второй половиной IV в. до н.э. (Либеров, 1965, табл. 17: 1, 2; Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 140; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 194, кат. 113, с. 195, кат. 113 деталь, с. 206–211, 213, кат. 128, с. 224–227, кат. 189; Бидзиля, Полин, 2012, рис. 413). В рамках IV в. до н.э. правомерно датировать и рассматриваемую бляху.

Круглая бляха с окантовкой из выпуклого бордюра, содержащая изображение лица человека с крупным мясистым носом и прической, переданной завитками с поворотом в три четверти (рис. 11: 8, 10), по технике и характеру изображения сближается с личинами на круглых бляхах из Северного Причерноморья. Круглые бляхи с изображениями мужского лица или «медузы» на круглой бляхе, как в фас, так и в профиль присутствуют в комплексах скифских курганов Бабина Могила, Гайманова Могила, Денисова Могила, Куль-Оба, Мелитопольском, Первомайка, Песочинский, Толстая Могила, Чертомлык и в «кладе» у с. Бабуечь Кишиневского района Республики Молдова. Во всех случаях на них, так же как на бляхе из погр.6 Котловского могильника, личину по диаметру окружает выпуклый ободок, нос изображенного человека крупный, волосы переданы завитками (Евдокимов, Фридман, 1983, рис. 8: 5; Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 95: 1, 97, 98: 9, 16; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 171, кат. 78, 212, кат. 32, 250, кат. 32; Полин, 1992, с. 51–53, рис. 9: 3, 4; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 100, 101, рис. 64: 9; Журавлев, Новикова, 2012, с. 71, рис. 1: 6, 8; Бидзиля, Полин, 2012, рис. 225: 4–7, 18–20, 722, 723: 1–8). Датированы эти бляхи IV в. до н.э. в целом, первой половиной IV в. до н.э. или же его последней третью, клад из с. Бабуечь самый поздний в этой серии, по штампованному фракийскому шлему он датирован IV – началом III вв. до н.э. (Черненко, 1968, с. 87, 184, рис. 47; Мозолевский, 1979, рис. 22: 1–3; Мозолевский, 1980, с. 133, рис. 68: 8; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 148; Алексеев, Мурзин, Ролле,

1991, с. 130; Алексеев, 2003, с. 296, 297; Бидзиля, Полин, 2012, с. 512; Очир-Горяева, 2012, илл. 23: 13, 14). IV в. до н.э. датируется, видимо, и находка из погр. 6 Котловского могильника.

Исходя из приведенных аналогий, датировка погр. 6 Котловского могильника может быть определена по совокупности датирующих предметов в рамках IV – начала III вв. до н.э.

Городище Грахань (7) в устье р. Вятки географически относится к региону Нижняя Кама, это одно из наиболее широко исследованных городищ. К позднему периоду АКЮ его позволяют отнести две категории хроноиндикаторов: наконечник стрелы и зооморфный крючок (Збруева, 1947, рис. 21: 1, 2).

Грацильный наконечник стрелы типа С-34 (рис. 9: 19) из раскопок Ф.Д. Нефёдова свидетельствует о существовании городища в IV–III вв. до н.э. (анalogии см. выше).

Бронзовый зооморфный крючок из раскопок Ф.Д. Нефёдова в 1894 г. относится к группе 1.1.1 (рис. 9: 3), датируется он концом V–IV в. до н.э. (анalogии см. выше).

Датировку **Нырғындынского I городища (87)** определяют находки наконечников стрел С-40 (IV–III вв. до н.э.) (рис. 9: 17), С-66 (V–III/II вв. до н.э.) (рис. 9: 18) и позднеананьинской керамики т. н. нырғындынского типа (рис. 12: 5, 7, 13, 15, 17) (Кузьминых, 1983, с. 108, табл. XLVI: 53; Ашихмина, 2014, рис. 72: 1–11, 73: 4).

Нырғындынский тип керамики выделен Л.А. Ашихминой по керамике из верхнего горизонта городища Каменный Лог, а также керамическим комплексам Зуево-Ключевского I, Верхне-Мошкарковского, Нырғындынского I, II и IV городищ (Ашихмина, 2014, с. 71–74).

Данный тип характеризуется круглодонной посудой с примесями раковины в глиняном тесте, сосуды в основном безворотничковые, но встречается керамика с воротничком. В отличие от глиняной посуды ранних периодов АКЮ, орнаментация на керамике нырғындынского типа бедная, чаще использовались неглубокие ямки, которые не оставляли полусферических выпуклостей на внутренней стороне сосудов, реже – шнуровые отпечатки из двойных горизонтальных шнуровых оттисков, поставленных в один – три ряда, орнаментальные композиции располагались на плечиках и в нижней части шейки (Ашихмина, 2014, с. 72). Хронология существования нырғындынского типа керамики (IV–III вв. до

н.э.) обоснована Л.А. Ашихминой по материалам вышеперечисленных памятников и не нуждается в дополнительном обосновании (Ашихмина, 2014, с. 74).

Остальные памятники с хроноиндикаторами региона Нижняя Кама имеют по одному датирующему предмету.

Кырнышский могильник (4) отнесен к позднему периоду АКЮ на основании обнаруженной на его территории случайной находки бронзового крючка группы 4.1.1. (рис. 9: 1) с изображением хищника (медведь) и птицы, (с головой животного на щитке и крючком в виде головы животного), подобные находки сделаны на Чурачикском могильнике (Каховский, 1963, рис. 3: 17; 1964, рис. 13: 18; 2006, с. 191, рис. 18; Васильев, 2002, с. 79; Волкова, Капленко, 2014, рис. 1, 2). Кырнышская находка несколько отличается от чурачикских, к тому же у неё утрачена голова и запорное окончание крючка, но Е.В. Волкова и Н.М. Капленко довольно убедительно доказали, что скульптурное изображение на щитке крючка все же является медведем (Волкова, Капленко, 2014.). Близок у чурачикских и кырнышской находок и способ крепления к основе. Передача шеи птицы гофрированными кольцами также весьма распространена на зооморфных крючках раннего железного века (Гуляев, 1969, рис. 5, 7: 1, 8; Савченко, 2004, рис. 26: 8, 10, 27: 1, 28: 1), в силу этих причин кырнышский крючок включен в группу 4.1.1.

Интересные параллели крючкам этой группы найдены на Среднем Дону, где они выявлены в кург. №11 (вторая пол. IV в. до н.э.) и 11/11 урочища «Частые курганы» (сер. – вторая пол. IV в. до н.э.), кург. №4 (конец V–IV вв. до н.э.) Терновое, кург. №9 (1 пол. IV в. до н.э.) и 17 Колбино, кург. №1 Русская Тростянка (IV в. до н.э.), кург. №38 Староживотинное (Замятин, 1946, рис. 27: 2; Либеров, 1965, с. 25, 27, табл. 31: 16, 17; Гуляев, 1969, с. 111, 112, рис. 1, 2; Савченко, 2001, с. 56, 60, рис. 7: 26; 2004, рис. 26: 1–6; Шевченко, 2009, рис. 21: 1).

Близка по своему оформлению к крючкам группы 4.1.1. АКЮ находка из разрушенного погребения у с. Бажиган, датированная IV–III вв. до н.э. (Крупнов, 1960, рис. 17: 7; Гуляев, 1969, с. 118).

В кургане у с. Кашеевки в междуречье Северского Донца и Дона также отмечены близкие крючки с изображением медведя (2 экз.), курган датируется второй пол. IV в. до н.э. (Максименко и др., 1984, с. 156, рис. 69: 10, 11; Савченко, 2004, с. 231).

Таким образом, датировка основных аналогичных крючков группы 4.1.1. АКЮ приходится на IV в. до н.э., в этих же пределах, по всей вероятности, существовали и сами ананьинские крючки.

Из д. **Омарский починок (62)** происходит случайная находка изображения сложного лука, помещенного в горит или налуч (рис. 9: 8), выполненная литьем из бронзы (Халиков, 1977, с. 198, рис. 75: 2). Она имеет петлю для подвешивания и может рассматриваться как подвеска. Фрагментом аналогичной подвески, возможно, является находка из Аргыжского городища на р. Вятке (Митряков, Черных, 2014, с. 169, рис. 12: 8, 10). Окончания кибитей луков на находках из Омар и Аргыжского городища оформлены в виде головок хищных птиц.

Украшения такого рода существовали с VII–V вв. до н.э. (находка из Ольвии, выполненная в виде кибити сложного лука без тетины и бляшка в виде лука со стрелой в натянутом положении из Дербента) (Мелюкова, 1989б, с. 92, табл. 31: 2, 3), вплоть до II–III вв. н.э. (золотая подвеска со вставками из пасты голубого цвета из позднесарматского погребения могильника Высочино V) (Беспалый, 2000, с. 161, 163, рис. 2: 15). Одними из самых поздних являются подвески в виде лука в налуче, которые происходят из пьяноборских могильников: Старокиргизовского погр. 28 (2 экз.) (Васюткин, 1982, с. 142, табл. I: 51, 52) и Кипчаковского (2 экз.) (Зубов, 2003, с. 11, 12, 14, рис. 1: 19, 20), датировка которых вряд ли опускается ниже II в. до н.э. Самые ранние и самые поздние изделия по форме лука или налуча, размерам и/или отсутствию петли для подвешивания отличаются от ананьинских украшений.

Аналогии подвескам в виде сложного лука в горите отмечены в уже упоминавшемся могильнике Аймырлыг в Туве, который датирован V–III вв. до н.э. (Мандельштам, 1992, табл. 75: 43, 77: 51).

Подобные украшения найдены в Биктимировском, Охлебининском и Шиповском могильниках кара-абызской культуры Приуралья. В Биктимировском могильнике выявлено 6 изделий такого рода, 4 экз. из них относятся к подвескам (из погр. 40 в виде лука (2 экз.), ещё 2 экз. в виде лука в налуче найдены в погребении, номер которого не указан автором публикации), 2 экз. (погр. 3) относятся к бляшкам или накладкам, погребения с украшениями в виде лука датированы

А.Х. Пшеничнюком III–II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1964, с. 226, 228, рис. 4: 6, 7).

Подвески в виде лука (4 экз.) происходят также из погр. 1, кург. 5 Шиповского могильника. Это погребение входит в I хронологическую группу данного могильника, датированную IV–III вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1973, с. 183, рис. 6: 56, 59; 1976, с. 42, рис. 6: 13; Зубов, 2003, с. 14).

2 экз. сильно стилизованных подвесок найдены в погр. 126 Охлебинского могильника, которое отнесено к погребениям второго этапа развития могильника (III–II вв. до н.э.).

Подобная подвеска была найдена в прохоровском некрополе на Нижней Волге в погр. 8, кург. 6 мог. у с. Верхнее Погромное (в виде лука в горите), дата которого укладывается в рамки III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1963, табл. 32: 27).

О распространенности сюжета изображения миниатюрного сложного лука свидетельствуют рисунки на различных артефактах, таких как рельефное изображение сложного лука в натянутом положении на наконечнике стрелы из погр. 2 а, б кургана 6 Мечетсайского мог. прохоровской культуры, датированного второй пол. IV–III вв. до н.э. (Смирнов, 1975, с. 106, 108, 115, рис. 37: 9); изображения сложных луков с загнутыми окончаниями кибити на перстне IV в. до н.э. из гробницы на горе Митридат в Керчи, на пекторали из Толстой могилы (350/340–320 гг. до н.э.), на чаше из Гаймановой могилы (первая пол. IV в. до н.э.), сосуде из Куль-Обы (350–300 гг. до н.э.) (Черненко, 1981, с. 23, 24, рис. 14: 1, 2, 65, 77; Мелюкова, 1989, табл. 31: 29, 30; Алексеев, 2003, с. 296; Бидзиля, Полин, 2012, с. 510, рис. 149, 150).

Отдельную группу аналогий образуют античные монеты Северного Причерноморья, на которых изображен лук с натянутой стрелой в налуче: Пантикапей (325–300 гг. до н.э.), Ольвия (ок. 290–270 г. до н.э.), Ольвия (вторая треть III в. до н.э.), Пантикапей (200–121 гг. до н.э.), Пантикапей II в. до н.э.), Ольвия (вторая пол. II в. до н.э.), Ольвия (конец II в. до н.э.); иногда луки изображались с загнутыми наружу окончаниями, видимо, имитацией головки хищной птицы: Ольвия (ок. 290–270 г. до н.э.), Пантикапей (200–110 гг. до н.э.) (Зограф, 1951, табл. XXXII: 14–21; XXXIII: 10, 18; XLI: 3, 22, XLII: 1–3, 5, 8, 26). В ряде случаев на монетах присутствует лишь изображение натянутого лука: Пантикапей (начало 2 пол. III в. до н.э.), Ольвия (конец II в. до н.э.) (Зограф, 1951, XXX: 19, XLII: 15).

Выделяется еще одна группа монет, которая имеет совершенно другой сюжет – стрела помещалась под натянутым луком: Пантикапей (325–300 гг. до н.э.), Пантикапей (300–250 гг. до н.э.), Пантикапей (первая пол. III в. до н.э.) (Зограф, 1951, табл. XL: 30, XLI: 4; 1954, с. 60, 61).

Исходя из приведенных аналогий, можно утверждать, что подвески АКЮ в виде миниатюрного лука в налуче и без него необходимо датировать в рамках IV–III/II вв. до н.э. – времени наибольшего распространения подобных изображений и подвесок данной категории.

Каменный Лог (Быргындинское II городище (69)) отнесено к позднему этапу АКЮ по наличию в его коллекциях глиняных ритуальных фигурок – 2 экз. (рис. 10: 11, 12) – IV–III вв. до н.э. (обоснование см. выше) и керамике ныргындинского типа (рис. 12: 11, 14, 16) (Голдина и др., 2013, с. 63, табл. Г, табл. 47: 1, 2; Ашихмина, 2014, рис. 61: 8, 9, 67: 1–17, 85: 117, 119, 120, 125–134).

Подгорно-Байларская III стоянка (174) отнесена к позднему этапу АКЮ по наличию в коллекции глиняных ритуальных фигурок – 2 экз. (рис. 10: 10) – IV–III вв. до н.э. и позднеананьинской керамике типа городища Ныргында I (Генинг, 1971, с. 139, рис. 41: 15, 46: 9–11; Голдина и др., 2013, с. 64, табл. 48: 18; Беляев, Хуснутдинов, 2016, рис. 3).

Татарско-Суксинское поселение (175) также отнесено к позднему этапу АКЮ по наличию в коллекции глиняной ритуальной фигурки – IV–III вв. до н.э. (рис. 10: 8) (Беляев, Хуснутдинов, 2016, рис. 1).

Датировка **Танайского V селища (184)** определена по находке бронзовой двупетельчатой длинной бляхи с треугольным однорядным орнаментом на щитке подчетыреугольной формы (рис. 10: 1) и позднеананьинской керамике типа городища Ныргында I и Конецгор (Генинг, Халиков, 1959). Аналогичная конструкция и схожий орнамент характерны для позднеананьинских длинных двупетельчатых блях с треугольным двурядным орнаментом на щитке, по всей вероятности, и даты существования этих изделий также близки (IV–III или же IV–II вв. до н.э.).

Усть-Мензельское городище (186) датируется поздним периодом АКЮ по наличию в её коллекциях фрагментов глиняных ритуальных фигурок – IV–III вв. до н.э.⁷ и поздне-

⁷ По устному сообщению Д. Г. Бугрова, фрагменты антропоморфных фигурок происходят из его раскопа 2007 г. на Усть-Мензельском городище.

ананьинской керамике (типа гор. Ныргында I) (Генинг, 1971, рис. 46: 9–11).

По керамике белогорского и ныргындинского типа к позднему периоду АКЮ отнесены восемь памятников: пос. Курган (3) (рис. 12: 3, 10), Сорочьегорское гор. (38) (рис. 12: 4), Биостанция V ст. (41), Ныргындинское IV гор. (82), Ныргындинское II гор. (88), Елабужское (Чёртово) гор. (178), Танайское I сел. (183), Светло-Ключинское гор. (185), кроме того поздняя керамика выявлена на большинстве памятников с предметами-хроноиндикаторами (Генинг, Халиков, 1959; Археологическая, 1981, табл. X: 7, 8; Шаталов, Чижевский, Губайдуллин, 2011, рис. 4: 1–3, 6, 7, 20; Ашихмина, 2014; Голдина, Черных, 2011; Чижевский, 2014).

5. Регион бассейна р. Белой

Бассейн р. Белой – один из наиболее сложных регионов для атрибуции памятников позднего периода АКЮ, это обусловлено, прежде всего, тем, что позднеананьинские и раннекара-абызские памятники во многом остаются не разграниченными, и зачастую исследователи относят их к той или иной культуре на основании своих предпочтений. Это касается прежде всего поселений, но иногда затрагивает и могильники. В связи с этим вопрос о верхней границе АКЮ в регионе решается довольно просто – время появления могильников с гафурийской керамикой означает и окончание существования АКЮ, хотя этому и противоречат смешанные культурные слои многих поселений IV–III вв. до н.э.

Керамика АКЮ, которая наличествует в коллекциях этих памятников, имеет следующие признаки: заглаженная поверхность, сосуды, как правило, без воротничков, шейка изогнута, венчик плоский; орнамент бедный и состоит из ямок, которые по сравнению с ямками более раннего времени не имеют полушарных выпуклин на внутренней стороне сосуда; реже используются шнуровые отпечатки из одной – трех полос, но наносятся они очень небрежно, и иногда линия шнура даже не замыкается при нанесении её вокруг тулова; кроме того шнур наносился, в основном, на нижнюю часть шейки и плечики, а не на всю шейку сосуда, как на ранней керамике; встречаются сосуды, украшенные поясками треугольных вдавлений в один – два ряда, иногда присутствует гребенчатая орнаментация.

Глиняная посуда с такими признаками присутствует в керамических комплексах позднеананьинских поселений Нижнего и

Среднего Прикамья и обычно связывается с керамикой ныргындинской стадии АКЮ (Ашихминой, 2014, с. 72), иначе говоря, с керамикой ныргындинского типа, а также с керамикой белогорского типа, распространенной в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье (Чижевский, 2014). Время существования этих типов керамики определено в границах VI–III и IV–III вв. до н.э.

Таким образом, можно утверждать, что в пределах этого промежутка времени носители АКЮ и раннекара-абызской культуры сосуществовали на одной территории. К настоящему моменту в бассейне р. Белой насчитывается 14 позднеананьинских памятников.

Датировки по радиоуглероду для памятников АКЮ бассейна р. Белой отсутствуют.

По предметам-хроноиндикаторам к данному периоду отнесено четыре памятника: селище Курман-Тау (28), Касьяновское гор. (30), Саузовское (Бельский Шихан) гор. (78), Аначевское гор. (187).

Селище Курман-Тау (28) отнесено к позднему периоду АКЮ, исходя из наличия в коллекциях памятника крупного наконечника стрелы типа С-40 – IV–III вв. до н.э. и керамики позднеананьинского времени (конецгорский тип) (Кузьминых, 1983, с. 108; Пшеничнюк, 1983, рис. 3: 2, 4, 7, 8).

Датировку **Касьяновского городища (30)** определяют находки наконечника стрелы С-40 (IV–III вв. до н.э.) (рис. 13: 12) и железного кинжала (рис. 13: 19) с утраченным навершием конца V – начала IV вв. до н.э. (Юсупов, 1959, табл. II: 7, 11; Смирнов, 1961, рис. 3: 5). Характерное перекрестие крыло-видной формы позволяет установить его однотипность с раннесарматскими кинжалами, известными по находкам в кург. 1 Филипповского могильника и других раннесарматских некрополях (Скрипкин, 2007, рис. 4: 3, 5; Пшеничнюк, 2012, с. 88, рис. 97: 8, 113: 1). Кроме того, в коллекциях городища присутствует позднеананьинская керамика (рис. 13: 23, 25) (Пшеничнюк, 1973, рис. 23: 2, 5; 1983, рис. 8: 6–8), близкая керамика встречена на Скорняковском городище и др. (Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016).

Саузовское (Бельский Шихан) городище (78), один из самых известных памятников АКЮ бельского региона, открыто и впервые исследовано в конце XIX в. Ф.Д. Нефедовым (Нефедов, 1899; Голдина, Черных, 2011, с. 76). К памятникам позднеананьинского периода АКЮ его позволяют относить выявленные здесь наконечники стрел: грацильные типа

С-34 – 8 экз. (рис. 13: 1, 3–5, 7–10) – IV–III вв. до н.э., крупные наконечники стрел С-40 – 2 экз. (рис. 13: 11) – IV–III вв. до н.э., С-50 (рис. 13: 6) – IV–II в. до н.э. и С-90 – 1 экз. (Кузьминых, 1983, табл. XLV: 31–38, XLVI: 14, 15, 78, XLVII: 80). На последнем наконечнике следует остановиться подробнее.

Трехгранные наконечники типа С-90 (рис. 13: 2) (Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 80) имеют треугольную головку, внутреннюю втулку, обрез базы прямой, ровный, крылья пера заканчиваются на уровне среза втулки. Вдоль крыльев до середины головки располагаются П-образные ложки, высотой около 1/3 от высоты головки. Кроме городища Шихан, наконечники данного типа отмечены в бассейне р. Белой на кара-абызских могильниках в погр. 4, кург. 5 Шиповского могильника (1 экз.) (Пшеничнюк, 1976, рис. 5: 3; Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 81, LI: 73). Аналогии данному типу наконечников отмечены также у савроматов и ранних сарматов (тип XIII). Они появляются у кочевников в конце VI в. до н.э. и существуют вплоть до конца IV в. до н.э. (Алебастрова гора кург. 2/1928) (Смирнов, 1961, с. 56, рис. 35Б: 10). У скифов подобные наконечники встречены в вещевом комплексе Гаймановой могилы первой половины IV в. до н.э., кург. №5 и 6 у с. Терновое, кург. №14 у с. Колбино (Савченко, 2004, рис. 12: 2, 5, 29; Бидзиля, Полин, 2012, с. 508–510, 512, рис. 499: 5, 648: 6). Исходя из кара-абызских датировок и отсутствия на территории АКИО наконечников данного типа в более ранних комплексах, дату наконечников типа С-90 следует ограничить IV в. до н.э.

В 2017 г. появилась информация о случайной находке на территории городища Бельский Шихан бляшки в виде хищной птицы⁸. По своему оформлению она наиболее близка к орнитоморфам из Скородумского клада и, особенно, из погр. 6 Котловского мог. (см. выше). Датируется она, как и другие бляшки подобного типа, IV в. до н.э.

Аначевское городище (187) отнесено к позднему периоду АКИО на основании наличия в его коллекции глиняных ритуальных фигурок (рис. 13: 13–18, 20), датированных – IV–III вв. до н.э. и керамики ныргындинского типа (Иванов, 1976, рис. 1: 4, 6, 7, 2: 1–7; Голдина и др., 2013, табл. 35: 1–7; Ашихмина, 2014, рис. 79: 2, 4, 80: 8, 9).

По керамике белогорского и ныргындинского типа к позднему периоду АКИО отнесе-

ны десять памятников: **Камышинское I гор. (27)** (рис. 13: 21, 14: 10) (Овсянников, Каюмов, Бабин, 2015, с. 88, рис. 7: 2, 4), **Кипчаковское гор. (29)** (рис. 14: 15) (Гарустович, Тагиров, 2012, рис. 2: 2, 4, 13, 7: 1, 2, 5, 6), **Петер Тау (Юлдашевское) гор. (71)** (рис. 13: 22, 24) (Ашихмина, 2014, рис. 78: 2, 4–6), **Какры-Куль гор. (72)** (рис. 14: 17) (Овсянников, Тагиров, 2000, рис. 5: 1, 2, 4, 6: 1–3; Ашихмина, 2014, рис. 78: 3, 7–9), **Ново-Кабановское гор. (89)** (рис. 14: 19) (Ашихмина, 2014, рис. 79: 6, 10, 80: 1), **Воронки сел. (160)** (рис. 14: 1–4, 6, 7, 11, 14) (Пшеничнюк, 1964, рис. 1: 1, 3; 1973, 22: 1, 2; Овсянников, 2014, рис. 2: 1, 2, 6, 7, 10, 11, 15, 3: 9, 11, 13, 14, 4: 1–3, 5, 6), **Андреевское сел. (163)** (рис. 14: 9, 13) (Пшеничнюк, 1973, рис. 31: 1, 2, 4, 6), **Камышинское II гор. (164)** (рис. 14: 8, 12, 16, 18) (Агеев, Овсянников, 2000, рис. 2: 4–7, 9, 10); **Михайловское гор. (165)** (Троицкая, 1959, табл. 1: 1, 2, 8–10, 12, 12, 17), **Дудкино сел. (166)** (рис. 14: 5) (Пшеничнюк, 1973, рис. 22: 8, 9).

Кроме того, в состав памятников позднего периода АКИО в дальнейшем, по всей видимости, можно будет включить Уфимское (Чортово) (Морозов, 2000, рис. 7: 7) и Биктимировское городища (Савельев, 2014, 7: 10–12, 16–18, 21), в коллекциях которых встречаются отдельные фрагменты с керамикой белогорского и ныргындинского типов, для этого необходимо более детальное изучение коллекций данных памятников.

Иногда в качестве ананьинского рассматривают погр. 4 Охлебининского могильника на основании присутствия в составе его инвентаря кельта КАН-51, но этот кельт по своей форме и орнаментации не имеет параллелей в ананьинском мире, а все известные аналогии указывают на его западносибирское происхождение (Чернецов, 1947, рис. 23: 4; Сальников, 1965, рис. 2: 8; Кузьминых, 1983, с. 65, табл. VIII: 20).

6. Регион бассейнов рр. Ветлуга и Вятка

Регион бассейнов рек Ветлуга и Вятка объединен занимающими эту территорию памятниками ананьинской культуры гребенчатошнуровой керамики. В бассейне р. Ветлуги позднеананьинские памятники не известны, в бассейне р. Вятки насчитывается шесть позднеананьинских памятников.

9/18425027_506045922852820_3393279163076462639_n.jpg?oh=8a9310de6028b450d09ad14e23ecddaa&oe=5A47A000. Благодарю Е.М. Черных за любезное разрешение на размещение информации о неопубликованном предмете в данной статье.

⁸Личная страница Е.М. Черных в Facebook. Доступно по URL <https://scontent.fhel2-1.fna.fbcdn.net/v/t1.0->

Датировки по радиоуглероду в регионе бассейнов рек Ветлуга и Вятка отсутствуют. По предметам-хроноиндикаторам к данному периоду отнесено четыре памятника: Пижемское гор. (16), Аргыжское гор. (22), Буйское гор. (23), Каравашек (Свиногорское) гор. (64).

Работы П.А. Пономарева в 1887 г., А.А. Спицына в 1893 г. и А.С. Лебедева в 1906 г. на **Пижемском городище (16)** выявили целую серию костяных изделий: рукоятей и орнитоморфных и зооморфных крючков, которые являются основанием для отнесения памятника к числу позднеананьинских.

Среди них наиболее многочисленны костяные орнитоморфные крючки группы 5.1.1. – 5 экз. (рис. 15: 16–20) с крюком в виде головы птицы (Спицын, 1893, табл. IX: 6; Лебедев, 1908, табл. I: 9; Васильев, 2002, с. 80; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, с. 60, рис. 76: 3–5, 77: 1, 3). Время существования этих крючков в АКЮ конец V–IV вв. до н.э. (анalogии см. выше).

К другой группе относятся костяные зооморфные крючки (группа 5.2.1.) с крюком в виде головы лося – 2 экз. (рис. 15: 21, 22) (Спицын, 1893, табл. IX: 10, 11; Васильев, 2002, с. 80). По оформлению щитка крючки 5.2.1. схожи с крючками предыдущей группы, запорная часть также близка, но изображение головы птицы на ней заменено на изображение лосиной головы.

Аналогов вне АКЮ не известно, видимо, это полностью ананьинская традиция. Не затрагивая вопрос происхождения данного типа изображений на зооморфных крючках, отмечу, что в скифском мире аналогом лося мог быть олень, играющий большую роль в религиозных культах. Так, на Среднем Дону выявлены зооморфные крючки с полнофигурными изображениями оленя (кург. №12 урочище «Частые курганы», кург. №29/21 (№2, 1906 г.) (2 экз.), 34/39 Мاستюгино), которые датируются IV в. до н.э. (Замятнин, 1946, рис. 27: 1; Савченко, 2004, с. 236–238, рис. 26: 7–10). Причем в одном случае изделие изготовлено из кости (кург. №34/39 Мастюгино), что сближает его с ананьинскими крючками. Изображение стилизованного полнофигурного травоядного животного с чертами хищника присутствует также на крючке из ст. Старо-Минской в Восточном Приазовье, датированного концом IV – началом III вв. до н.э. (Смирнов, 1964, рис. 81: 5; Гуляев, 1969, рис. 7: 7; Савченко, 2004, с. 237).

Таким образом, датировка крючков 5.2.1. АКЮ может опираться на дату крючков

с изображением оленя Среднего Подонья. Время существования крючков группы 5.2.1. укладывается, таким образом, в промежуток между концом V – началом III вв. до н.э.

Еще одной группой костяных крючков (5.3.) являются выявленные на Пижемском городище (раскопки А.А. Спицына) костяные крючки с неопределенной видовой принадлежностью животного. В оформлении этих крючков прослежены черты птицы (2 экз.) и млекопитающего (2 экз.), однако точная их видовая атрибуция не представляется возможной (Спицын, 1893, табл. IX: 4, 8; Васильев, 2002, с. 81; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 76: 6, 78: 1, 2, 4). Невозможность точной атрибуции затрудняет датирование этих крючков, однако можно предположить, что они существовали в тот же промежуток времени, что и другие костяные крючки АКЮ, в оформлении которых присутствуют птичьи и звериные черты, то есть в пределах второй половины/конца V – начала III вв. до н.э.

Второй категорией предметов-хроноиндикаторов на Пижемском городище являются костяные рукояти в виде голов лося: одна целая, вторая в виде фрагмента (рис. 15: 11, 14) (Спицын, 1893, табл. VIII: 3; Збруева, 1952, XXVI: 10, XXXI: 29; Васильев, 2012, с. 284, 382, 502, рис. 18: 4, 5; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 70: 1). На целом экземпляре, изготовленном из трубчатой кости, на голове лося изображены уши, нос и открытая пасть с тщательно отрисованными зубами. В районе шеи, перпендикулярно морде лося, находится рельефное изображение медведя, спина его выгнута, морда опущена, уши и верхняя часть плеча и бедра переданы завитками, стопы крупные, с тщательно переданными мощными пальцами и когтями. Окончание рукоятки украшено фризом из выпуклых кругов. На втором фрагменте часть рукояти с изображением морды лося утрачена, Ст.А. Васильев упоминает, что изображение нанесено на костяную пластину (Васильев, 2002, с. 382). На пластине резными линиями изображен медведь, по стилистике подобный первому.

В отличие от более ранних изображений медведя, таких как клевец из Сарабаихи (конец VII – начало VI вв. до н.э.), плечо и бедро на всей поздней серии изображений медведя трактованы в виде завитка, кружка или шаровидной выпуклости. Другим отличием от более ранней серии является округлая

спина, в то время как на ранних изображениях медведя спина животного прямая.

Датируются костяные рукояти из Пижемского городища по аналогичным бронзовым полым и плоским скульптурным изображениям медведя: из погр. 26 Шиховского мог., Гляденовского и Галкинского гор., Турбинского клада; а также по изображениям на длинных двупетельчатых бляхах из погр. 28 Шиховского и сборов из Ананьинского мог., по резному изображению на зеркале из погр. 17 Шиховского мог. – IV–III в. до н.э.

Аргыжское городище (22) отнесено к позднему периоду АКЮ по следующим категориям предметов: наконечникам стрел С-40, С-50, подвеске в виде лука, фрагменту рукояти с зооморфным изображением и костяному орнитоморфному крючку (Вараксина, 1929, табл. 7: 12; Tallgren, 1937, fig. 19; Збруева, 1952, табл. XXVI: 6, 10, LIII: 5; Васильев, 2002, с. 284; Черных и др., 2002, с. 32, рис. 36: 3, 4, 7, 16; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 75: 6; Митряков, Черных, 2014, с. 169, рис. 12: 3, 10, 12).

Крупные наконечники стрел типа С-40 – 3 экз. (рис. 15: 3–5) и мелкий наконечник стрелы типа С-50 (рис. 15: 6) датируют памятник в рамках IV–III вв. до н.э.

В коллекции Аргыжского городища имеется фрагмент бронзовой подвески с изображением сложного скифского лука, помещенного в горит или налуч, окончание кибити скульптурно оформлено в виде головки хищной птицы (рис. 15: 1). Аналогичная, но целая подвеска известна по находке из д. Омарский Починок, датируются подвески этой группы – IV–II вв. до н.э. (см. выше).

Ст.А. Васильев убедительно доказал, что обломок трубчатой кости с зооморфным изображением (рис. 15: 15) является фрагментом рукояти, аналогичной пижемской (Васильев, 2002, рис. 18: 4, 5). Часть рукояти с изображением морды лося утрачена, сохранился только его глаз, у окончания рукояти перпендикулярно её оси вырезано рельефное изображение медведя, передняя нога со стопой повреждена, однако задняя стопа с мощными изогнутыми пальцами и когтями сохранилась. Плечо, бедро и пятка украшены рельефными кружками и завитками, ухо круглое. По стилю изображения и форме рукоять из Аргыжского городища является аналогом рукояти из Пижемского гор. и может датироваться в таких же границах, как и она т.е. IV–III в. до н.э.

Завершает серию предметов-хроноиндикаторов из Аргыжского городища костяной орнитоморфный крючок группы 5.1.1. (рис. 15: 13), датировка которого укладывается в рамки конца V–IV вв. до н.э.

Представленные в коллекции городища предметы глиняной пластики очень невыразительны и не могут привлекаться для датирования (Черных и др., 2002, рис. 57: 4, 5, 7). Позднеананьинская посуда (рис. 16: 10–17), выявленная в верхних слоях Аргыжского городища, позволяет датировать завершающий этап существования памятника в ананьинское время – IV–III вв. до н.э.

Позднеананьинское время существования **Буйского городища (23)** определяют находки: наконечников стрел С-40, С-50, S-видной височной подвески с привеской, подвески с изображением сложного лука и псаляя конецгорского типа (Спицын, 1893, табл. IX: 10, 12; XII: 22; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 76: 3–6, 78: 3; 83: 9; Митряков, Черных, 2014, с. 169, рис. 12: 3, 8, 9, 12).

Крупный наконечник стрелы типа С-40 и мелкий наконечник стрелы типа С-50 (рис. 15: 7, 12) датируют памятник в рамках IV–III вв. до н.э.

Другим хроноиндикатором является проволочная S-видная височная подвеска с зооморфной привеской (рис. 15: 10). Судя по тому, что ее верхняя, проволочная, часть по форме полностью совпадает с распространенными в позднеананьинских памятниках S-видными височными подвесками без привесок, эти подвески можно рассматривать как однокатегорийные и датировать в пределах IV–III/II вв. до н.э. (анalogии см. выше). Е.М. Черных, вслед за С.Л. Воробьевой, датирует это изделие III–II вв. до н.э. (Воробьева, 2010, с. 48–51; Митряков, Черных, 2014, с. 169).

Литая подвеска с изображением натянутого сложного скифского лука с наложенной стрелой и петель для подвешивания (рис. 15: 2) по сюжету близка к подвеске из Заосиновского I поселения и датируется IV–III/II вв. до н.э. (анalogии см. выше).

С памятника происходит также заготовка псаляя конецгорского типа (рис. 15: 8), которая датируется – V–III/II вв. до н.э.

Городище Каравашек (Свиногорское) (64) отнесено к позднему периоду АКЮ по наличию в его коллекции псаляя конецгорского типа (рис. 15: 9) (Спицын, 1893, табл. XI: 39). В отличие от большинства подобных псаляев, скульптурное окончание его тщательно проработано и отличается более

тонкой, чем обычно, мордой без выпуклого лба. Датируется псалий – V–III/II вв. до н.э. (анalogии см. выше).

Слабая изученность региона бассейнов рек Ветлуги и Вятки определила и немногочисленность памятников, которые отнесены к позднему периоду АКЮ по наличию в них позднеананьинской керамики, в настоящее время учтено **Скорняковское (17)** (рис. 16: 1–9) и **Кривоборское городища (168)** (Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016, с. 50, 51, рис. 42: 5, 6; Оруджов, 2017), кроме того позднеананьинская керамика присутствует и на памятниках с предметами-хроноиндикаторами.

7. Регион Средняя Волга (ниже устья р. Сура до Самарской Луки)

Бассейн реки Волга ниже устья р. Сура и до южного края Самарской Луки геоморфологи называют Средней Волгой, это территория располагается «между границей максимального оледенения и районом наибольшего распространения ингрессии Каспия в четвертичный период» (Дедков, 1991, с. 10).

В регионе Средняя Волга насчитывается 41 позднеананьинский памятник, в том числе два могильника позднего периода АКЮ.

Датировки по радиоуглероду в регионе Средняя Волга отсутствуют. По предметам-хроноиндикаторам к данному периоду отнесено 12 памятников: Новомордовский I мог. (5), Большая Таяба местонах. (8), Чурачикский мог. (14), Клишкинское местонах. (15), Тюлькой местонах. (31), Питишевское гор. (32), Царев Курган гор. (50), Петровка местонах. (75), Студеный овраг местонах. (76), Маринско-Посадская находка (190), Нов. Чурашевское местонах. (191), Андреево-Базарская находка (192).

Новомордовский I могильник (5) начал функционировать около середины VIII в. до н.э., с ним связаны первые находки каменных стел вне Ананьинского могильника, и здесь же обнаружены предметы, свидетельствующие о том, что он продолжил свое существование вплоть до позднего периода АКЮ. К числу этих предметов относятся выявленные на размываемой части некрополя: бронзовый зооморфный крючок (группа 1.1.1. (рис. 17: 6), датирующийся концом V–IV в. до н.э., и фрагмент украшения, по всей вероятности крючка или булавки, в зверином стиле (рис. 17: 10). Медведь (?) или кошачий хищник на данном изделии стоит в статичной позе на вытянутых лапах; они мощные, когтистые, уши круглые, пасть раскрыта, в месте перехо-

да ног в туловище располагаются рельефные элементы, образованные выпуклыми кольцами, внутри которых находятся выступающие круги. Датировка данного украшения основывается на статичности позы изображенного животного – не ранее рубежа V–IV вв. до н.э. (Чижевский, Шаталов, 2012, с. 34) – и аналогиям – крючкам из Кырныша (IV в. до н.э.) и из погр. 1948 г. у с. Бажиган, датированного IV–III вв. до н.э. (Крупнов, 1960, рис. 17: 7; Смирнов, 1961, рис. 50: 1а; Гуляев, 1969, с. 118). В пределах IV–III вв. до н.э. может быть принята и датировка украшения из Новомордовского I могильника.

Орнитоморфный крючок, найденный у с. **Большая Таяба (8)** (Tallgren, 1918, р. 9; Збруева, 1952, табл. XXXI: 2; Смирнов А.П., 1961, рис. 20: 6; Гуляев, 2016, илл. 61), относится к группе 5.1.1. (рис. 17: 1) и датируется в АКЮ концом V–IV вв. до н.э. (анalogии см. выше).

Принадлежность **Чурачикского могильника (14)** к АКЮ иногда оспаривается, основным аргументом в такого рода оценках являются, выявленные в составе погребального инвентаря фрагменты плоскодонной посуды с примесью песка и дресвы в глиняном тесте. Однако имеются здесь и фрагменты керамики с примесью раковины, украшенные орнаментом в виде двузубого штампа, характерного для АКЮ⁹. Последнее обстоятельство заставляет все же относить памятник к АКЮ или смешанному с его носителями населению. Предметами-хроноиндикаторами, которые позволяют относить могильник к позднему периоду, являются крестовидная бляха и зооморфные крючки.

Крестовидная бляха из впускного погребения¹⁰ в кургане, раскопанном в 1960–1961 гг. (рис. 17: 7) (Каховский, 1963, рис. 3: 13), относится к первому варианту (с выпуклой поверхностью) подобных блях. Датируется она IV в. до н.э. по среднедонским аналогиям (кург. №17 Русская Тростянка; кург. №4, 8, 10 у с. Колбино; кург. №11 группы Частые курганы) (Савченко, 2001, с. 56; 2009, с. 241, 279, 280, рис. 16: 4 – 10, 12 – 16; подробные аналогии см. выше).

Бронзовые зооморфные крючки (2 экз.) с изображением хищника (медведь) и птицы (с головой животного на щитке и крючком в виде

⁹ Не опубликовано, керамика экспонируется в археолого-этнографическом музее Чувашского государственного педагогического университета

¹⁰ К сожалению, В.Ф. Каховский в статье 1963 г. не опубликовал номера впускных погребений

головы птицы), выявленные на памятнике, относятся к группе 4.1.1. Они были найдены в погр. 1/1963 г. (рис. 17: 3) и погр. 77/2003 г. (рис. 17: 2) (Каховский, 1963, рис. 3: 17; 1964, рис. 13: 18; 2003, с. 191, рис. 18), датируются крючки данной группы IV в. до н.э. (анalogии см. выше). К этой же группе, вероятно, относятся и сильно корродированные железные крючки из погр. 81/2003 г. (Каховский, 2006а, с. 192, рис. 12: 8) и погр. 94/2005 г.¹¹ (Каховский, 2006б, с. 98).

В насыпи кург. 1 Климкинское могильника (III вв. н. э.), расположенного в Горномарийском районе Марий-Эл, выявлен бронзовый поясной крючок (рис. 17: 4), который можно выделить в **Климкинское местонахождение (15)**, так как по своей морфологии и контексту находки он выпадает из числа артефактов памятников писеральско-андреевского типа (Зубов, Михеев, 2006, с. 206, 212, рис. 5: 7).

Крючок, по всей видимости, происходит из более раннего, чем Климкинский могильник, разрушенного погребения АКЮ. На щитке крючка, судя по позе (припавший к земле перед прыжком зверь), и длинной морде, типичной для волков в изобразительном искусстве времени классической Скифии и ранних сарматов (Смирнов, 1964, рис. 29: 4а, 4в, 32: 13, 36: 2в, 78: 2, 80: 8; Королькова, 2006, с. 79–83, табл. 32: 3–6, 11–13, 15, 17), размещен волкообразный хищник с раскрытой пастью. Сам крючок простой, без украшений, в дополнение к типологическому ряду Ст. А. Васильева его можно выделить в группу 7.1.

Наиболее близок к климкинской находке железный крючок с золотой обкладкой из Нижнего Дона (случайная находка), здесь также присутствует фигура хищника с раскрытой пастью в сходной с климкинским крючком позе (Гуляев, 1969, с. 119, рис. 7: 8). Целая фигура животного – травоядного (кург. 34/39 (1 экз.), находка из грабительских раскопок 1905–1906 гг. (1 экз.), случайная находка (1 экз.) у с. Мастюгино, кург. 12/1914 группы «Частые курганы» (1 экз.)) или стилизованного хищника-травоядного (погр. у ст. Старо-Минской) иногда размещалась на зооморфных крючках, которые фиксируются на памятниках Среднего Дона и в Приазовье, датируются эти крючки IV–III вв. до н.э. (Замятнин, 1946, рис. 27: 1, Либеров, 1965, табл. 32: 8, 10, 11,

¹¹ Изображение не опубликовано, сам крючок экспонируется в археолого-этнографическом музее Чувашского государственного педагогического университета

12, 15; Гуляев, 1969, с. 115, 118, рис. 7: 1–4, 7). Изображение хищника (медведя?), близкого старо-минскому происходит из погр. 6 Биктимировского II могильника на р. Белой (карабызская культура), также датированного IV–III вв. до н.э. (Овсянников, Тагиров, 2011, с. 51, рис. 1: 1).

Судя по донским и бельским аналогиям, бронзовый крючок из насыпи кург. №1 Климкинское курганного могильника следует отнести к IV–III вв. до н.э.

Из местонахождения **Тюлькой (31)**, расположенного в Чувашской Республике, происходит бронзовая ложка со скульптурным изображением на окончании ручки головы коня (рис. 17: 5) (Мясников, 2014, с. 276, рис. 1: 2).

Прямых аналогий не известно, однако на памятниках региона Ветлуги и Вятки АКЮ встречаются черпаки из кости, иногда украшенные на окончании рукояти зооморфными изображениями (Спицын, 1893, табл. I: 13, XI: 23; Вараксина, 1929, табл. 4: 6; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 61: 4, 6, 62: 4–6). Данная категория предметов не имеет значения как хроноиндикаторы, однако их присутствие свидетельствует о знакомстве носителей АКЮ с использованием подобных приспособлений.

Серебряный черпак подобной конструкции, но с более длинной ручкой, заканчивающейся головой собаки или волка известен в кург. Чертомлык, время сооружения которого определено в рамках 350/340 – 320 гг. до н.э. (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 174, 187, кат. 93; Алексеев, 2003, с. 297). Серебряные черпаки с изогнутыми длинными ручками с орнитоморфным окончанием известны на территории Фракии, где они датируются IV–III вв. до н.э. (Фракийское, 2013, с. 121, 122 кат. 36).

Наибольшая близость с находкой из Тюлькой наблюдается у ложки из билона со скульптурным изображением лошади с Пургасова городища городищской культуры, расположенного в Республике Мордовия (Артёмова и др., 1972, с. 219; Мясников, 2014, с. 278), и ложки из бронзы с изображением головы козла на окончании ручки из курганного могильника прохоровской культуры у с. Старица Астраханской области (Смирнов, 1989, табл. 66: 53). Датируется по находкам из могильника у с. Старица и кург. Чертомлык – IV–II вв. до н.э.

На **Питишевском городище (32)** в Чувашской Республике найдена случайная находка бронзовых литых ножен. Лицевая сторона

ножен сплошная, с рельефным изображением медведя в верхней части у устья, тыльная сторона не имеет сплошного покрытия, а ограничивается четырьмя поперечными полосами (рамками) (рис. 17: 9) (Мясников, 2014, с. 276, рис. 1: 1).

Ножны близкой конструкции (сплошная лицевая часть и рамчатая тыльная) происходят: из погр. 143 Зуевского мог., однако конструктивно они значительно сложнее, датируются эти ножны второй половиной/концом V – началом IV вв. до н.э. (см. выше); и из погр. 45 Икского мог. пьяноборской культуры, которое датируется II в. до н.э. (Красноперов, 2014, с. 344, рис. 5: 2), но конструктивно последняя находка значительно проще, и форма её отлична от питишевской.

Изображение медведя на ножнах сходно с изображением на вышеупомянутой находке из Новомордовского I могильника и подвеске из Гляденовского костыща, но сильно стилизовано и более напоминает изображения на крючках из погр. 1, кург. 4 и погр. 1, кург. 5 Шиповского могильника, погр. 85 Охлебининского могильника (Пшеничнюк, 1968, рис. 6: 11; 1976, рис. 7: 1, 3) и особенно на крючках группы 4.1.1. АКЮ (анalogии см. выше). В пределах этих аналогий ножны из Питишевского городища датируются IV–III вв. до н.э.

Материалы трех ранее неизвестных местонахождений позднеананьинского времени впервые опубликованы Н.С. Мясниковым в данном издании (Мясников, 2017, с. 44–48). Это Мариинско-Посадская находка (190), Нов. Чурашевское местонах. (191), Андреево-Базарская находка (192). Основные аналогии, позволяющие определить хронологические позиции этих объектов, приведены автором публикации, поэтому в данной статье даны лишь дополнения и некоторые уточнения к публикации Н.С. Мясникова.

К позднему периоду АКЮ на основании аналогий отнесена найденная в Чувашской Республике **Мариинско-Посадская находка (190)** (Мясников, 2017, рис. 3: 2). Это бронзовая орнитоморфная бляшка с прорисованным изображением хвоста и крыльев, с крючком в виде птичьей головы на лицевой стороне и петель на обороте. Кроме приведенных Н.С. Мясниковым аналогий, следует упомянуть орнитоморфную бляшку из погр. 26 Шиховского мог., на основании датировки этого погребения и погр. 6 Котловского мог. (см. выше) Мариинско-Посадская находка датирована IV–II вв. до н.э.

Нов. Чурашевское местонах. (191) (Мясников, 2017, рис. 3: 55, 56). Среди других находок, объединенных случайным находчиком в поясной набор, выявлены два предмета по аналогиям, отнесенные Н.С. Мясниковым к позднему периоду АКЮ. Это круглая выпуклая бляшка с отверстием посередине и с полусферическими фигурами по периметру – IV – III вв. до н.э. (анalogии см. Мясников, 2017) и поясной орнитоморфный крючок, который относится к группе 5.1.1. по Ст. Васильеву. По оформлению данный крючок близок к находке из с. Большая Таяба (8). Месторасположение этих объектов также очень близко, можно предполагать, что они сделаны на территории одного еще не выявленного археологами могильника. Датируется крючок из Нового Чурашева, как и остальные крючки группы 5.1.1., концом V–IV вв. до н.э.

Андреево-Базарская находка (192) (Мясников, 2017, рис. 4). Бронзовая зооморфная подвеска в виде скульптурно оформленной морды кабана в верхней части (рот кабана оформлен рельефной полосой в виде головки хищной птицы) и рельефным изображением хищного животного (медведя?) в нижней, с мощными лапами, суставы переданы завитками или кольцами, датируется – IV – III вв. до н.э. по многочисленным аналогиям изображений медведя, выполненных в таком стиле.

Царев Курган городище (50) отнесено к позднему периоду АКЮ благодаря наличию в составе её коллекции наконечника стрелы типа С-50 (рис. 17: 8), датирующегося IV–II в. до н.э., и керамики белогорского типа (рис. 18: 5, 7, 15, 16) (Чижевский, 2014, рис. 3: 11–11, 21).

Белогорский тип керамики выделен В.В. Гольмстен в 1925 г. на основании изучения поселений раннего железного века полуострова Самарская Лука (Гольмстен, 1925, с. 5–14).

Сосуды белогорского типа круглодонны, плечики хорошо выражены, много цилиндрических сосудов, в глиняном тесте присутствует дробленая раковина и известняковая крошка. Орнамент размещается на шейке сосуда, но иногда опускается на плечики, основные элементы орнамента – подтреугольные вдавления, которые группируются в один – два ряда, а на плечиках в ряде случаев располагаются треугольные фестоны, сформированные неглубокими вдавлениями. Время существования керамики белогорского типа по находкам предметов-хроноиндикаторов в культурных слоях поселений и страти-

графии определено VI–III вв. до н.э. (Чижевский, 2014, с. 211, 222).

Биметаллический меч из **местонахождения Петровка (75)** с навершием в виде противостоящих голов животных, обращенных друг к другу затылками, сплошной рукоятью и с бабочковидным перекрестием (рис. 17: 12) найден в бассейне р. Самара (Денисов, Мышкин, 2008, с. 66, рис. 3: 8). На территории АКИО ему наиболее близок меч из пос. Юг (см. выше), кроме того подобные предметы известны в Барабинской лесостепи у с. Новотроицкое Новосибирской области, с. Ильинское в Оренбуржье, Минусинской котловине (коллекция И.П. Товостина) (Tallgren, 1917. Pl. III; Исмагилов, Скарбовенко, 1977, с. 90, рис. 3: 4; Соловьев, Мартынов, Теремило, 1987, рис. 1: 1, 4, 5; Денисов, Мышкин, 2008, рис. 3: 8). Меч из пос. Юг датируется IV в. до н.э., остальные – в пределах V–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 15, рис. 1: 11; Соловьев, Мартынов, Теремило, 1987, с. 136).

В **местонахождении Студеный овраг (76)**, выявленном в г. Самаре, обнаружен короткий меч с когтевидным навершием и бабочковидным перекрестием (рис. 17: 11) (Денисов, Мышкин, 2008, с. 66, рис. 4: 7). На территории АКИО известно ещё два таких меча, которые происходят из урочища Малая Чеганда (77) и пос. Усть-Качка (79), подробные аналогии мечам этого типа даны при характеристике последних (см. выше). Датируются мечи с когтевидным навершием в рамках конца V–IV вв. до н.э.

Время существования остальных памятников региона Средняя Волга, а к ним относится 29 поселений, основывается на керамических комплексах, включающих глиняную посуду белогорского и конецгорского типа: Маклашеевское II гор. (33) (рис. 18: 11), Зольное пос. (34) (рис. 18: 1), Черки-Кильдуразы V ст. (35) (рис. 18: 2), Гулькинская ст. (36), Гулькинский мог. (37) (рис. 18: 6) (Збруева, 1954, рис. 7), Старомайское гор. (40) (рис. 18: 8, 17), Займищенская IIIа ст. (39) (рис. 18: 18), Карташихинская I ст. (42), Казанка I гор. (43) (рис. 18: 13, 14), Молодецкий курган гор. (44), Усинский курган гор. (45), Задельная Гора гор. (46) (рис. 18: 19), Лысая Гора гор. (47) (рис. 18: 20), пос. у с. Федоровка (48), пос. у Поповой Горы (49), Коптево гор. (51), Студеный Овраг пос. (52), Белая Гора гор. (53) (рис. 18: 4, 12), Манчиха гор. (54), Торновское гор. и сел. (55), Вислокаменное гор. (56), Каменная Коза гор. (57), Лбище гор. (58), Новинковское сел. (59), Студеный Овраг сел. (60), Новая Бедень-

га I сел. (161), Мантовское местонах. (167), Пестречинская II ст. (188), Малахайское пос. (189) (Чижевский, 2014, рис. 2: 1–24, 3: 1–20, 5: 7, 8, 14–16, 6: 1–7, 9–11, 13–19; 7: 4, 8–18; Патрушев, 2017, рис. 11: 1, 3, 5, 7, 9, 10, 13).

На фоне остальных выделяются керамические комплексы гор. Казанка I (43) и Пестречинская II ст. (188), в которых, кроме позднеананьинской, отмечена и прохоровская керамика (рис. 18: 9, 10)¹². Рассматриваемые фрагменты относятся к венчикам сосудов с цилиндрической горловиной и шаровидным напылом в верхней части, орнамент в виде горизонтального зигзага (гор. Казанка I) и горизонтальных каннелюр (Пестречинская II ст.), в глиняном тесте примеси органики и шамота. В Южном Приуралье подобная керамика получила название гафурийской и относится исследователями к «сарматоидной» (Пшеничнюк, 1973, рис. 24: 7; 26: 3–5, 7, 8; Генинг, 1988, с. 85, рис. 21: 13, 14, 16; Овсянников и др., 2007, рис. 5: 10, 14: 12; Яблонский, 2012, рис. 57: 8, 9, 67: 2, 69: 8; Савельев, Яблонский, 2014, рис. 15: 5, 6, 8, 9). Некоторые отличия проявляются в технике нанесения орнамента – гребенкой (гор. Казанка I), но этот факт можно объяснить влиянием местной традиции, когда по форме и примесям сосуд изготавливался как раннесарматский, а техника нанесения орнамента близка к ананьинской (Мошкова, 1963, Табл. 13: 8–10, 13; Смирнов, 1975, 18: 3, 6, 34: 4, 35: 3, 37: 7, 38: 9).

Датируется гафурийская и прохоровская керамика IV–III/II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1973, с. 206; Овсянников и др., 2007, с. 81; Яблонский, 2012, с. 82).

Выводы

1. Начало позднего периода АКИО датируется по разным оценкам в пределах конца V в. до н.э. или рубежа V–IV вв. до н.э.

2. Завершение существования АКИО также не имеет устойчивой границы, несмотря на то, что основная масса датировок относится к III в. до н.э., некоторые даты указывают на продолжение существования отдельных памятников АКИО и во II в. до н.э.

3. Основная масса памятников позднеананьинского времени сосредоточена в регионе Средней Камы (89 из 192). Здесь наблюдается наибольшая концентрация поселений и в том числе городищ.

¹² Выражаю благодарность М.Ш. Галимовой и В.В. Морозову за любезное разрешение использования неопубликованных материалов.

4. Остальные памятники позднего периода АКЮ распределены очень неравномерно, больше их отмечено на Средней Волге, Нижней Каме и Европейском Северо-Востоке, меньше на притоках Камы – Белой и Вятке.

5. Неравномерность распределения позднеананьинских памятников по регионам обусловлена как разной степенью изученности этих территорий, так и разной разработанностью хронологии керамических комплексов, на которых основывается датировка большей части памятников АКЮ.

6. По сравнению с предшествующими периодами АКЮ, наблюдается процесс унификации и обеднения орнаментальных мотивов на керамике в разных регионах АКЮ при выделении двух основных традиций нанесения орнамента: гребенкой и в виде ямок. Первая

традиция связана с северными регионами (ЕСВ, северная часть Средней Камы, Вятка), вторая – с южными регионами (южная часть Средней Камы, Нижняя Кама, Белая (большей частью), Средняя Волга). Количество сосудов со шнуровой орнаментацией либо существенно сокращается, либо они вообще исчезают из керамических комплексов поселений и могильников.

7. Наличие в разных регионах АКЮ одинаковых украшений, выполненных в зверином стиле, предметов вооружения и импортных изделий из одних и тех же территорий степи, свидетельствует о наличии внутренних связей между культурами и регионами позднего периода АКЮ и сохранении единого ананьинского мира вплоть до конца его существования в III/II вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Агеев Б. Б., Овсянников В. В. Камышинское городище // УАВ. №2. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 155–164.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 212 с.
- Акишев К. А. Культура саков долины р. Или (VII–IV вв. до н.э.) // Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или / Отв. ред. А. Х. Маргулан. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. С. 9–137.
- Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.
- Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. 416 с.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. 120 с.
- Алексеева И. Л., Булатович С. А. Два кургана на левобережье Днестровского лимана // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины / Вестник Черноморской ассоциации археологов и любителей древности. Вып. 1 / Ред. Г.Н. Тощев и др. Одесса; Запорожье: Запорож. гос. ун-т, 1990. С. 35–48.
- Артёмова В. Д., Ледяйкин В. И., Матюнина Ю. М., Петербургский И. М. Раскопки Пургасова городища // АО–1971 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 218–220.
- Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.
- Ашихмина Л. И. Раннеананьинские поселения на Верхней Мезени // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Вып.6 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: КФ АН СССР, 1977. С. 37–47.
- Ашихмина Л. И., Васкул И. О. Памятники ананьинской культурно-исторической общности // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 314–348.
- Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шаталов В. А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.
- Ашихмина Л. И. Генезис ананьинской культуры в Нижнем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ, 2014. 300 с.
- Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: Райдер, 2005. 284 с.
- Беляев А.В., Хуснутдинов Э.А. Глиняная фигурка из Татарско-Суксинского поселения // ПА. 2016. №3. С. 161–167.
- Березуцкий В.Д., Разуваев Ю.Д. Курганный могильник скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 53–68.
- Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. I. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. 320 с.
- Беспалый Е.И. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 156–168.
- Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф, 2012. 752 с.
- Борзунов В.А. Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // СА. 1997. №1. С. 163–180.

- Борзунов В.А.* Новые материалы по раннему железному веку Прикамья (городище Алтын-Тау // СА. 1997а. №2. С. 197–210.
- Буров Г.М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967. 218 с.
- Васильев Ст.А.* Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. 513 с. № 61:03 – 7/198–3.
- Вараксина Л.И.* Костеносные городища Камско-Вятского края // ИОАИЭ. 1929. Т. 34, вып. 3–4. С. 83–112,
- Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.* Болгарское IX селище – памятники финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми // Поволжская археология. 2015. №2. С. 136–159.
- Васкул И.О.* Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований) / Научные доклады КНЦ УрО РАН. Вып. 451. Сыктывкар, 2002. 52 с.
- Васюткин С.М.* Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 125–144.
- Вечтомов А.Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. №148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 133–155.
- Виноградов В.Б.* Клад второго Бельтинского могильника // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 84–87.
- Волков В.В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор: АН МНР, 1967. 148 с.
- Волкова Е.В., Капленко Н.М.* Крючок с зооморфным оформлением из Кырнышского археологического комплекса // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 281–285.
- Вольная Г.Н.* Прикладное искусство населения Притеречья середины I тыс. до н.э. Владикавказ: Иростон, 2002. 145 с.
- Вольная Г.Н.* К вопросу о параллелях в зооморфном искусстве ананьинской и кобанской культур // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 261–272.
- Воробьева С.Л.* К вопросу об особенностях восьмерковидных височных подвесок кара-абызского населения Южного Приуралья эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность / Отв. ред. А.И. Тузбеков. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2010. С. 48–51.
- Воробьева С. Л.* Ананьинский компонент кара-абызской культуры (по материалам костюмного комплекса) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 314–330.
- Ворошилов А.Н., Медведев А.П.* Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 76–87.
- Галанина Л.К.* Скифские древности Поднепровья (эрмитажная коллекция Брандербурга) / САИ. Вып. Д1-33. Л.: Наука, 1977. 68 с.
- Галимова М.Ш.* Отчет о раскопках Пестречинской II стоянки в Пестречинском районе Республики Татарстан. Казань, 2017 / НФ МАРТ РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1.
- Гарустович Г.Н., Тагиров Ф.М.* Новые находки с Кипчаковского городища на северо-западе Башкортостана // УАВ. Вып. 12 / Ред. Г.Н. Гарустович и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 124–135.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Материалы к отчету о полевых работах археологической экспедиции ИЯЛИ за 1959 г. / НФ МАРТ РТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Ек. 22.
- Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I: Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. / ВАУ. Вып. 10. Свердловск: УрГУ; Ижевск: УИИЯЛ, 1970. 225 с.
- Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II: Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. / ВАУ. Вып. 11. Свердловск: УрГУ; Ижевск: УИИЯЛ, 1971. 190 с.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 2004. 422 с.
- Голдина Р.Д., Черных Е.М.* Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Ижевск: Сарапул. тип., 2011. 168 с.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А.* Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22. Ижевск: УдГУ, 2012. 364 с.
- Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А.* Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье / МИКВАЭ. Т. 26. Ижевск: УдГУ, 2013. 184 с.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // ПА. №1. 2016. С. 41–89.
- Гольмстен В.В.* Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Самара, 1924. Ч. 1. С. 159–173.
- Гольмстен В.В.* Материалы по археологии Самарской губернии. 2. Керамика древних мест поселений Самарской Луки // БОИИЭ. 1925. №3. С. 5–16.

- Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б.* Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. №3. С. 229–247.
- Граков Б.Н.* Каменское городище на Днепре / МИА. №36. М.: АН СССР, 1954. 240 с.
- Гуляев В.И.* Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время / МИА. №151 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1969. С. 109–127.
- Гуляев В.И.* Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н.э.) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 7–24.
- Гуляев В.И.* Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. М.: ИА РАН, 2016. 104 с.
- Дараган М.Н.* Начало раннего железного века в Днепроградской Правобережной лесостепи. Киев: КНТ, 2011. 848 с.
- Дедков А.П.* Долина Средней Волги // Средняя Волга. Геоморфологический путеводитель / Науч. ред. А.П. Дедков. Казань: КГУ, 1991. С. 10–23.
- Денисов А.В., Мышкин В.Н.* Клинковое оружие населения бассейна р. Самары в VII – IV вв. до н.э. // Нижне-волжский археологический вестник. Вып. 9 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2008. С. 62–75.
- Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья. Новосибирск: СО АН ССР, 1958. 106 с.
- Дэвлет М.А.* Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасии // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 70–74.
- Евдокимов Г.Л., Фридман М.И.* Скифские курганы у с. Первомайка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1987. С. 85–115.
- Замятнин С.Н.* Скифский могильник "Частые курганы" под Воронежем: (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. 1946. Т. VIII. С. 9–50.
- Збруева А.В.* Галкинское городище // Археологические памятники Урала и Прикамья / МИА. №1 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 83–96.
- Збруева А.В.* Городище Грохань // КСИИМК. 1947. Вып.16. С. 52–64.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. №30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.
- Збруева А.В.* Гулькинский могильник // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. №42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 247–258.
- Зограф А.Н.* Античные монеты / МИА. №16. М.; Л.: АН СССР, 1951. 264 с. + 50 табл.
- Зубов С.Э.* Подвески-обереги в форме скифского лука в раннем железном веке Евразии // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья, проблемы хронологии и этнической истории / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2003. С. 11–16.
- Зубов С.Э., Михеев А.В.* Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничноку / Отв. ред. Г.Т. Обьеденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 204–225.
- Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю.* Коллекция из кургана Куль-Оба в собрании Государственного исторического музея // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирина Ивановны Гуциной / ТГИМ. Вып. 191 / Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. С. 70–76.
- Иванов В.А.* Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени // СА. 1976. №3. С. 308–312.
- Ильинская В.А.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. 1957. Т. 27. С. 232–249.
- Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 267 с.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Киммерийское время (9 – первая половина 7 вв. до н.э.) // Археология Украинской ССР. Т. 2 / Ред. И.И. Артеменко и др. Киев: Наукова думка, 1986. С. 8–43.
- Исмагил Р. Б., Сунгатов Ф. А.* Памятники яицкой культуры последние четверти V–IV вв. до н.э. на Южном Урале / Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала. Т. III. Уфа: Белая река, 2013. 223 с.
- Исмагилов Р.Б., Скарбовенко В.А.* Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средне-волжская археологическая экспедиция / Ред. С. Г. Басин и др. Куйбышев: КГУ, 1977. С. 77–91.
- Исмагилов Р.Б.* Кинжалы поздне-сарматского времени из Башкирии // СА. 1978. №4. С. 229–238.
- Исмагилов Р.Б.* Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА. 1980. №1. С. 219–228.
- Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана / Отв. ред. А.Х. Маргулан. Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. С. 303–433.

- Казанцева О.А. Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области / МИКВАЭ. Т. 14. Ижевск: УдГУ, 2004. 176 с.
- Канивец В.И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.
- Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 152 с.
- Канторович А.Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н.э. // Изобразительное искусство в археологическом наследии / Археологический альманах. №21. Донецк: Лебедь, 2010. С. 189–224.
- Карпелан К., Уйно П. Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Национальном музее Финляндии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 13–23.
- Каховский В.Ф. **Чурачикский могильник в Чувашии** // СА. 1963. №3. С. 169–177.
- Каховский В.Ф. **Чурачикский могильник** // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах / УЗ ЧувНИИ. Вып. 25 / Отв. ред. В. Д. Дмитриев. Чебоксары: ЧувНИИ, 1964. С. 73–98.
- Каховский Б.В. Археологические исследования Чувашии государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева на Чурачикском могильнике в 2002–2003 гг. // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья / Ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2006а. С. 175–227.
- Каховский Б.В. Исследования Чурачикского могильника в 2001–2005 гг. // Проблемы археологии и этнографии / Цивилизации народов Поволжья и Приуралья. Т. 1 / Отв. ред. Б.В. Каховский. Чебоксары: ЧГПУ, 2006б. С. 94–102.
- Клетиков В. М. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 51–57.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.
- Кореньюк С.Н., Денисов В.П. Находки мечей ананьинского времени в Пермском Прикамье // Пермское Прикамье в истории России и Урала: МВНК / Сост. В.В. Шилов. Березники: Тип. купца Тарасова, 2000. С. 39–42.
- Кореньюк С.Н., Майстренко Д.А. Скородумский «клад» // Шестые Берсовские чтения: МВНПК / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 139 – 146.
- Кореньюк С.Н. Могильник «Протасы» // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. VIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 143–155.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святылища) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 292–302.
- Корепанов К.И. Изображение медведя в искусстве Прикамья второй половины I тыс. до н.э. // ВАУ. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 130–136.
- Корепанов К.И. О локальных различиях в искусстве «звериного» стиля Среднего Поволжья и Прикамья VII–III вв. до н.э. // Скифо-сибирский мир / Отв. ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1987. С. 63–75.
- Королев К.С. Памятники эпохи раннего железа в долине Средней Вычегды // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 64–75.
- Королев К. С. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 194 с.
- Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии: (Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
- Косарев М. Ф. К вопросу о кулайской культуре // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 43–51.
- Красноперов А.А. Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения. К 100-летию Е.М. Берс: МВНПК / Отв. ред. В.М. Морозов. Екатеринбург: Квадрат, 2006. С. 144–148.
- Красноперов А.А. Погребение №28 Икского могильника: к вопросу о ранней лате пьяноборских памятников // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 331–351.
- Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1960. 520 с.
- Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 300 с.
- Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
- Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. №3. С. 101–137.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Финал бронзового и ранний железный век на северо-востоке Европы: культурогенез, границы и контакты археологических культур // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: Сборник статей к 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2015. С. 44–54.

Курочкин Г.Н. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири / Отв. редактор В.М. Массон. Л.: Наука, 1988. С. 5–22.

Лебедев А.С. Пижемское городище // ИОАИЭ. 1907. Т. XXIII, вып. 6. С. 448–457.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону / САИ. Вып. Д1–311. М.: Наука, 1965. 113 с.

Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.

Максименко В.Е., Смирнов К.Ф., Косяненко В.М. Курганы у хут. Кащевка // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии / Отв. ред. В.В. Кропоткин, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1984. С. 148–156.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 178–205.

Манцевич А.П. Курганы Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1987. 143 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.

Масленицына Е.С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V–IV вв. до н.э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. / Отв. ред. Ю.Л. Щапова, И.В. Яценко М.: МГУ, 1992. С. 57–68.

Махортых С.В. Памятники типу Новочеркаского скарбу // Археология. 1992. №1. С. 23–30.

Махортых С.В., Иевлев С.М. Скифские мечи и кинжалы из собрания Национального музея истории Украины // Древности Северского Донца. Вып. 5 / Ред. В.О. Манько. Луганск: Шлях, 2001. С. 100–107.

Махортых С.В. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска // Stratum plus. 2012. №3. С. 145–160.

Медведев А.П. К вопросу о происхождении среднедонской культуры скифского времени (по материалам городищ) // РА. 1998. №2. С. 22–40.

Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. №3. С. 76–89.

Мельничук А.Ф., Оборин В.А. Новые исследования Гремячанского поселения-святилища // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 75–78.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов / САИ. Вып. Д1–4. М.: Наука, 1964. 91 с.

Мелюкова А.И. Краноскутский курган. М.: Наука, 1981. 112 с.

Мелюкова А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова М.: Наука, 1989б. С. 92–100.

Мелюкова А.И. Скифское искусство звериного стиля // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989. С. 100–104.

Мелюкова А.И. Хозяйство, быт, торговля // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989в. С. 113–120.

Мерперт Н.Я. Акинак с когтевидным навершием // КСИИМК. 1948. Вып. 22. 1948. С. 74–79.

Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. 1910. №35. С. 86–124.

Митряков А.Е., Черных Е.М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 174–191.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 292–311.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пушкин. науч. центр РАН, 1997. 196 с.

Мозолеватский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 187–234.

Мозолеватский Б.Н. Товста могила. Київ: Наукова думка, 1979. 251 с.

Мозолеватский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 70–154.

Мокрушин В.П. Археологические исследования на территории Пермского и Кунгурского районов Пермской области // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 81–83.

Мокрушин В.П. Изучение городища Ермаша на территории г. Перми // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 98–107.

- Морозов В.В.* Отчет о разведочных работах в г. Казань в Республике Татарстан в 2016 г. Казань, 2017. 74 с. / НФ МАРТ РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1.
- Морозов Ю.А.* Исследования Уфимского городища // УАВ. Вып. 2 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 145–154.
- Мошкова М. Г.* Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. №78. М.: АН СССР, 1960. С. 293–307.
- Мошкова М.Г.* О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 77–82.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1–10. М.: АН СССР, 1963. 56 с., 32 табл.
- Мошинская В.И.* Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. №35 / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953. С. 72–106.
- Мясников Н.С.* Новые находки ананьинского времени с территории Чувашии // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 276–280.
- Мясников Н.С.* Новые случайные находки ананьинского времени с территории Чувашии // Археология евразийских степей. 2017. №4. С. 44–48.
- Нефедов Ф.Д.* Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг. // МАВГР. Т. III. М.: Тип. Н.Н. Шаропова, 1899. С. 42–74.
- Новокрещенных Н.Н.* Гляденовское костыще Пермской губ., на р. Каме // Труды ПУАК. Вып. XI. Пермь, 1914. С. 19–97.
- О государственном учете недвижимых памятников истории и культуры Пермского края регионального значения. Распоряжение Губернатора Пермской области от 05.12.2000 N 713-р.
- Овсянников В.В., Тагиров Ф.М.* Городище Какры-Куль (Старо-Муштинское) // УАВ. Вып. 2 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 165–178.
- Овсянников В.В., Яминов А.Ф.* Исследование могильника у Чортова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2003. С. 16–46.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.
- Овсянников В.В.* К вопросу о происхождении сюжета «медведь в жертвенной позе» в пермском зверином стиле // Вестник Пермского университета. Вып. 1. Пермь: ПГУ, 2013. С. 77–83.
- Овсянников В.В.* Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 303–313.
- Овсянников В.В., Каюмов И.Х., Бабин И.М.* Новые материалы с поселений кара-абызской культуры // УАВ. Вып. 15 / Отв. ред. В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 85–110.
- Ольховский В.С.* О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) / Отв. ред. Г.Н. Тошев. Запорожье: ЗГУ, 1999. С. 182–187.
- Оруджов Э.И.* Керамический комплекс Кривоборского городища // Археология евразийских степей. 2017. №4. С. 89–104.
- Очир-Горяева М.А.* Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 472 с.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 278 с.
- Патрушев В.С.* Ананьинские древности Марийского края (по материалам поселений) // Археология евразийских степей. 2017. №4. С. 105–126.
- Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Вост. лит., 1994. 206 с.
- Перевозчикова С.А.* Историко-культурное наследие национального парка «Нечкинский» // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2009. Т. 18, № 3. С. 30–37.
- Перевозчикова С.А., Черных Е.М.* Усть-Нечкинские городища в Среднем Прикамье на этапе ананьинской культуры (топография, планировка, инвентарь) // ПА. 2015. №2. С. 114–133.
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. / САИ. Вып. Д1–4. М.: Наука, 1967. 179 с.
- Полидович Ю.Б.* Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности / Археологический альманах. №15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: ДОКМ, 2004. С. 143–165.
- Полидович Ю.Б.* Рукояти с изображением хищников и некоторые особенности ананьинского «звериного» стиля // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып.8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 239–244.
- Полин С. В.* От Скифии к Сарматии. Киев: ИА НАНУ, 1992. 201 с.
- Полин С.В., Кубышев А.И.* Скифские курганы Утлюкского междуречья (в северо-западном Приазовье). Киев: ИА НАНУ. 1997. 87 с.

- Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Поляков Ю.А.* Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. №148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 197–215.
- Прокошьева Н.А.* Селище у дер. Турбино // // Археологические памятники Урала и Прикамья / МИА. №1 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 111–120.
- Пшеничнюк А.Х.* Биктимировский могильник // АЭБ. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1964. С. 215–231.
- Пшеничнюк А.Х.* О периодизации кара-абызских памятников // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. №148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 156–170.
- Пшеничнюк А.Х.* Охлебнинский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1969. С. 59–104.
- Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Ред. Н.В. Бикбулатов и др. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 162–243.
- Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э. // Древности Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1976. С. 35–131.
- Пшеничнюк А.Х.* Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1983. С. 77–103.
- Пшеничнюк А.Х.* Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.
- Пшеничнюк А.Х.* Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.: Индрик, 2001. 272 с.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма / МАР. №37. Пг.: 9-я гос. тип., 1918. 81 с.
- Савельев Н.С.* Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 69–72.
- Савельев Н.С.* Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Сарматы и внешний мир / УАВ. Вып. 14 / Гл. ред. В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 191–206.
- Савельев Н.С., Яблонский Л.Т.* Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Урала // АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.
- Савченко Е.И.* Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2001. С. 53–143.
- Савченко Е.И.* Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001 – 2003 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 151–277.
- Савченко Е.И.* Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону, как исторический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 221–328.
- Садыкова М. Х.* Сарматский могильник у дер. Старые Кишишки // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1964. С. 88–122.
- Сальников К.В.* Кельты Южного Зауралья // Новое в советской археологии / МИА. №130 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 160–164.
- Синицын И.В.* Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. 1952. Вып. 45. 1952. С. 62–73.
- Сиротин С.В., Трейстер М.Ю.* Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Сарматы и внешний мир / УАВ. Вып. 14 / Гл. ред. В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 207–217.
- Скрипкин А.А.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: СГУ, 1990. 300 с.
- Скорый С.А.* Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев: Киев. тип. ФНПУ, 1997. 173 с.
- Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1988. 183 с.
- Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья / МИА. №95. М.: АН СССР, 1961. 171 с.
- Смирнов И.Н.* Каракулинский могильник // ИОАИЭ. 1895. Т. XII, вып. 4. С. 263–272.
- Смирнов К. Ф.* Быковские курганы // МИА. №78. М.: АН СССР, 1960. С. 168–268.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов / МИА. №101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 379 с.

- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического могущества в Скифии. М.: Наука, 1984. 184 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989. С. 165–177.
- Соловьев А.И., Мартынов А.И., Теремило Г.И. Меч скифского времени из Барабы // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология / Отв. ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин. Новосибирск: Наука. 1987. С. 133–139.
- Спицын А.А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии / МАВГР. Вып. I. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1893. 192 с.
- Спицын А.А. Гляденовское костыше // Записки Русского археологического общества. Нов. серия. Т. XII, вып. 1–2. СПб., 1901. С. 228–269.
- Спицын А.А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков / МАР. №26. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1902. 70 с., 40 табл.
- Стоянов В.Е., Фролов В.Н. Курганные могильники у д. Воробьево // ВАУ. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 53–87.
- Тальгрэн А.М. Два железных меча в Сарапульском музее // Известия общества изучения Прикамского края. Вып. 1. Сарапул: Тип. газеты "Кама", 1917. С. 20–24.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка, 1988. 264 с.
- Троицкая Т.Н. Раскопки Михайловского городища в Башкирии // Башкирский археологический сборник / Отв. ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН, 1959. С. 88–96.
- Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большещеченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Фракийское золото из Болгарии: ожившие легенды. Каталог / Науч. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: Кучково поле, 2013. 360 с.
- Фіалко О.Е. Скіфські вуздечки з залізними нахрапниками // Археологія. 1996. №4. С. 94–100.
- Цветкова И.К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / ТГИМ. Вып. 44 / Отв. ред. В.М. Раушенбах. М.: Сов. Россия, 1970. С. 97–154.
- Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. №4. С. 58–71.
- Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.
- Худяков М.Г. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / МГАИМК. Вып. 2. Л.: ГАИМК, 1933. 27 с., 11 л. илл.
- Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут-Омск: Омск. дом печати, 2008. 224 с.
- Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения эпохи раннего железа Восточной Европы и Урала // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 216–238.
- Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев: Наукова думка, 1968. 190 с.
- Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168 с.
- Чернецов В.Н. Опыт типологии западносибирских кельтов // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 65–78.
- Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. №35 / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953. С. 121–178.
- Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. №35 / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953а. С. 220–241.
- Черных Е.М. Степановское городище – новый памятник раннего железного века в Среднем Прикамье. Ижевск: ИИКНП, 2000. 32 с.
- Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.
- Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 76–97.
- Чижевский А.А., Шаталов В.А. Псалый из Луговского могильника: к вопросу об образе всадника и коня в ананьинском искусстве // РА. 2012. №1. С. 26–35.
- Чижевский А.А. Проблема распада ананьинской культурно-исторической области // Переходные эпохи в археологии: МВАК с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Отв. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2013. С. 80–82.
- Чижевский А.А. Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 211–224.

- Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисьяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С.* Скорняковское городище на Вятке / АЕС. Вып. 22. Казань: Казан. недвижимость, 2016. 156 с.
- Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Томск. ун-т, 1984. 256 с.
- Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Шаталов В.А., Чижевский А.А., Губайдуллин А.М.* Исследования Танайского I селища // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 13, №3 (2). Самара, 2011. С. 540–548.
- Шевченко А.А.* Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 26–111.
- Шелов Д.Б.* Чеканка монет и денежное обращение на Боспоре в III в. до н.э. // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. 2 / МИА. №33 / Отв. ред. М.М. Кобылина. М.: АН СССР, 1954. С. 58–70.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: АлтГУ, 2009. 329 с.
- Шульга П.И.* Синцзян в VIII–III вв. до н.э.: (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АлтГУ, 2010. 238 с.
- Юсуфов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник / Отв. ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН, 1959. С. 58–87.
- Яблонский Л.Т.* Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.
- Яблонский Л.Т.* Прохоровка. У истоков сарматской археологии / МИАР. № 12. М: Таус, 2012. 384 с.
- Tallgren A.M.* Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman à Vasa. Helsingfors, 1917. 93 p.
- Tallgren A.M.* Collection Zausaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary. Helsinki, 1918. Vol. II. 59 p.
- Tallgren A.M.* The Arctic Bronze Age in Europe // ESA. 1937. Vol. XI. Pp. 1–48.

Информация об авторе:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

MONUMENTS OF THE LATE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL REGION

A.A. Chizhevsky

The article features the results of a study of the late period of the Ananyino cultural and historical region (ACHR), outlines the range of monuments dating back to this historical period, and substantiates their chronological sequence. On the basis of radiocarbon analysis results, chronological indicators and ceramic complexes the researchers determined the boundaries of the late ACHR period as the late 5th–3rd/2nd centuries B.C. Imported items which the chronology is largely based upon, were brought to the territory of the ACHR from the Middle Don region, the Southern Urals, the Volga region and Western Siberia. The presence of identical adornments in various regions of the Ananyino world, which were crafted in the animal style, as well as armament and goods imported from the same territories, testifies to the existence of internal relations between the cultures and regions of the late ACHR period and the preservation of a single cultural space until the period when the ACHR ceased to exist.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Middle Volga region, Kama region, chronology, late period, Ananyino cultural and historical region.

About the Author:

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

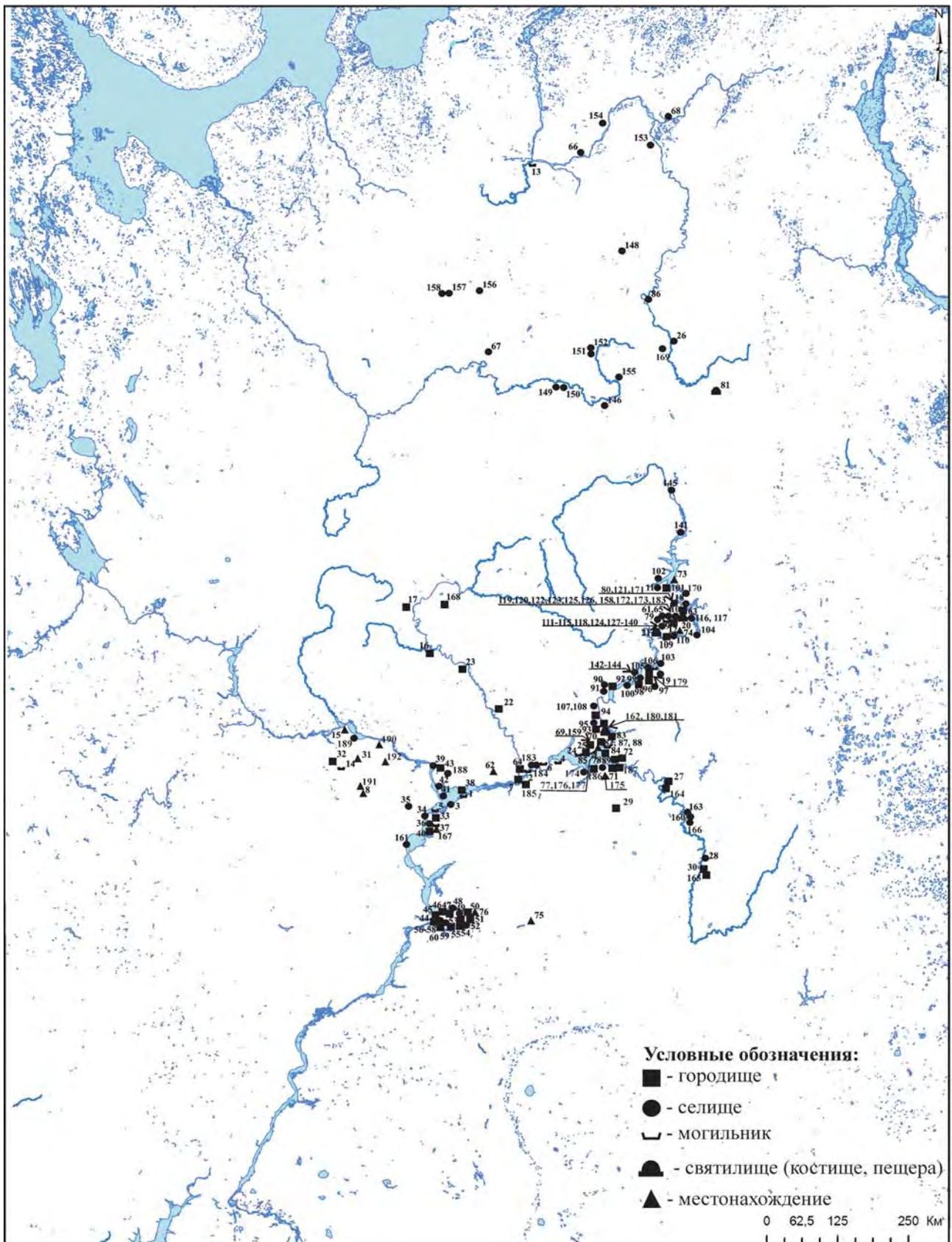


Рис. 1. Ареал распространения памятников позднего периода АКЮ:

1. Мурзихинский II мог., 2. Котловский мог., 3. пос. Курган, 4. Кырнышский мог., 5. Новомордовский I мог., 6. Ананьинский мог., 7. гор. Грахань, 8. Большая Таяба местонах., 9. Протасы мог., 10. Заюрчимское I сел., 11. Скородумский клад, 12. гор. Алтен-Тау, 13. Шиховской мог., 14. Чурачикский мог., 15. Климкинское местонах., 16. Пижемское гор., 17. Скорняковское гор., 18. Конецгорское сел., 19. Гремячанское I сел., 20. Гляденовское костыще, 21. Юго-Камское костыще, 22. Аргыжское гор., 23. Буйское гор., 24. Зуевский мог., 25. Зуевключевское I гор., 26. Палью IV ст., 27. Камышинское I гор., 28. Курман-Тау сел., 29. Кипчаковское гор., 30. Касьяновское гор., 31. Тюлькой местонах., 32. Пителишевское гор., 33. Маклашеевское II гор., 34. Зольное пос., 35. Черки-Кильдуразы V ст., 36. Гулькинская ст., 37. Гулькинский мог., 38. Сорочьегорское гор., 39. Займищенская III ст., 40. Старомайнское гор., 41. Биостанция V ст., 42. Карташихинская I ст., 43. Казанка I гор., 44. Молодецкий курган гор., 45. Усинский курган гор., 46. Задельная Гора гор., 47. Лысая Гора гор., 48. пос. у с. Федоровка, 49. пос. у Поповой Горы, 50. Царев Курган гор., 51. Коптево гор., 52. Студеный Овраг пос., 53. Белая Гора гор., 54. Манчиха гор., 55. Торновское гор. и сел., 56. Вислокаменное, 57. Каменная Коза, 58. Лбище гор., 59. Новинковское сел. 60. Студеный Овраг сел., 61. Заосиновское I пос., 62. Омарский починок мест., 63. Ермаша гор., 64. Каравашек (Свиногорское) гор., 65. Половинное I пос., 66. Перный пос., 67. Ягу яр пос., 68. Сынйавом пос., 69. Каменный Лог (Быргындинское II) гор., 70. Вятское (Мошкаровское верхнее) гор., 71. Петер Тау (Юлдашевское) гор., 72. Какрыкульское гор., 73. Висимская дача местонах., 74. Юг, пос., 75. Петровка местонах., 76. Студеный овраг местонах., 77. Малая Чеганда местонах. (Чегандинское I гор.?), 78. Саузовское (Бельский Шихан) гор., 79. Усть-Качка пос., 80. Галкинское гор., 81. Канинская пещера, 82. Нырғындинское IV гор., 83. Обуховское гор., 84. Каракулинский мог., 85. Зуевключевская I находка (кинжал), 86. Сотчемъель пос., 87. Нырғындинское I гор., 88. Нырғындинское II гор., 89. Ново-Кабановское гор., 90. Гавриловское пос., 91. Кремлевское сел., 92. Степановское гор., 93. Юшковское гор., 94. Усть-Нечкинские I, II гор., 95. Усть-Нечкинское I пос., 96. Бардымское I гор., 97. Красноярское II сел., 98. Калиновка I гор., 99. Калиновский пруд I сел., 100. Толстик I пос., 101. Антоновцы I гор., 102. Абрамово II пос., 103. Горы III сел., 104. Верхний Ирьяк II сел., 105. Устиново III сел., 106. Устиново мог., 107. Вязники III сел., 108. Вязники IV сел., 109. Баш-Култаево II гор., 110. Болдино V сел., 111. Болгары IV сел., 112. Болгары V сел., 113. Болгары VIII сел., 114. Болгары IX сел., 115. Болгары X сел., 116. Гляденовское I сел., 117. Гляденовское II сел., 118. Городок пос., 119. Дворцовая Слудка I пос., 120. Дворцовая Слудка II сел., 121. Заозерье III пос., 122. Кичаново I сел., 123. Кичаново V сел., 124. Копылы I сел., 125. Косогоры I сел., 126. Малое Савино I сел., 127. Мокино I пос., 128. Мокино III, IV сел., 129. Мокино IV сел., 130. Петровка IV сел., 131. Половинное II сел., 132. Половинное III сел., 133. Половинное IV сел., 134. Полюдово I сел., 135. Полюдово II сел., 136. Чашевка I сел., 137. Шумки II сел., 138. Шумки II сел., 139. Волчья Грива I сел., 140. Крохово I пос., 141. Огурдино I пос., 142. Большая Головниха II пос., 143. Большая Головниха VII пос., 144. Большая Головниха VII пос., 145. Усть-Уролка I ст., 146. Себьяг I пос., 147. Ручкой I пос., 148. Дресва-Шор пос., 149. Шойнаты II пос., 150. Шойнаты III пос., 151. Вис II пос., 152. III пос., 153. Топыд-Нюр I пос., 154. Питюяг I пос., 155. Мыелдинская ст., 156. Веслянская I ст., 157. Ус I пос., 158. Ус III пос., 159. Юньга II гор., 160. Воронки сел., 161. Новая Беденьга I сел., 162. Тарасовское святилище, 163. Андреевское сел., 164. Камышинское II гор., 165. Михайловское гор., 166. Дудкино сел., 167. Мантовское местонах., 168. Кривоборское гор., 169. Джуджидьяг пос., 170. Бор I пос., 171. Турбинское сел., 172. Суботинское I гор., 173. Мокино I поселение-могильник, 174. Подгорно-Байларская III ст., 175. Татарско-Суксинское пос., 176. Чегандинское I гор., 177. Быргындинское IV пос., 178. Елабужское (Чёртово) гор., 179. Мало-Никольское I гор., 180. Момылёвское гор., 181. Усть-Сарапульское гор., 182. Яромасское гор., 183. Танайское I сел., 184. Танайское V сел., 185. Светло-Ключинское гор., 186. Усть-Мензельское гор., 187. Аначевское гор., 188. Пестречинская II ст., 189. Малахайское пос., 190. Мариинско-Посадская находка, 191. Нов. Чурашевское местонах., 192. Андреево-Базарская находка.

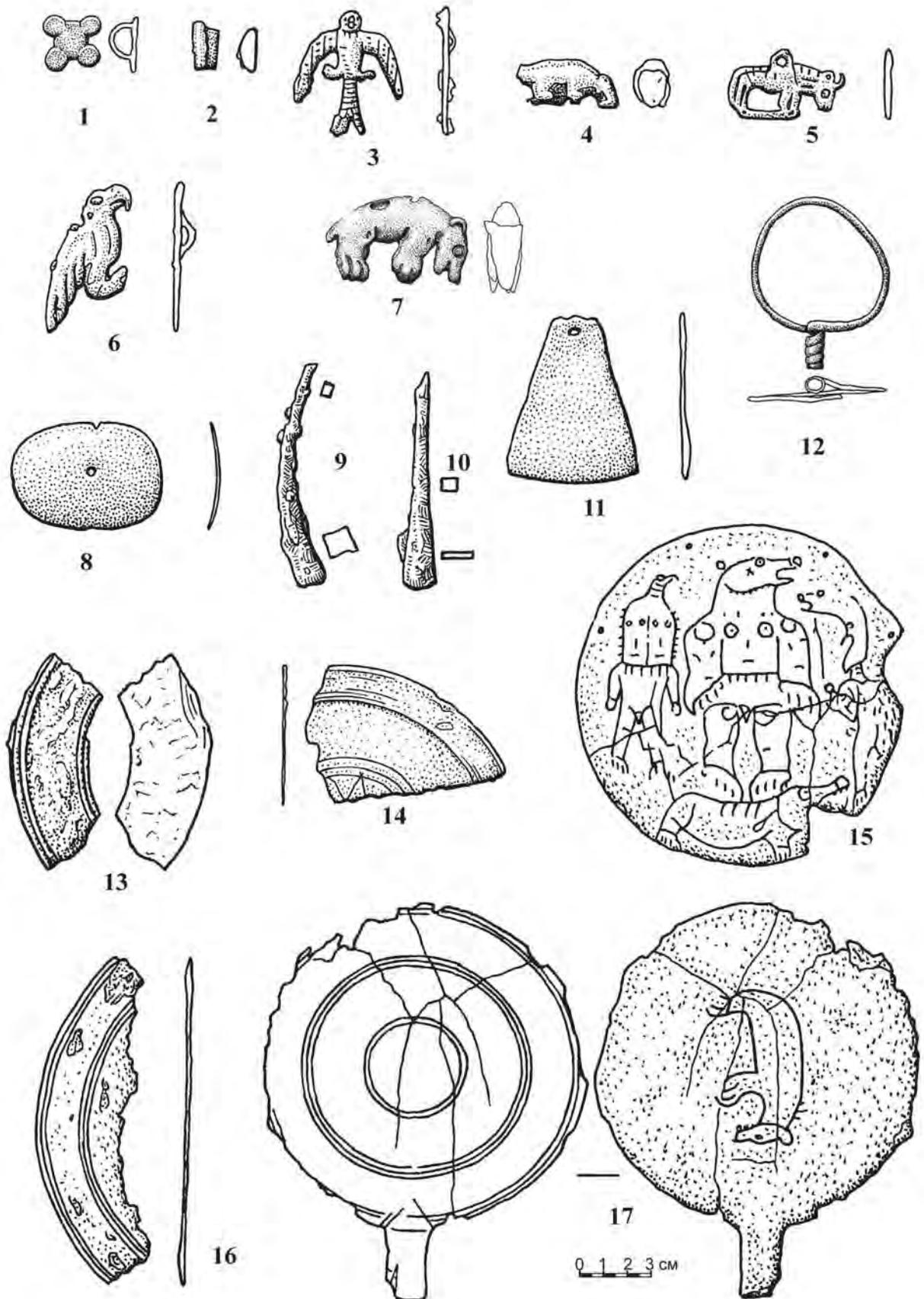


Рис. 2. Комплексы погребений Шиховского могильника с предметами-хроноиндикаторами (1–13, 15–17) и хроноиндикаторы из памятников позднего периода АКИО Европейского Северо-Востока (14): 1–12, 15 – погр. 26; 13 – погр. 18; 14 – пос. Вис II; 16 – погр. 7; 17 – погр. 16. 1–8, 11–17 – бронза, 9, 10 – железо (по: Васкул, 2002). Рисунки Р.Р. Садыкова.

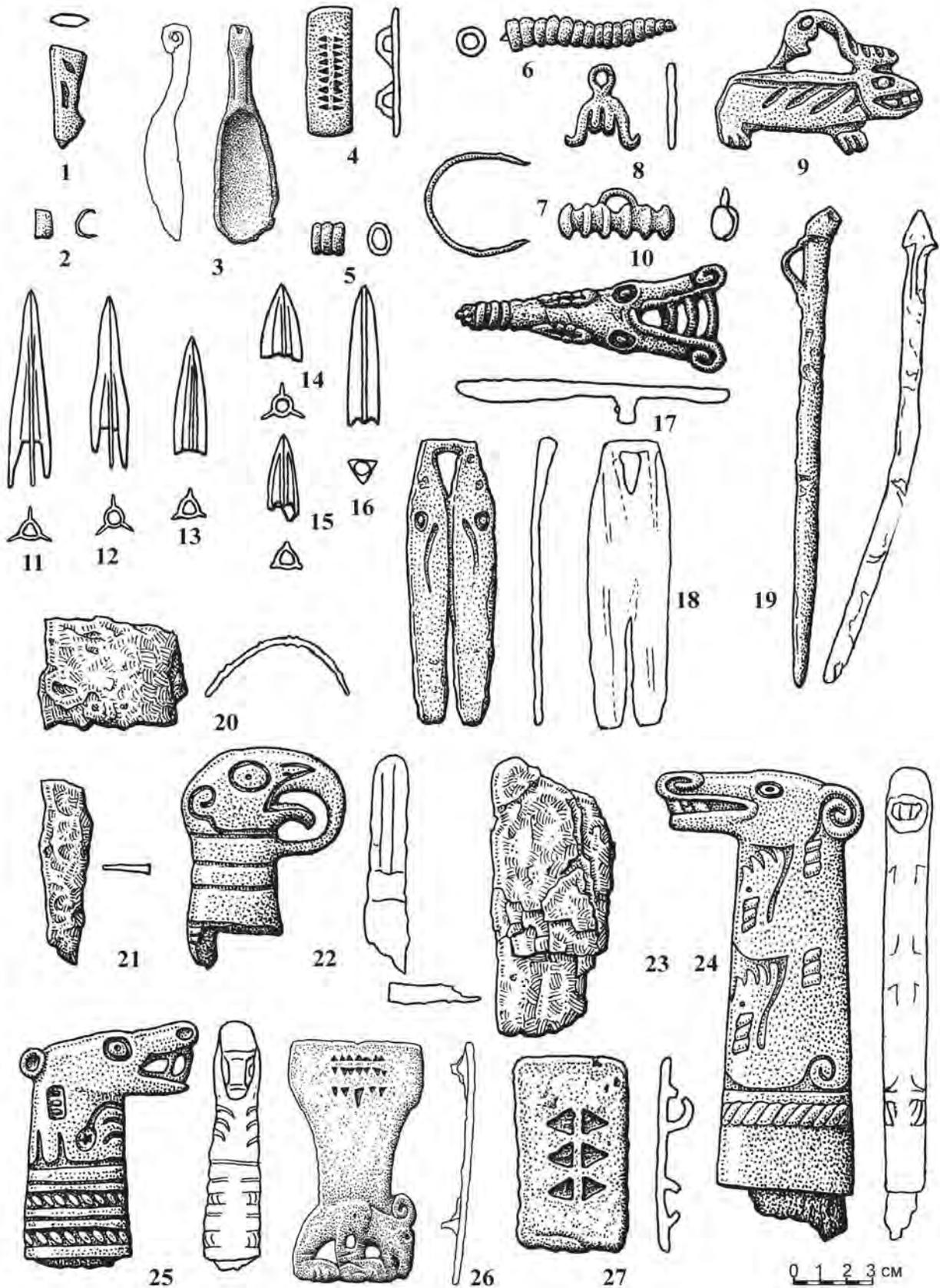


Рис. 3. Комплексы погребений Шиховского могильника с предметами-хроноиндикаторами (1–10, 17–27) (по: Васкул, 2002) и хроноиндикаторы из памятников позднего периода АКЮ Европейского Северо-Востока (11–16): 1–3 – погр. 32; 4–10 – погр. 23; 11–15 – Канинская пещера (по: Канивец, 1964), 16 – пос. Шойнаты II (по: Королев, 1988), 17–20 – погр. 36; 21–23, 25, 26 – погр. 28; 24, 27 – погр. 1. 1–19, 22, 26, 27 – бронза; 20, 21, 23 – железо; 24, 25 – бронза и железо. Рисунки Р.Р. Садыкова.

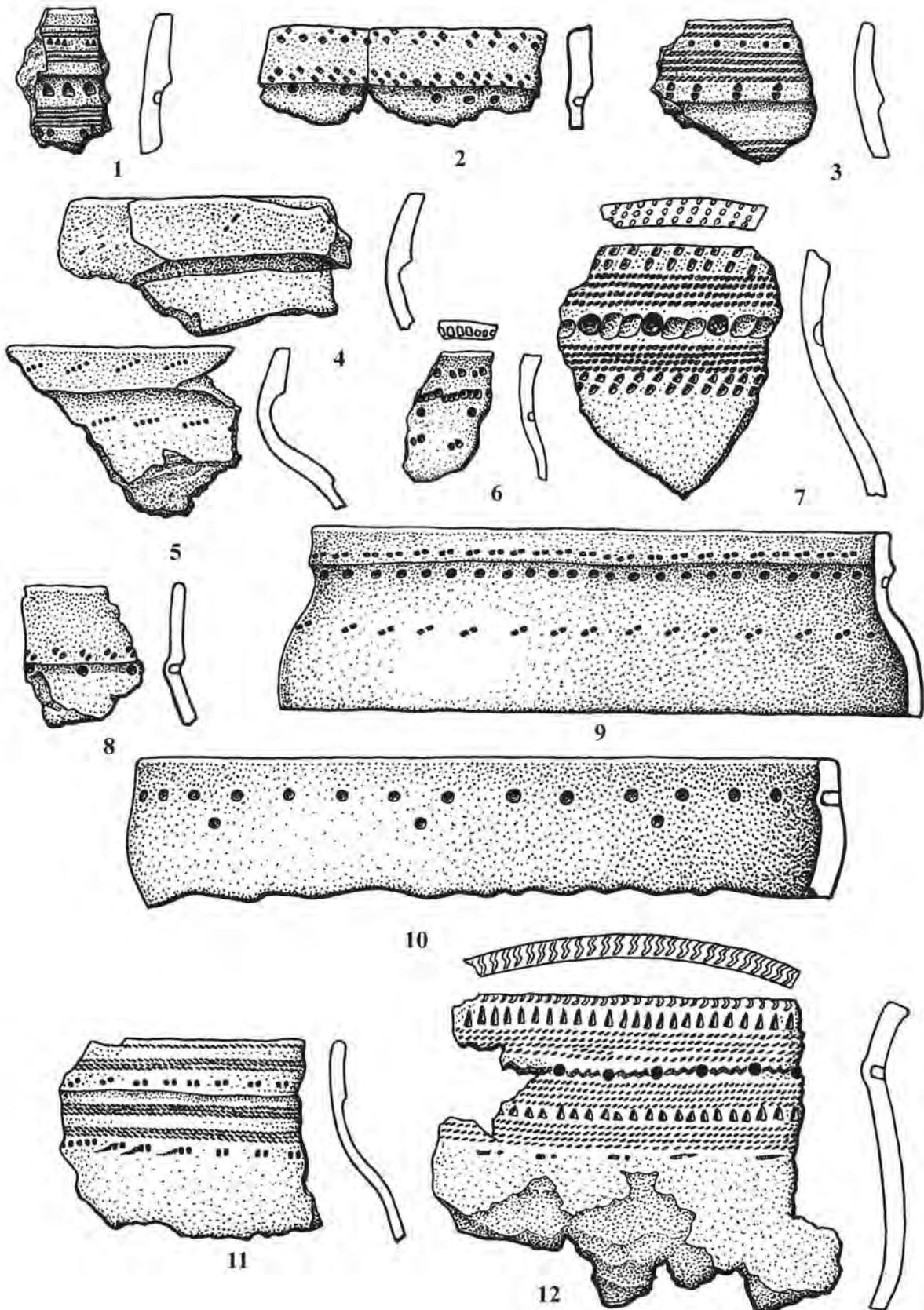


Рис. 4. Керамика из памятников региона Европейский Северо-Восток позднего периода АКЮ: 1 – погр. 26 Шиховской мог. (по: Васкул, 2002); 2 – пос. Дресва-Шор (по: Лузгин, 1972); 3 – погр. 36 Шиховской мог. (по: Васкул, 2002); 4, 5 – пос. Шойнаты III (по: Королев, 1988); 6 – погр. 6 Шиховской мог. (по: Васкул, 2002); 7 – погр. 28 Шиховской мог. (по: Васкул, 2002); 8 – ст. Палью IV (по: Ашихмина, Васкул, 1997); 9 – межмогильное пространство, Шиховской мог. (по: Васкул, 2002); 10 – Канинская пещера (по: Канивец, 1964), 11 – пос. Шойнаты II (по: Королев, 1988), 12 – пог. 23 Шиховской мог. (по: Васкул, 2002). Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

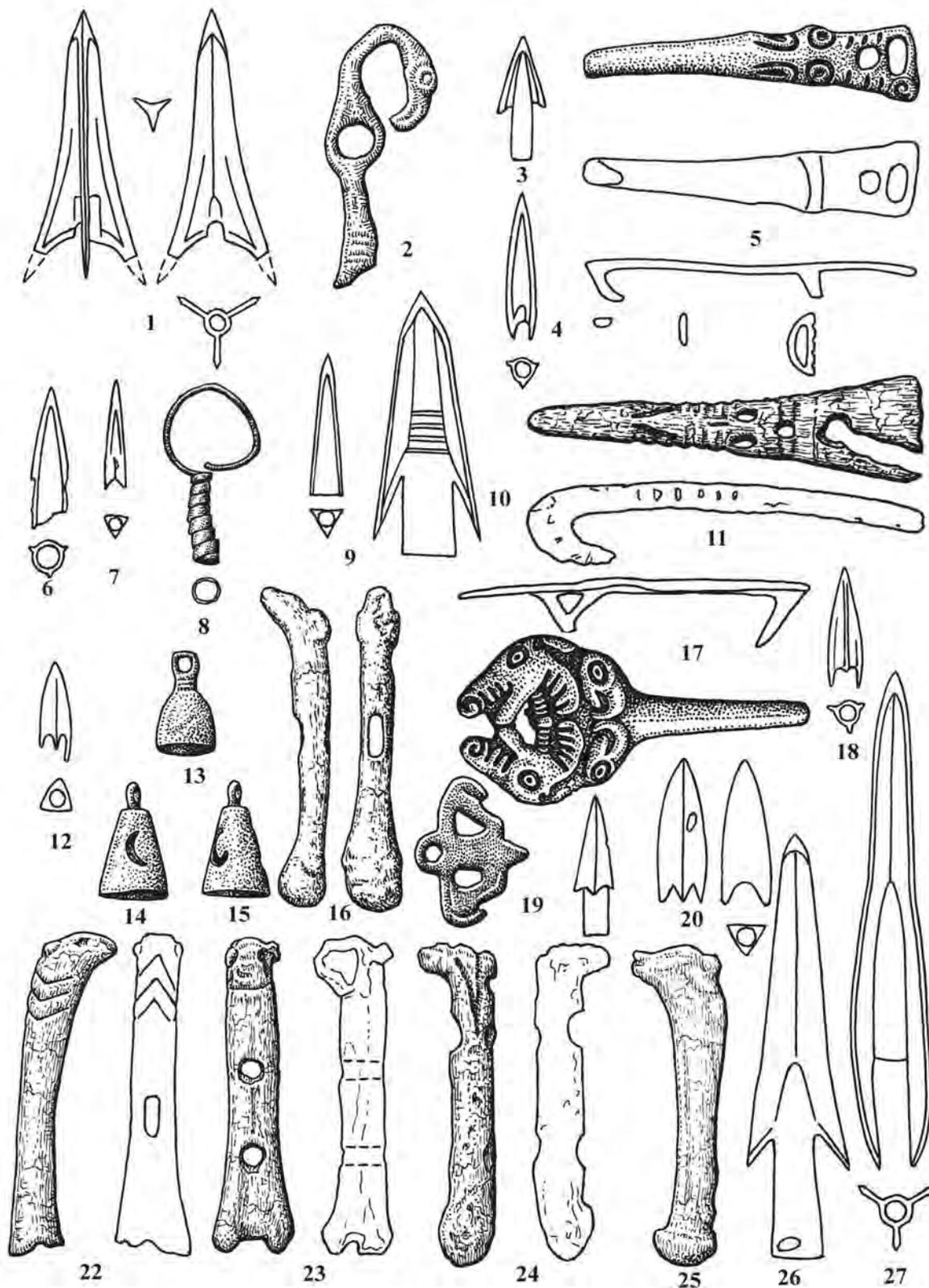


Рис. 5. Регион Средняя Кама. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКИО: 1, 2, 5 – Заюрчимское I сел. (по: Кузьминых, 1983; Васильев, 2002); 3 – Юго-камское костыще (по: Кузьминых, 1983); 4, 6, 7, 8, 11, 20, 22, 23 – Алтен-Тау гор. (по: Черных, 1959; Борзунов, 1997; 1997а); 9, 16, 25 – Гремячанское сел. (по: Кузьминых, 1983; Васильев, 2002); 10, 26 – Гляденовское костыще (по: Кузьминых, 1983); 12, 18 – Тарасовское святил. (по: Голдина и др., 2013); 13–15, 17 – Скородумский клад (по: Коренюк, Майстренко, 2011); 21, 24, 27 – Конецгорское сел. (по: Збруева, 1952; Кузьминых, 1983); 19 – Заосиновское I пос. (по: Мокрушин, 1989). 1, 3–10, 12–15, 17–21, 26, 27 – бронза; 2 – железо; 11, 16, 22–25 – кость. Масштаб разный.

Рисунки Р.Р. Садыкова.

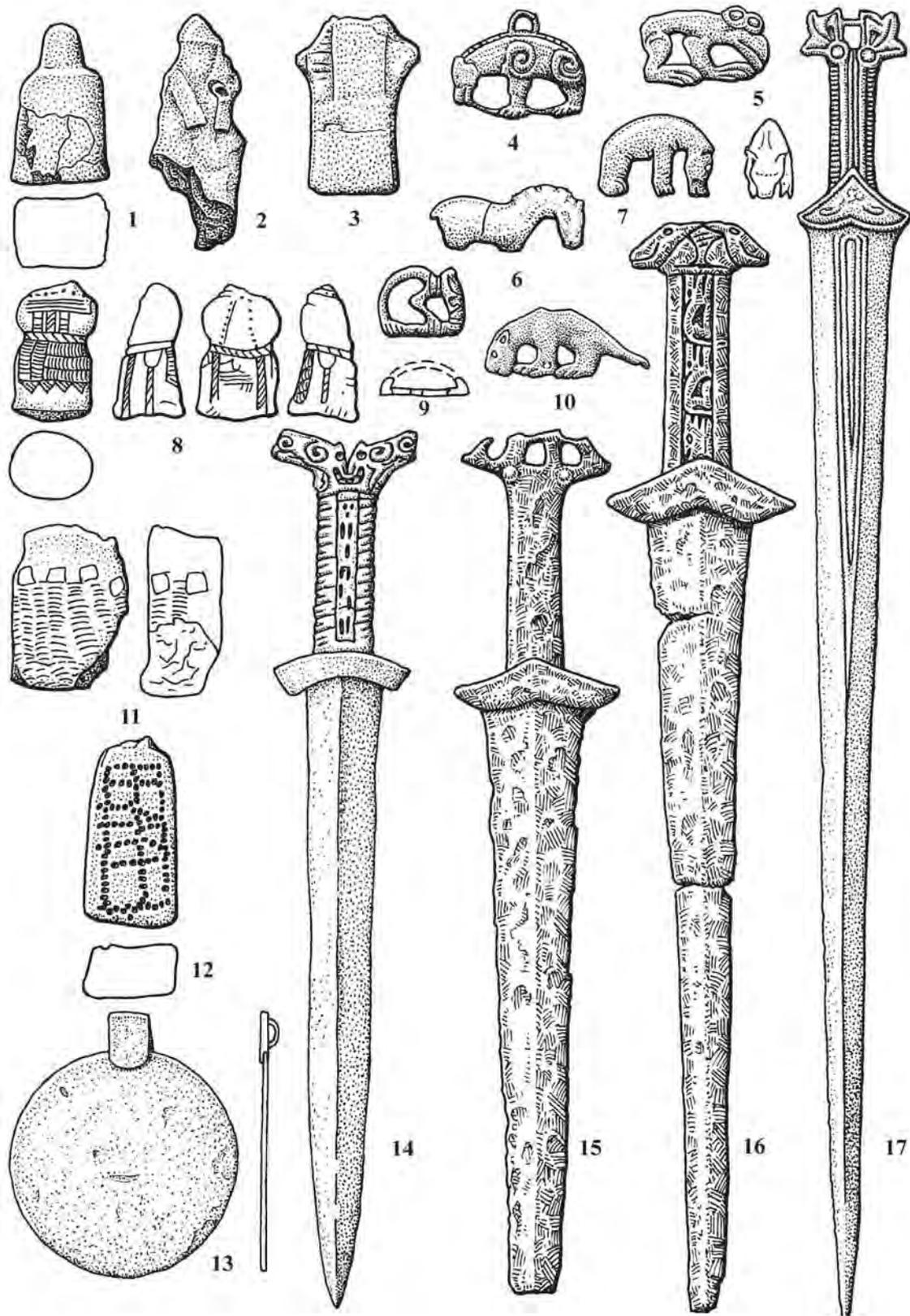


Рис. 6. Регион Средняя Кама. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКЮ: 1, 4 – Гляденовское гор. (по: Голдина и др., 2013); 2, 3 – Конецгорское сел. (по: Голдина и др., 2013); 5, 11, 12 – Тарасовское святил. (по: Голдина и др., 2013); 6, 8 – Юшковское гор. (по: Збруева, 1952; Голдина и др., 2013); 7 – Турбинский клад. (по: Прокошев, 1940); 9 – Галкинское гор.) (по: Збруева, 1940; 1952); 10 – Скородумский клад (по: Коренюк, Майстренко, 2011); 13 – Каракулинский мог. (по: Збруева, 1952); 14 – Висимская дача (по: Збруева, 1952); 15 – Усть-Качка (по: Коренюк, Денисов, 2000); 16 – поселок Юг (по: Коренюк, Денисов, 2003); 17 – урочище Малая Чеганда (по: Тальгрэн, 1917). 1–3, 6, 8, 11, 12 – глина; 4, 5, 7, 9, 10, 13, 14 – бронза; 15–17 – железо. Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

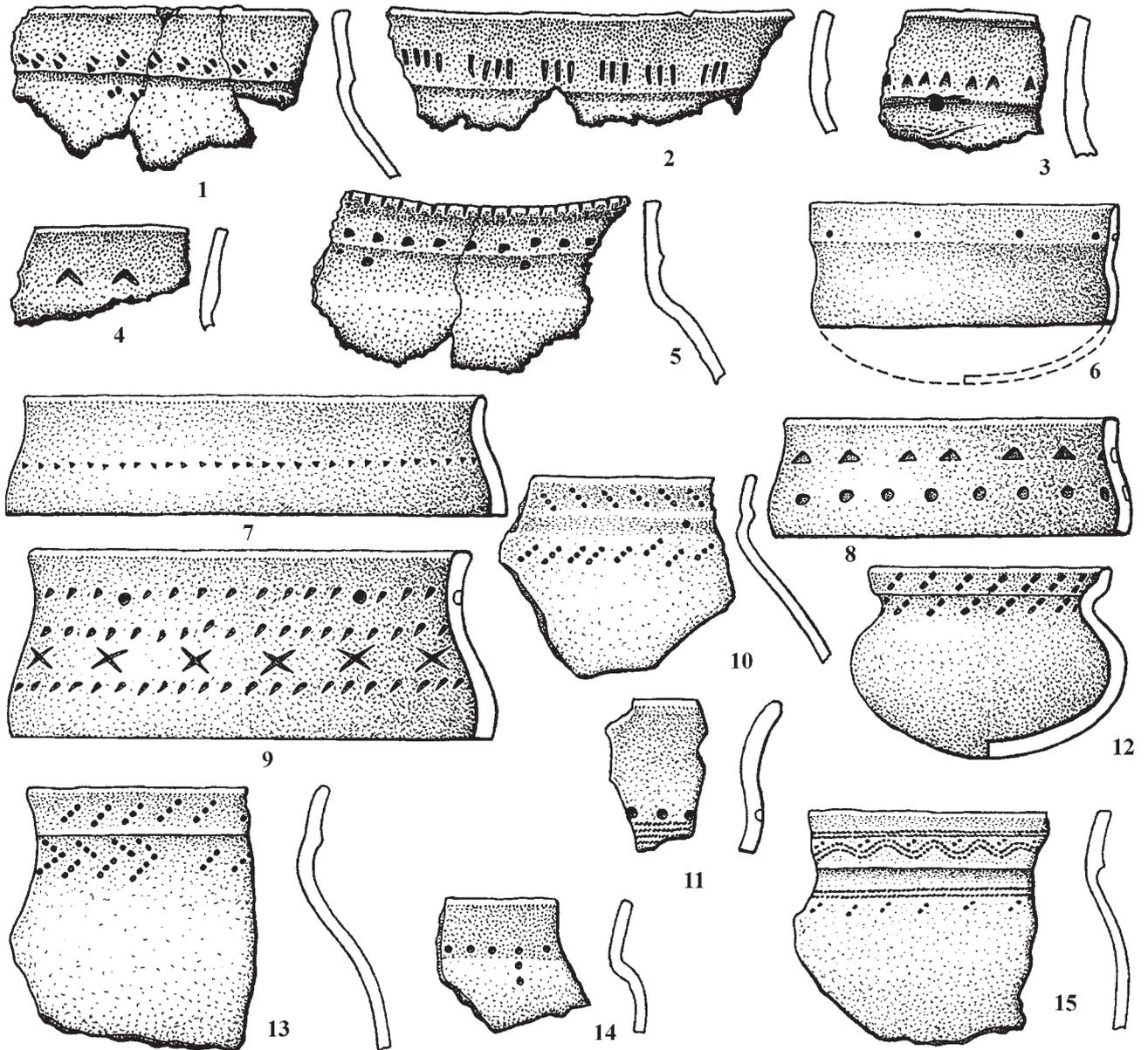


Рис. 7. Керамика из памятников позднего периода АКЮ региона Средняя Кама, в пермском течении р. Кама: 1–5 – Гремячанское пос. (с оригинала); 6 – Протасы мог., яма №3 (по: Коренюк, 2012); 7 – Протасы мог., яма №2 (по: Коренюк, 2012); 8, 9, 11 – Протасы мог., яма №1 (по: Коренюк, 2012); 10, 12–15 – Концегорское селище (по: Збруева, 1952). Рисунки Р.Р. Садыкова.

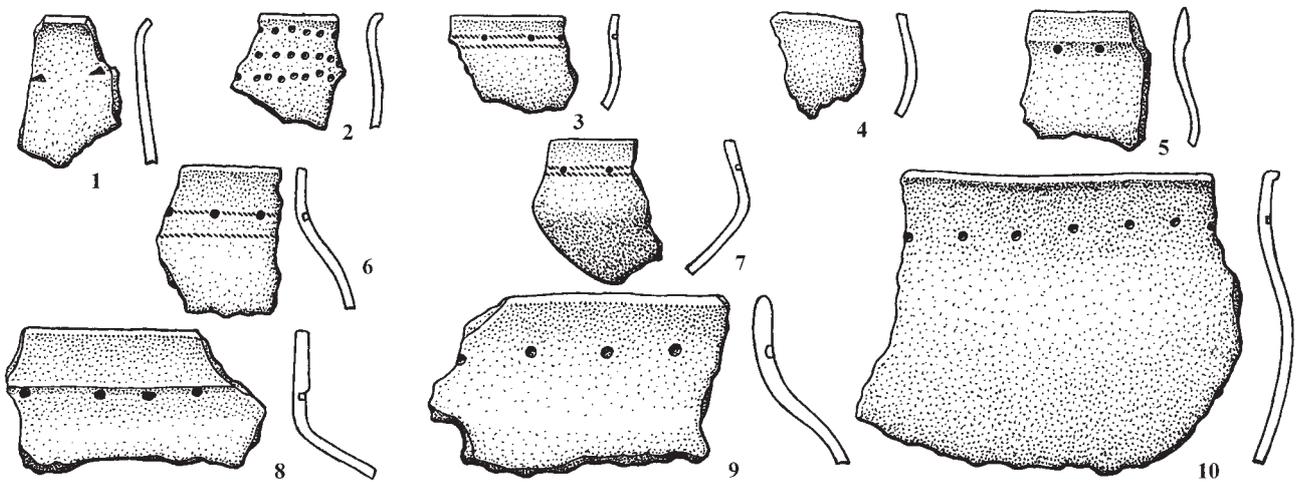


Рис. 8. Керамика из памятников позднего периода АКЮ региона Средняя Кама, в удмуртском течении р. Кама: 1–6 – Вятское (Мошкаровское верхнее) гор.; 7–10 – Юньга II (по: Ашихмина, 2014). Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

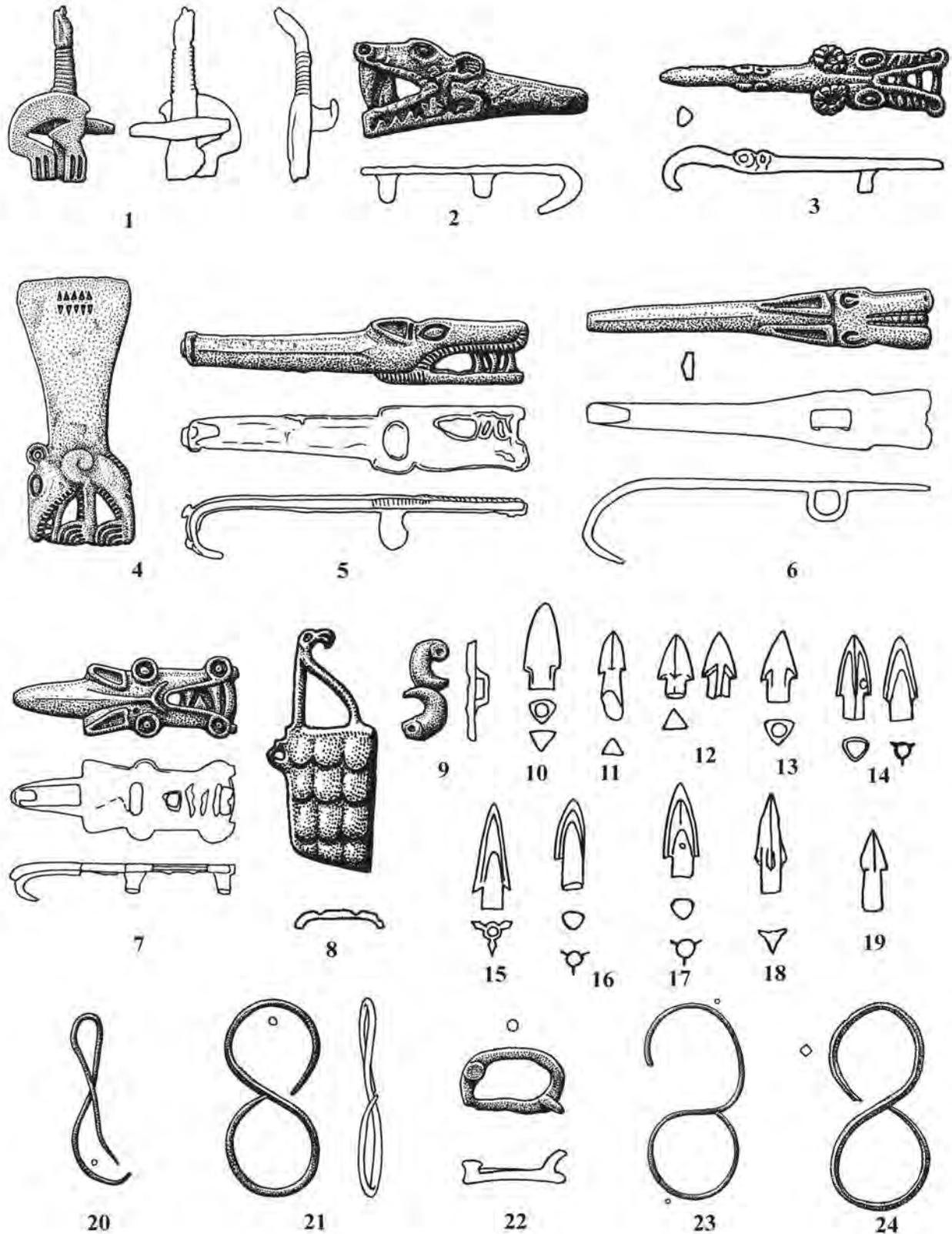


Рис. 9. Регион Нижняя Кама. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКЮ:

1 – Кырныш мог. (с оригинала); 3, 19 – Грахань гор. (по: Збруева, 1947); 2, 4–7, 10–12, 20, 21, 22 – Ананьинский мог. (по: Збруева, 1952; Кузьминых, 1983; Васильев, 2002; Карпелан, Уйно, 2009; из личного архива С. В. Кузьминых); 8 – Омарский починок местонах. (по: Халиков, 1977); 9, 23 – Зуевключевское I гор. (по: Черных, 2009); 13 – Зуевский мог. погр. 212 (по: Кузьминых, 1983); 14 – Зуевский мог. погр. 123 (по: Кузьминых, 1983); 15, 16 – Зуевский мог. погр. 155 (по: Кузьминых, 1983); 17, 18 – Нырғындынское I гор. (по: Кузьминых, 1983, с. 108; Ашихмина, 2014); 24 – Зуевский м-к, погр. 43 (по: Худяков, 1933). 1–5, 7–24 – бронза; 6 – железо. Масштаб разный.

Рисунки Р.Р. Садыкова.

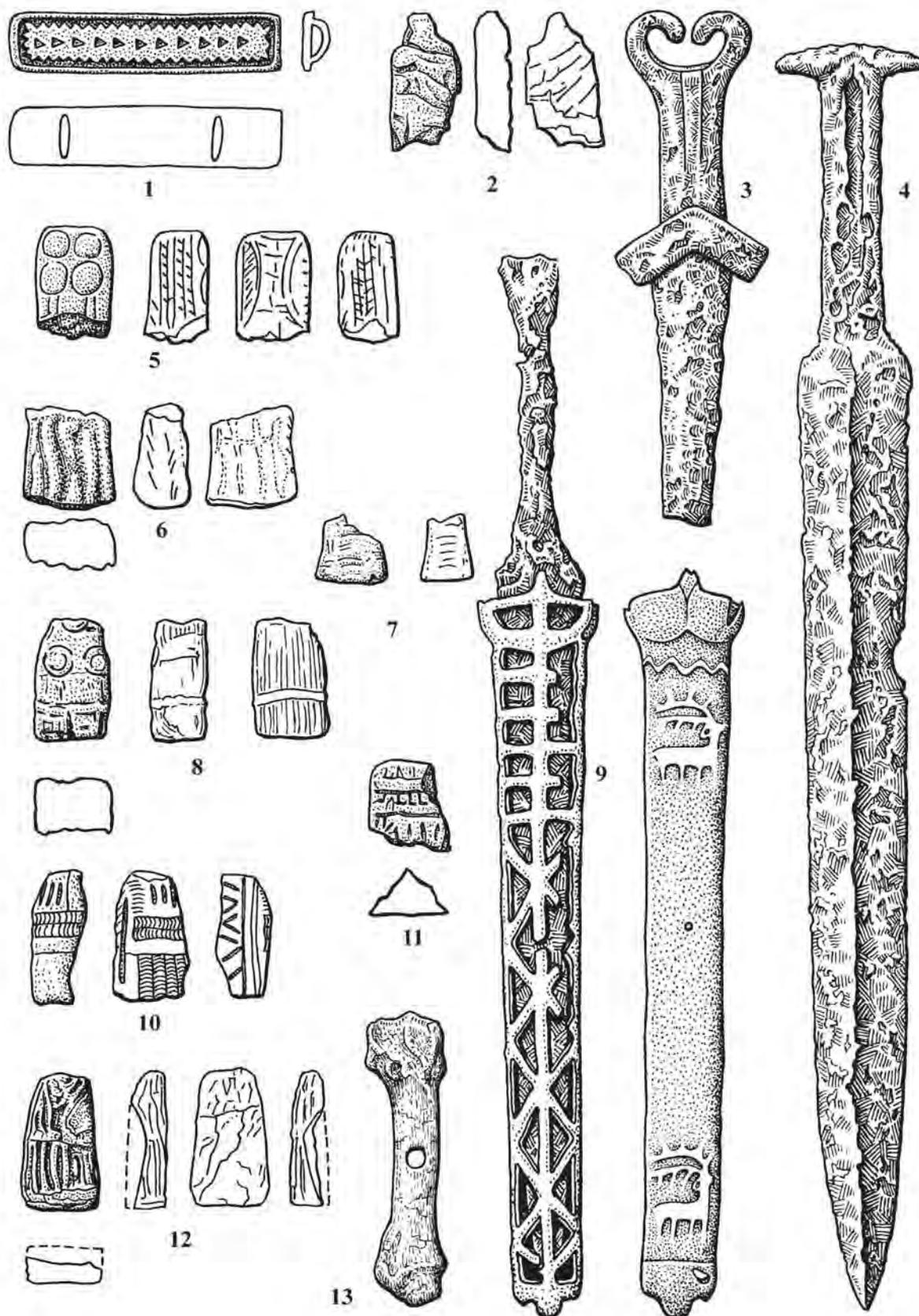


Рис. 10. Регион Нижняя Кама. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКЮ: 1 – Танайское V сел. (по: Генинг, Халиков, 1959); 2, 5–7, 13 – Зуевоключевское I гор. (по: Голдина и др., 2013; Ашихмина, 2014); 3 – Зуевоключевская I находка (Збруева, 1952); 4 – Зуевский мог. погр. 27 (по: Худяков, 1933); 8 – Татарско-Суксинское пос. (с оригинала); 9 – Зуевский мог. погр. 143 (по: Худяков, 1933); 10 – Подгорно-Байларская III ст. (Генинг, 1971); 11, 12 – Каменный Лог (Быргындинское II) гор. (по: Голдина и др., 2013; Ашихмина, 2014).

1 – бронза; 2, 5–8, 10–12 – глина; 3, 4 – железо; 9 – железо и бронза; 13 – кость. Масштаб разный.

Рисунки Р.Р. Садькова.

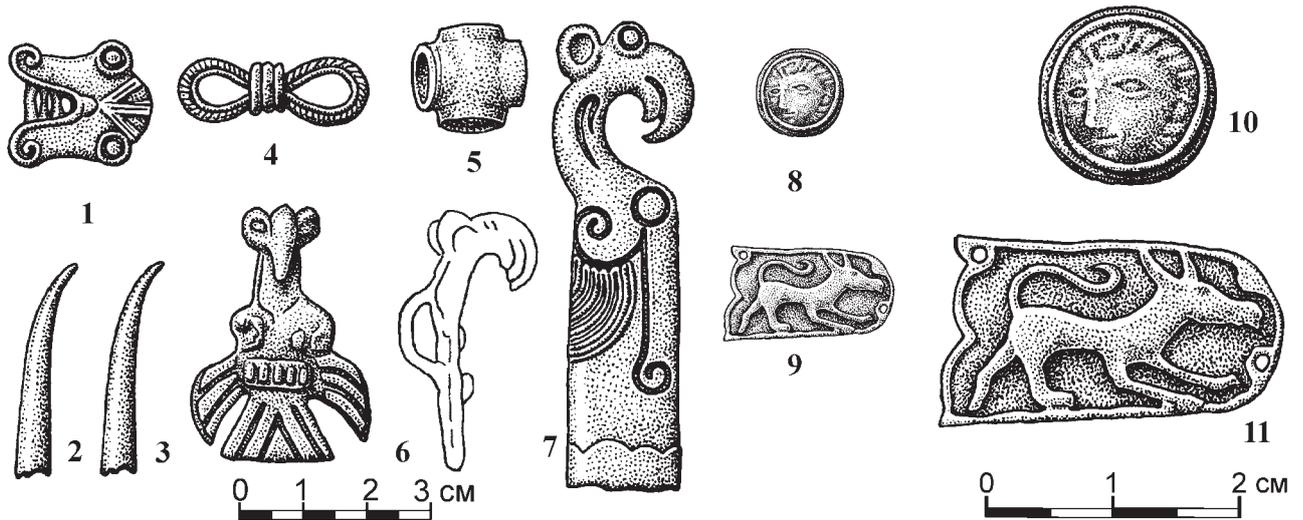


Рис. 11. Регион Нижняя Кама. Комплекс погр. 6 Котловского могильника (по: Нефедов, 1899; из личного архива С. В. Кузьминых). 1–6 – бронза. Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

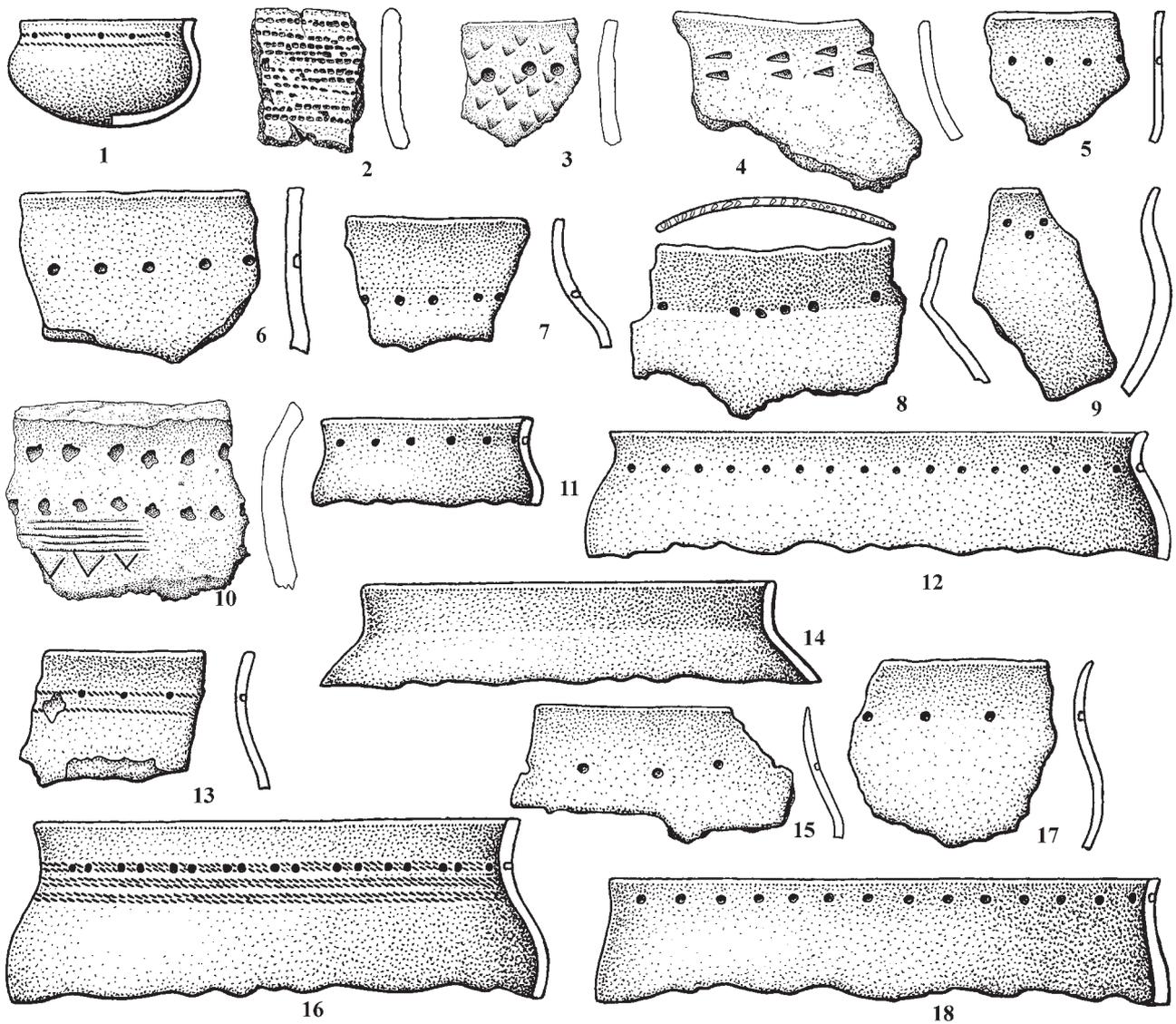


Рис. 12. Керамика из памятников позднего периода АКЮ региона Нижняя Кама: 1, 6, 9, 12, 18 – Зуевключевское I гор. (по: Черных, 2009; Ашихмина, 2014); 2 – погр. 170 Мурзахинский II мог. (с оригинала); 3, 8, 10 – Курган пос. (с оригинала); 4 – Сорочьегорское гор. (с оригинала); 5, 7, 13, 15, 17 – Ныргындинское I гор. (по: Ашихмина, 2014); 11, 14, 16 – Каменный Лог (Быргындинское II) гор. (по: Ашихмина, 2014). Масштаб разный.

Рисунки Р.Р. Садыкова.

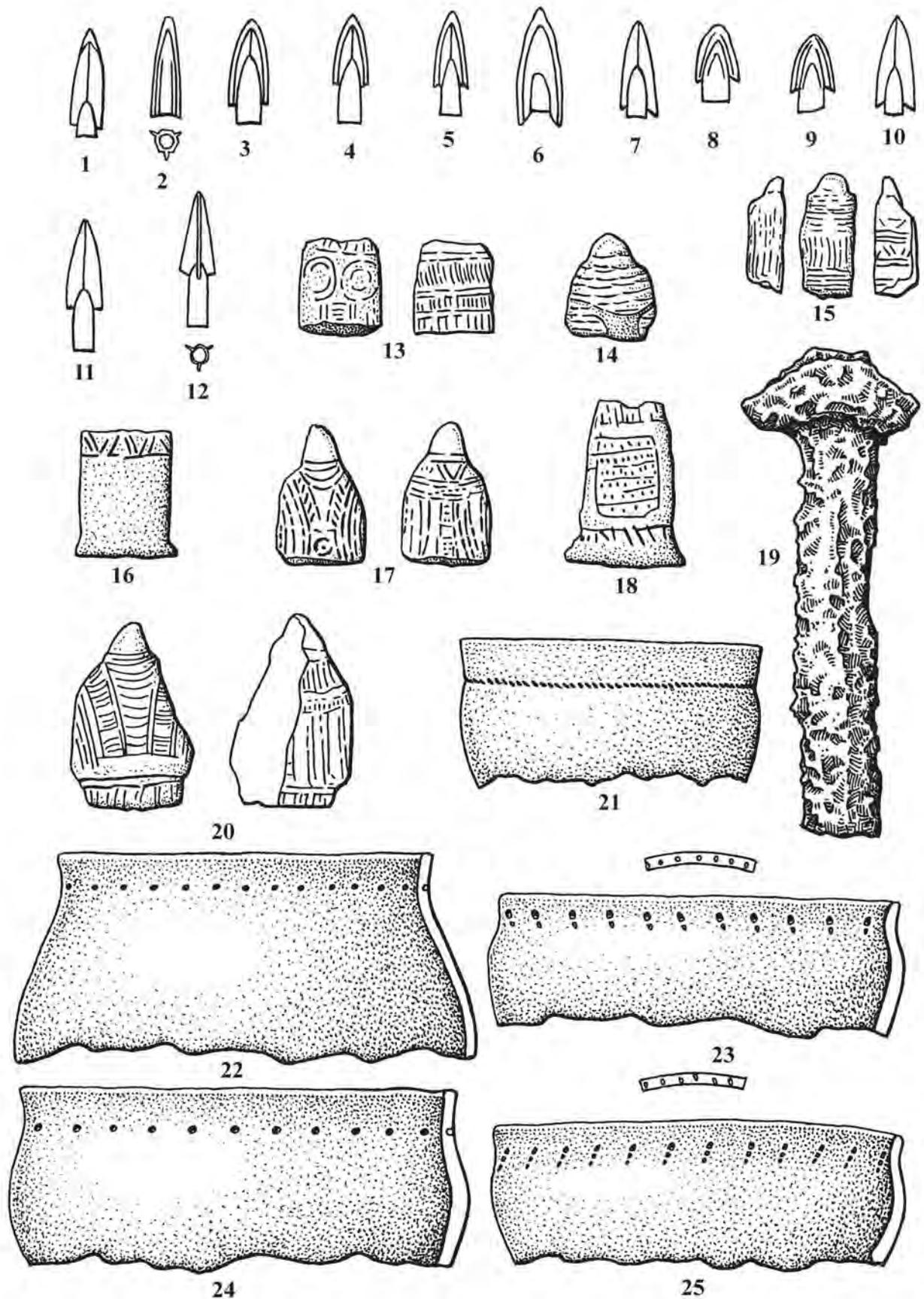


Рис. 13. Бассейн р. Белой. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКЮ: 1, 2,–6, 11 – Саузовское (Бельский Шихан) гор. (по: Кузьминых, 1983); 12, 19 – Касьяновское гор. (по: Юсупов, 1959); 13–18, 20 – Аначевское гор. (по: Иванов, 1976; Ашихмина, 2014); 21 – Камышинское II гор. (по: Агеев, Овсянников, 2000); 22, 24 – Петер-Тау гор. (по: Ашихмина, 2014); 23, 25 – Курман-Тау сел. (по: Пшеничнюк, 1983). 1–12 – бронза; 13–18, 20–25 – глина; 19 – железо. Масштаб разный.

Рисунки Р.Р. Садыкова.

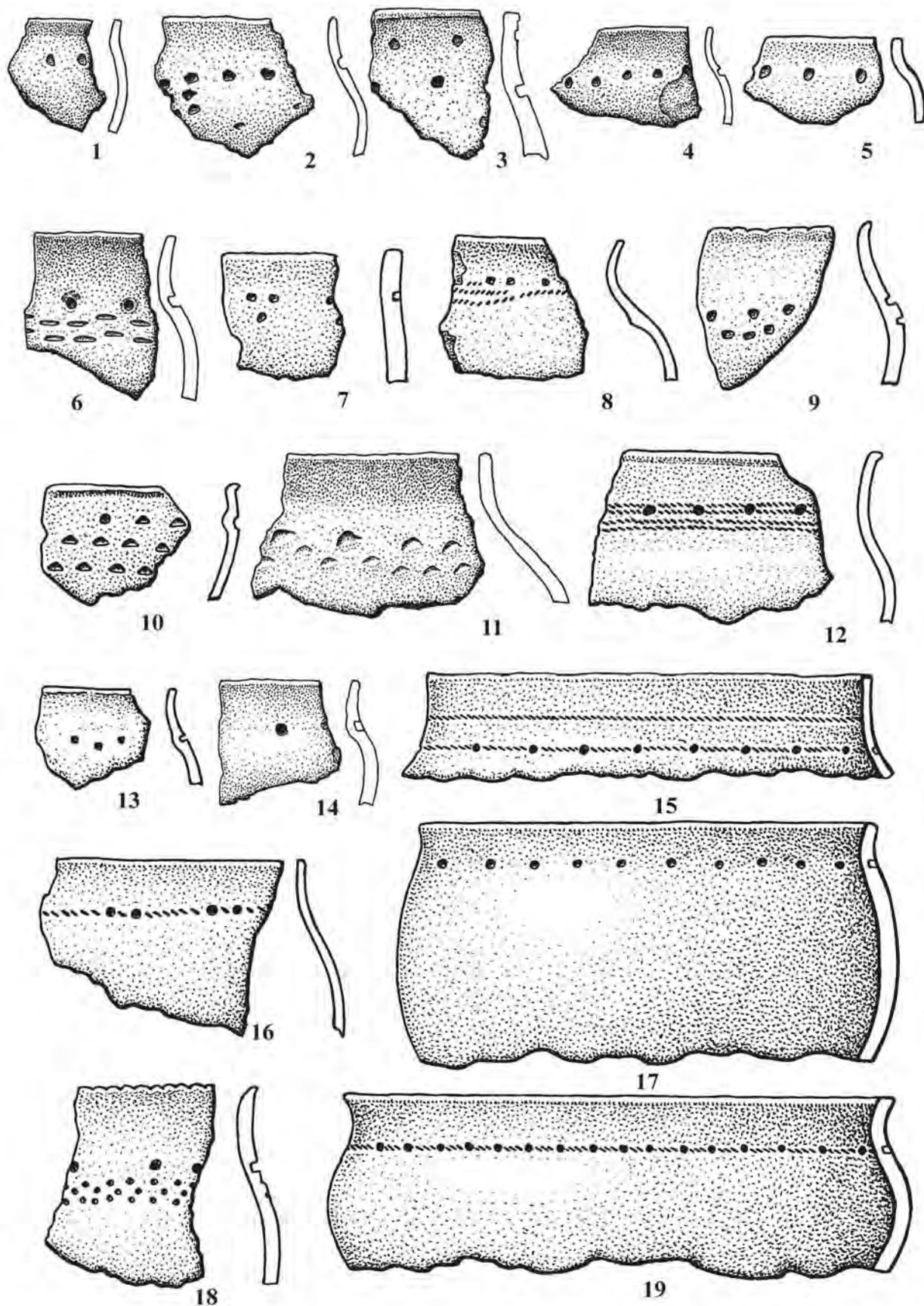


Рис. 14. Керамика из памятников позднего периода АКЮ региона бассейна р. Белой: 1–4, 6, 7, 11, 14 – Воронки сел. (по: Пшеничнюк, 1964; Овсянников, 2014); 5 – Дудкино сел. (по: Пшеничнюк, 1973); 8, 12, 16, 18 – Камышинское II гор. (по: Агеев, Овсянников, 2000); 9, 13 – Андреевское сел. (по: Пшеничнюк, 1973); 10 – Камышинское I гор. (по: Овсянников, Каюмов, Бабин, 2015); 15 – Кипчакское гор. (по: Гарустович, Тагиров, 2012); 17 – Какры-Куль гор. (по: Ашихмина, 2014); 19 – Ново-Кобановское гор. (по: Ашихмина, 2014). Масштаб разный.

Рисунки Р.Р. Садыкова.

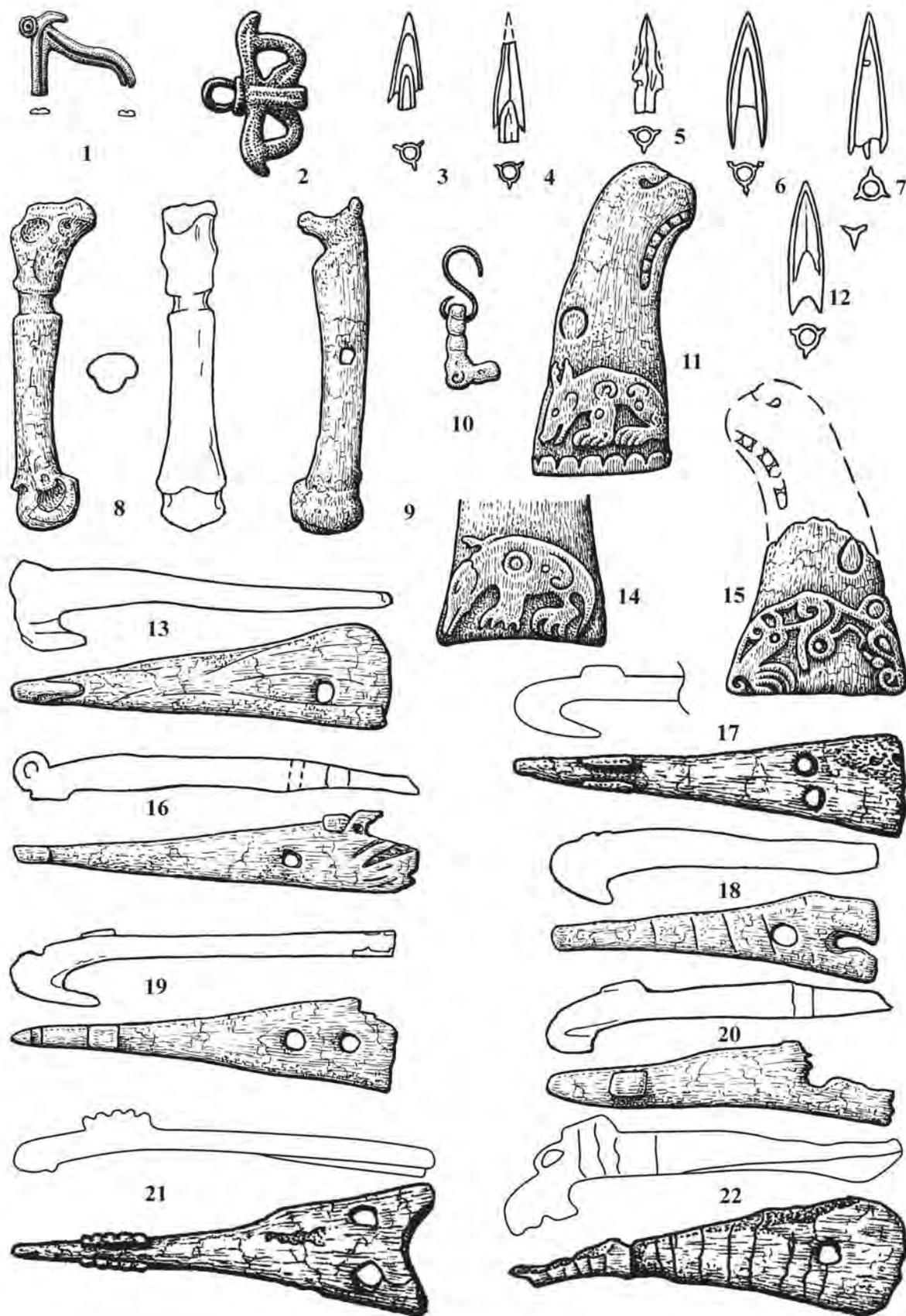


Рис. 15. Регион бассейнов рр. Ветлуга и Вятка. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКЮ: 1, 3–6, 13, 15 – Аргыжское гор. (по: Варакина, 1929; Васильев, 2002; Черных и др., 2002; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006); 2, 7, 8, 10, 12 – Буйское гор. (Спицын, 1893; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006; Митряков, Черных, 2014); 9 – Каравашек (Свиногорское) гор. (по: Спицын, 1893); 11, 14, 16–22 – Пижемское гор. (по: Спицын, 1893; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006; Митряков, Черных, 2014). 1–7, 10 – бронза; 8, 9, 11–22 – кость; масштаб разный.

Рисунки Р.Р. Садыкова.

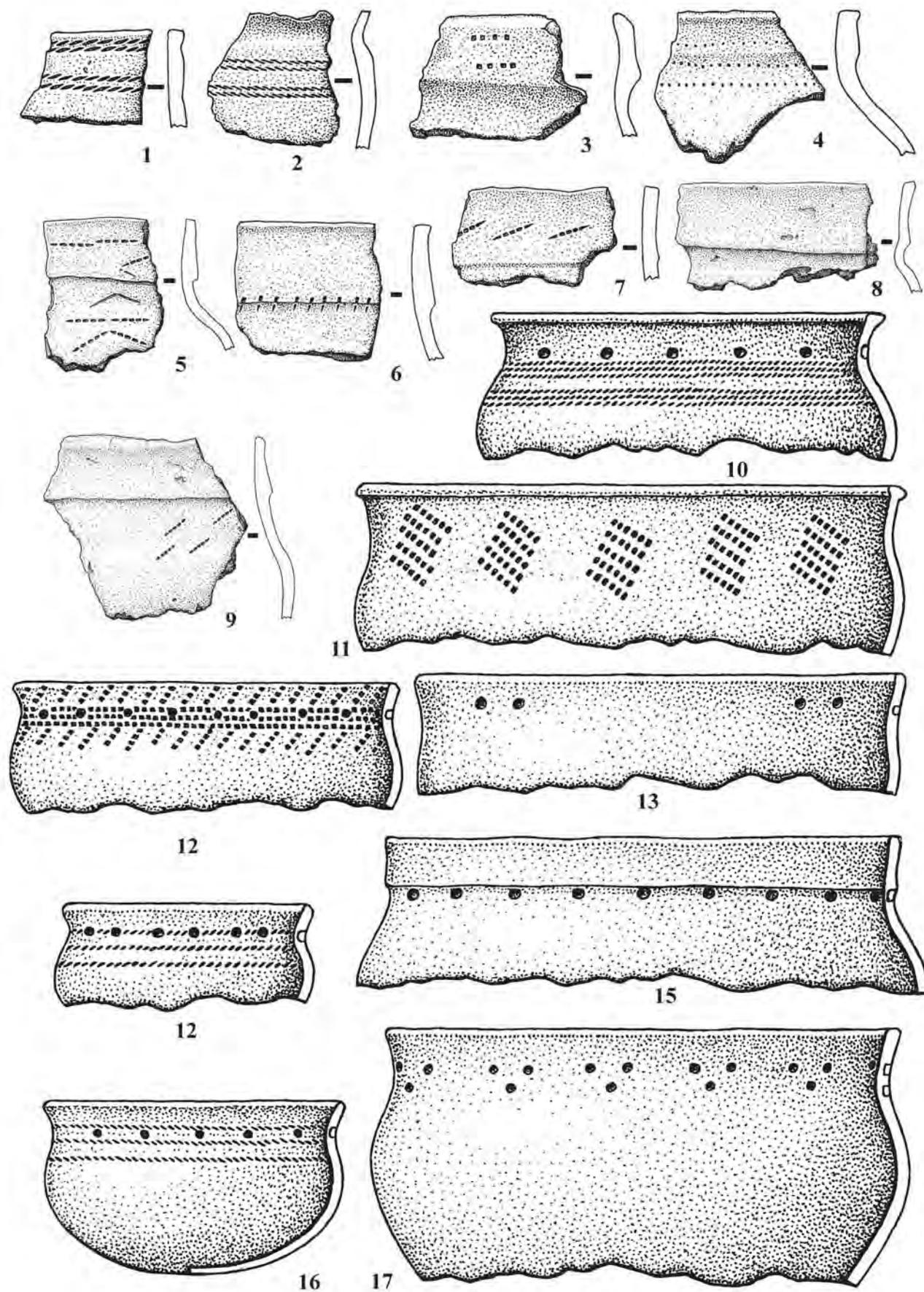


Рис. 16. Керамика из памятников позднего периода АКЮ региона бассейна рр. Ветлуга и Вятка: 1–9 – Скорняковское гор. (с оригинала); 10–17 – Аргыжское гор. (по: Черных и др., 2002). Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

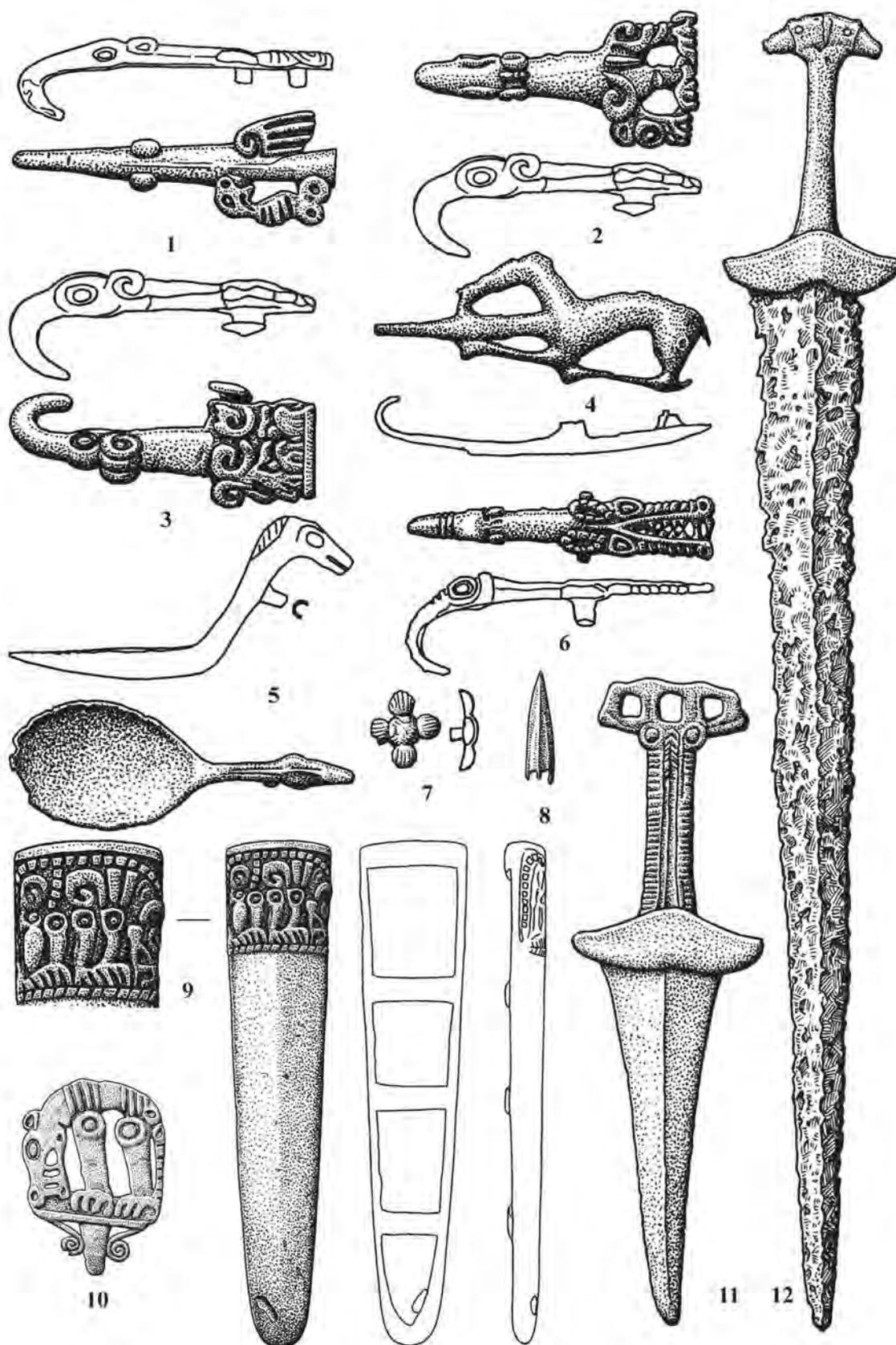


Рис. 17. Регион Средняя Волга. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКЮ: 1 – Большая Таяба местонах. (по: Tallgren, 1918; Збруева, 1952); 2, 3, 7 – Чурачикский мог. (по: Каховский, 1963; 2003); 4 – Климкинское местонах. (по: Зубов, Михеев, 2006); 5 – Тюлькой местонах. (по: Мясников, 2014); 6, 10 – Новомордовский I мог. (с оригинала); 8 – Царев Курган гор. (по: Чижевский, 2014); 9 – Питишевское гор. (по: Мясников, 2014); 11 – Студеный овраг местонах. (по: Денисов, Мышкин, 2008); 12 – Петровка местонах. (по: Денисов, Мышкин, 2008). 1–11 – бронза; 12 – бронза и железо; масштаб разный.

Рисунки Р.Р. Садыкова.

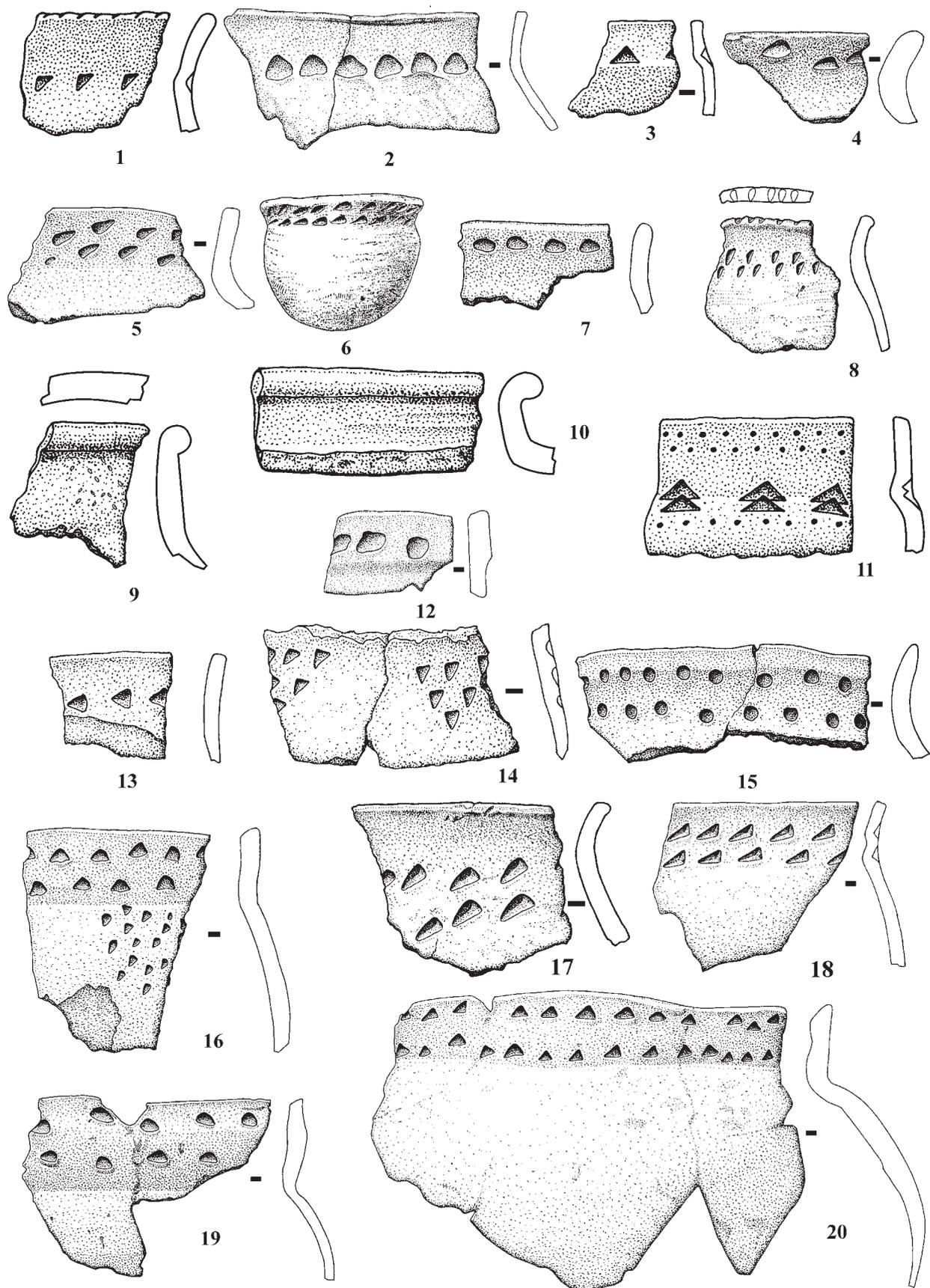


Рис. 18. Керамика из памятников позднего периода АКИО региона Средняя Волга: 1 – Зольное пос.; 2 – Черки-Кильдуразы V ст.; 3 – Гулькинская ст.; 4, 12 – Белая Гора гор.; 5, 7, 15, 16, – Царев Курган гор.; 6 – Гулькинский мог.; 8, 17 – Старомайнское гор.; 9, 13, 14 – Казанка I гор.; 10 – Пестречинская II ст.; 11 – Маклашевское II гор.; 18 – Займищенская III ст.; 19 – Задельная Гора гор.; 20 – Лысяя Гора гор. 1–5, 7–18 – с оригинала; 6 – Збруева, 1954; масштаб разный.

Рисунки Р.Р. Садыкова.